

И. А. Калужская

**ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ
РЕЛИКТЫ
В СОВРЕМЕННЫХ
БАЛКАНСКИХ
ЯЗЫКАХ**

Москва 2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения
Институт языкознания

И. А. Калужская

**ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ РЕЛИКТЫ
В СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАНСКИХ
ЯЗЫКАХ**

**(К проблеме румыно-албанских
лексических параллелей)**

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2001

Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(номер проекта: 00-04-16050д)

Ответственный редактор

доктор филологических наук Л. А. Гиндин

Рецензенты:

доктор филологических наук *В. П. Нерознак*,
кандидат филологических наук *Г. П. Клепикова*

И. А. Калужская.

Палеобалканские реликты в современных балканских языках (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей). — М.: «Индрик», 2001. — 176 с.

ISBN 5-85759-150-3

Монография посвящена выявлению палеобалканского вклада в корпус румыно-албанских лексических соответствий. Исходя из современного уровня методики сравнительно-исторических и этимологических исследований проанализирована формальная и семантическая история ряда ключевых корреспонденций. В некоторых случаях это привело к совпадению результатов проспективного и ретроспективного анализа на уровне реконструкции, а иногда к отрицательным выводам относительно самой возможности сопоставления. В работе предлагается ряд новых этимологических решений, а также привлечены новые данные, уточняющие важные детали некоторых предшествующих этимологий.

ISBN 5-85759-150-3

© Институт славяноведения РАН, 2001

© Институт языкознания РАН, 2001

© Издательство «Индрик», 2001

ОТ АВТОРА

Предлагаемая монография содержит попытку выявления следов исчезнувших древних языков Балканского полуострова в лексическом составе современных балканских языков (частично включая и славянские). Главная задача виделась в максимально внимательном анализе наличного материала на широком сравнительно-историческом и типологическом фоне и в объективной интерпретации имеющихся фактов.

Основное внимание сконцентрировано на исследовании румыно-албанских лексических сходжений, имеющих палеобалканские соответствия, дифференциации их генезиса, прослеживании их зачастую весьма прихотливой ареальной истории. Как и любая подобного рода работа, монография имплицитно ориентирована на решение некоторых более общих этноязыковых проблем Балканского ареала, на реконструкцию отдельных узловых моментов балканской этно-локально-хронологической ситуации, включая взаимодействие различных этнических и языковых комплексов.

Пользуюсь случаем принести благодарность коллегам, ознакомившимся с книгой в рукописи и давшим ряд полезных советов: А. Ф. Журавлеву, Г. П. Клепиковой, Л. В. Куркиной, В. П. Нерознаку, Т. В. Цивьян, О. С. Широкову. Благодарю также В. Л. Цымбурского за содержательные консультации и С. Л. Николаева за важные замечания.

Совершенно особое чувство признательности я испытываю к человеку, которому не суждено было дожить до завершения данного труда, им задуманного и тщательно опекаемого, к тому, кто на многие годы определил мою судьбу, учителю, старшему другу и мудрому советчику, неутомимому труженику — Леониду Александровичу Гиндину.

Существенную поддержку моей работе оказал В. М. Солнцев, реализовав задуманный им и Л. А. Гиндиным в 1993 году проект и создав в рамках Института языкознания РАН группу сравнительно-исторических исследований индоевропейских языков, в рамках которой я смогла завершить рукопись.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема происхождения албано-румынских лексических соответствий, тесно связанная с более общей задачей выявления палеобалканского наследия в современных языках Балкан, является одной из весьма существенных и оживленно дискутируемых в кругу сложных и довольно противоречивых вопросов румынского и албанского глотто- и этногенеза. Ее кардинальное значение для данной области исследований обусловлено тем, что при отсутствии исторических свидетельств о ранних этапах истории этих народов (первые упоминания об албанцах на западе Балканского п-ова и влахах в Молдове относятся к XI в.) и поздней письменной фиксации означенных языков (самые ранние албанские тексты появляются в XV в., румынские — в XVI в.), лингвистические данные становятся, по сути дела, основным, если не единственным, источником для реконструкции этнических процессов, относимых к дописьменной эпохе.

Вопрос о том, каким образом в румынском языке образовалась довольно внушительная группа слов, имеющих параллели в албанском (их число колеблется у разных исследователей от сотни до двух), при том что история застает эти народы достаточно разведенными в пространстве, привлекал внимание ученых очень давно. Уже Иоганн Тунманн в своем классическом труде о народах Восточной Европы отмечал сходства в словаре обоих языков: "Die Sprache der jenseits der Donau wohnenden Wlachen ist diese veränderte thracische Sprache. Gerade die Hälfte derselben (ich habe nachgezählt) ist lateinisch. Drei Achtteile sind griechisch, zwei gotisch, slavisch und türkisch; die übrigen aus einer Sprache, die mit der albanischen viele Ähnlichkeit gehabt hat: denn über siebenzig wlachische Wörter kommen mit eben so vielen albanischen überein: und jene albanischen Wörter, die mit den übrigen von den letzten $\frac{3}{8}$ der wlachischen Sprache gleiche Bedeutung haben, sind mehrenteile lateinischen Ursprungs" (Thunmann 1774, 339). При этом он объяснял их тем, что албанцы являются потомками илли-

рийцев, а влахи — фракийцев, которые были родственны между собой (*ibid.*, 240).

Стоявший у истоков современной балканистики Б. Копитар, живо интересовавшийся происхождением общих черт румынского, албанского и болгарского языков, являющихся, по его мнению, “eine Sprachform ... mit dreierley Sprachmaterie”, отнесил их за счет того, что румынский язык начал формироваться, когда римляне впервые появились в Иллирии (219 г. до н. э.), албанский же непосредственно наследует иллирийскому, не претерпевшему римского влияния (Kopitar 1829, 59–106). Ф. Миклошич (Miklosich 1861, 8–10) трактовал румынские слова, общие с албанским, как наследие языка автохтонного фрако-иллирийского населения, генетически близкого языку предков нынешних албанцев. Основоположник фракологии В. Томашек полагал, что “албанские” элементы в румынском унаследованы от колонистов-иллирийцев, которые были доставлены в Дакию римлянами и составили существенный компонент ее сельского населения (Tomaschek 1872, 145).

По мнению крупнейшего румынского филолога XIX в. Б. П. Хашдеу, те общие элементы румынского и албанского языков, которые невозможно объяснить из латыни или славянского, следует возводить к фракийскому источнику (румынские — к фрако-дакийскому диалекту, албанские — к фрако-эпиротскому); при этом, помимо слов субстратного происхождения, имеющих соответствия в албанском, Хашдеу выделял в румынском также слой собственно дакийских лексем, находя для них и.-е. соответствия, например, рум. *doină* ‘песня’ — лит. *dainà* то же (см.: Hasdeu 1875, I; Hasdeu EMR, I–IV; Hasdeu СВ и др.). Влиянием иллирийского субстрата объяснял румыно-албанские схождения О. Денсушяну, выдвинувший гипотезу об образовании румынского народа к югу от Дуная на обширной территории, включающей Мёзию, юго-запад Иллирика и Дакию; кроме того, часть из них он считал позднейшими заимствованиями из албанского, признавая, однако, трудность разграничения первых и вторых (Densusianu 1901, 8–39).

Важным вкладом в разработку интересующей нас проблемы стал фундаментальный труд А. Филиппиде (Philippide 1925–1928), представляющий собой попытку на основе междисциплинарного подхода реконструировать древнейшую историю румынского народа, где первостепенное внимание было уделено рассмотрению сходств румынского языка с албанским, причем не только в области лексики, но и в фонетике, морфо-

логии и синтаксисе. Автор собрал более двухсот лексических соответствий разной степени достоверности, из которых 185 были им истолкованы либо в качестве общих автохтонных элементов, либо как заимствования из албанского, либо как слова неясного происхождения, гипотетически также автохтонные. Приурочивая формирование румын к территории Верхней и Нижней Мёзии, Малой Скифии, Дакии и Нижней Паннонии и видя в албанцах наследников паннонцев — иллирийского племени, А. Филиппиде объяснял сходства между румынским и албанским языками частично за счет их географической близости в определенный период, частично за счет общего этноязыкового субстрата. Что касается собственно этимологической стороны труда Филиппиде, то следует отметить, прежде всего, его компилятивный и весьма произвольный (особенно в том, что касается сравнительно-исторической фонетики) характер.

Результатом совместного проживания албанцев и предков части румын в западной и центральной части Балканского п-ова считал возникновение албано-румынских тождеств С. Пушкарю (Puşcariu 1910; Puşcariu 1940, 162 *ş. u.*), при этом он разграничивал собственно албанские элементы в румынском (те случаи, когда форма и значение полностью совпадают) и элементы, проникшие из субстрата (когда имеются какие-либо фонетические или семантические отличия). Сходные взгляды на данную проблему высказывали также И.-А. Кандря (Candrea 1930; Candrea-Densusianu 1906), К. Траймер (Treimer 1914), Т. Капидан (Capidan 1921/1922) и Г. Джугля (Giuglea 1923; Giuglea 1944).

Традиция, согласно которой в румынском языке имеется большой пласт заимствований из албанского, была заложена в этимологических словарях А. Чихака (Cihac II) и Г. Мейера (Meuer EWA). Этой же точки зрения придерживались Г. Вайганд, выделявший три хронологических пласта подобных заимствований (Weigand 1927₁), А. Филиппиде (Philippide 1928), Х. Барич (Barić 1919; Barić 1961), Н. Йокль (Jokl 1923), Э. Чабей (Çabej 1959₁; 1964; 1965; 1976), а также в своих ранних работах Г. Брынкуш (Brîncuş 1961₁; 1961₂; 1972).

На рубеже 80–90-х годов А. В. Десницкая (Десницкая 1990₁, 5–12), исходя из характера сходств, выявляемых при сопоставлении румынского языка с албанским, поставила вопрос не просто об их конвергентном развитии в условиях исторических контактов, но о языковом родстве вторичного характера, сформировавшемся в результате определенных этноисторических процессов, датируемых первой половиной I тыс. н. э. При этом

она полагала, что албанский генетически соотносится с восточно-романскими языками двумя своими компонентами: иллирийская основа албанской речи находит соответствия в субстратных палеобалканских (дако-мизийских или дако-фракийских) элементах восточнороманских языков, в то время как романский компонент албанской лексики связан значительным рядом соответствий с латинской основой восточнороманской речи.

Для послевоенной румынской лингвистики характерно смещение точки зрения на проблему возникновения румыно-албанских соответствий в сторону довольно расплывчатого толкования их происхождения из общего индоевропейского карпато-балканского субстрата, на фоне полного отрицания непосредственного контактирования этих двух языков на протяжении всей их многовековой истории. Наиболее последовательными приверженцами данного направления были И. И. Руссу (Russu 1970, 78–126; Russu 1981, *passim*) и А. Врачу (Врачу 1963; Врачу 1964; Врачу 1966; Vraciu 1980, 100–171).

По мнению Г. Брынкуша (Brîncuș 1983, 6, ср. также Brîncuș 1995 *passim*), указанные слова проникли в карпато-балканскую латынь, легшую в основу румынского языка, непосредственно из фрако-дакийской речи, что означает для албанского необходимость допущения в его исконном лексическом составе существенного фракийского компонента. При этом заметим, что в своих более ранних работах Г. Брынкуш в большей мере находился под влиянием идей Э. Чабея о наличии в румынском ранних албанских заимствований (Brîncuș 1961₁, Brîncuș 1961₂, Brîncuș 1972).

Легко видеть, что все попытки объяснить генезис общих слов в румынском и албанском теснейшим образом переплетены с проблемой этногенеза румын и албанцев и их местонахождением в разные периоды дописьменной истории. Не имея здесь возможности подробно изложить все существующие точки зрения и приводимую в их поддержку аргументацию, поскольку литература вопроса чрезвычайно обширна и практически трудно обозрима, попытаемся кратко охарактеризовать наиболее существенные моменты.

Основные гипотезы относительно территории прародины румын и образования “общерумынского” языка (*româna comună*) можно свести к следующим¹:

¹ Укажем здесь главные работы обзорного характера: Gherghel 1910; Friedwagner 1934; Gamillscheg 1964; Полевой 1972; Ivănescu 1980, 47–77; Stoicescu 1980; Russu 1981; Windisch 1982; Schramm 1985–1987.

1) формирование румынского языка и народа к северу от Дуная в результате завоевания (106 г. н.э.) и колонизации Дакии римлянами; при этом предполагается, что после эвакуации легионов и администрации вместе с частью населения в 271 г. на правый берег Дуная в Верхнюю Мёзию на территории Дакии сохранилось романизованное население, ставшее этническим ядром современных румын (Б. П. Хашдеу, Ю. Юнг, А. Д. Ксенопол, Н. Йорга, В. Пырван, Т. Капидан, А. Росетти, И. И. Руссу);

2) при существовании континуитета романизованного населения на территории Дакии, основным центром романизации и формирования румынского этноса были области к югу от Дуная (Верхняя и Нижняя Мёзия, Малая Скифия, Дардания и Превалис), откуда в средние века осуществилась адмиграция населения в левобережье Дуная (Д. Ончул, А. Филиппиде, Т. Папахаджи, Э. Петрович, С. Пушкарю).

3) образование румын в южнодунайских областях и переселение их на территорию бывшей Дакии, где после эвакуации римлян, набегов варваров и великого переселения народов романского населения практически не осталось. При этом высказывались две основные гипотезы: (а) миграция произошла до прихода в Трансильванию венгров, т. е. в VI–IX вв. (Ф. Миклошич, К. Иречек, О. Денсушяну) и (б) после прихода венгров, т. е. в X–XIII вв. (Ф. Зульцер, Р. Рёслер, В. Томашек, Г. Вайганд, Л. Томаш, А. Альфёльди, А. Гальди, недавно возрождена в книге Du Nay 1977).

Что касается теорий албанского этногенеза, то здесь мы сталкиваемся, прежде всего, с иллиро-фракийской контroversой. Сторонники иллирийской версии (И. фон Ган, Ф. Миклошич, Г. Мейер, П. Кречмер, В. Пизани, В. Цимоховский, Э. Чабей, Э. Хэмп, А. В. Десницкая) аргументировали свою точку зрения следующими фактами: 1) совпадение современной и исторической областей расселения албанцев с южной частью ареала распространения иллирийских племен, 2) наличие в этом районе археологического и этнокультурного континуитета, 3) существование совпадений между иллирийскими глоссами и албанскими лексемами (иллир. *ῥινός* 'туман, мгла' ~ алб. гег. *rê* < **ren*- 'туха', мессап. *brévdov* 'олень, голова оленя' ~ алб. гег. *brî*, *brinë* 'рог', тарент. *ἄρνις* 'прогулка' ~ алб. *ep-dem* 'бродить', мессап. *bilia* 'дочь' ~ алб. *bijë* 'то же', тарент. *βαρ[υ]κα* 'αἰδοῖον' ~ алб. *bark* 'живот'), 4) возможность интерпретации ряда иллирийских топонимов с помощью албанского

(иллир. ЭН 'Αλβανοί ~ одно из самоназваний албанцев *Arbër*, *Arbën*, иллир. *Dardania* - алб. *dardhë* 'груша', иллир. Δέλμιον, *Delminium*, *Dalmatia* - алб. *dele*, *delme* 'овца', иллир. *Ulcinium*, *Ulcisia castra* ~ алб. *ulk* 'волк'), 5) албанский фонетический характер передачи некоторых античных топонимов с территории Иллирии (*Dyrrachium* ~ алб. *Durrës*, *Drivastum* ~ алб. *Drisht*, *Isamnus* ~ алб. *Ishm* и др., подробнее см.: Çabej 1958₁).

Наиболее бескомпромиссную позицию в вопросе об иллиро-генезе албанцев занимает албанская наука, стремящаяся во что бы то ни стало доказать континуитет и автохтонность албанцев в Албании, начиная едва ли не с эпохи палеолита. На этом фоне более сбалансированной и разумной выглядит позиция Э. Чабея, который решает проблему генезиса албанского языка и албанцев, различая в их истории добалканский и балканский периоды и помещая добалканскую прародину албанцев (в рамках периода позднего диалектного членения индоевропейского) к северу от Балкан. При этом он характеризует протоалбанский как язык, занимающий центральное, переходное положение в структуре индоевропейского диалектного континуума. Вопрос об автохтонности албанского языка на Балканском п-ове должен, по его мнению, решаться только для античного времени. Для этого исторического периода Э. Чабей очерчивает довольно обширную область, с которой можно связывать формирование собственно албанского языка. В эту область входят современная территория Албании, включая побережье, а также древняя Дардания с пограничными частями Македонии и Пеонии. Что же касается общей для румынского и албанского лексики, то, как считал ученый, поскольку многие из этих слов являются в албанском внутренними и относительно новыми образованиями, а также учитывая наличие ряда румынских элементов в албанском, отношения двух языков следует определить как адстратные, предполагая, что восточные области распространения албанского соседствовали в послеантичный период с крайними западными территориями бытования румынского (Çabej 1958; Çabej 1970; Çabej 1972).

В своих последних работах фундированию иллирийского генезиса албанского языка уделила большое внимание А. В. Десницкая (Десницкая 1987, 204–252; Десницкая 1990₂, 5–12). Вкратце ее трактовка происхождения албанского сводится к следующему: в основу албанского языка легли два языковых слоя, имеющих иллирийское происхождение: (1) сильно романизированная речь южноиллирийского населения частей со-

временной албаноязычной территории, непосредственно входивших в сферу римской колонизации (равнины Адриатического приморья, плодородные долины рек) и (2) менее затронутая римским языковым влиянием речь полунезависимых горных племен, консолидировавшихся в условиях распада Западной Римской империи и образовавших единую народность, в которую влилось также романизированное иллирийское население равнин и долин.

Из недавних работ, посвященных проблеме албанского этногенеза, следует упомянуть содержательный обзор проиллирийской аргументации Р. Кёдеррицша (Kodderitzsch 1988, 105–116), заканчивающийся, несмотря на явное сочувствие автора излагаемым аргументам, показательным признанием: “Dass die Albaner die Nachkommen der alten Illyrier sind, lässt sich heute weder beweisen, noch kann man diese Behauptung falsifizieren”.

Теория восточнобалканского происхождения албанцев, начиная с основополагающих трудов К. Паули (Pauli 1886, 200) и Х. Хирта (Hirt 1905, 141), получила наиболее развернутое обоснование в работах Г. Вейганда (Weigand 1927₂), Д. Дечева (Detschew 1960, 190–198) и И. Поповича (Popović 1960, 79–85). Основные доводы ее сторонников состоят в следующем: 1) сатемный характер албанского на фоне кентумного облика иллирийского (указанный аргумент не обладает решающей диагностической силой в связи с установлением многочисленных фактов непоследовательной сатемизации, характерной для центральноевропейской переходной зоны); 2) восточнобалканский (точнее, восточнороманский) фонетический облик основного пласта латинских заимствований в албанском; 3) нехарактерная для албанской исторической фонетики передача ряда античных топонимов с территории Албании (так, античное МН *Dyrrachium* должно было отразиться как алб. **Durrëq*, в отличие от совр. *Durrës*, предполагающего посредство слав. **Дѣраць*; алб. ГН *Osum* может быть возведен к античному *Asatus*, только если предположить славянскую промежуточную форму **Озѣтъ*); 4) позднее упоминание албанцев византийскими источниками; 5) немногочисленность древнегреческих заимствований в албанском; 6) неисконный характер албанской мореходческой и рыболовецкой терминологии; 7) наличие франко-албанских лексических корреспонденций (дак. *amolusta* ‘ромашка’ ~ алб. *ëmbël, ambël* ‘сладкий’ < **omel-*; дак. *μαντία* ‘ежевика’ ~ алб. *man* ‘шелковица’; дак. *μίσηλα* ‘тимьян’ ~ алб.

modhull(ə) 'чина', рум. *mazăre* 'горох'); 8) наличие корпуса албано-румынских лексических изоглосс. Развернутый обзор проблемы см.: Popović 1960, 79–85; Mihăescu 1966₁, 339–353.

Особое место в развитии представлений о генетической принадлежности албанского связано с именем В. Георгиева, который, признавая его восточнобалканское происхождение, отмечал некоторые существенные отличия от фракийского, в частности отсутствие в албанском следов "передвижения согласных", различную рефлексацию и.-е. слоговых сонантов и дифтонгов. Одновременно, базируясь на сопоставлении исторической фонетики языковых реликтов к северу и к югу от Дуная и на географии распределения топонимов с вторым компонентом *-dava* (территория Дакии и Дардании) и *-para, -bria* (территория Фракии), было предложено различать в этой обширной области два самостоятельных языка: дако-мизийский и фракийский (Георгиев 1960, 156 сл., ср. Георгиев 1977, 181–192). Согласно этой гипотезе, албанский язык, совпадая по своей исторической фонетике с реконструированным Георгиевым дако-мизийским, является наследником языка дако-мизийских племен, мигрировавших в центральные области Балканского п-ова на рубеже I–II тыс. до н. э. В первые века н. э. часть этих племен была романизирована и составила основу румынского этноса, а часть сохранила свой язык, который развивался под сильным влиянием балканской латыни, постепенно проникая на иллирийские территории. Общие элементы в румынском и албанском Георгиев объяснял тем, что для первого дако-мизийский был субстратом, а для второго — непосредственным предком. Гипотеза Георгиева в целом не получила широкого признания, что обусловлено, прежде всего, исключительной скудостью исходного материала, на котором построена реконструкция дакийской сравнительно-исторической фонетики, и осталась в истории изучения палеобалканских языков талантливый пережитком младограмматической схоластики. Добавим к этому, что в последнее время все чаще подвергается пересмотру и тезис Георгиева о наличии *Lautverschiebung*'а во фракийском, следы которого не без оснований предлагается трактовать как графический способ передачи средствами греческого и латинского алфавитов каких-то характерных особенностей произношения взрывных во фракийском (Тохтасев 1984₁, 42–43); пересматриваются и некоторые базовые этимологии, из которых исходил в своих построениях В. Георгиев. Все это вновь возвращает нас к античной традиции, которая рассматривала

гетов и даков как часть фракийского этнического *gesp.* языкового массива (см.: Detschew, s. v. v. Γέται, Δάκοι), что, однако, не исключает наличия внутри последнего диалектных различий.

Невозможность в силу разных причин (прежде всего фрагментарного, преимущественно ономастического характера дошедшего до нас материала языков Древних Балкан, к тому же не всегда поддающегося надежной этнической атрибуции) установить прямолинейную генетическую преемственность албанского языка с каким-либо из древних языков балканского ареала, а также наличие следов языковых связей как с западной, так и с восточной частью балканского языкового континуума вызвали вполне резонные попытки увидеть в албанском черты смешения различных языковых традиций. Так, Х. Барич говорил о его фракийской основе, подвергшейся сильному иллирийскому воздействию (Barić 1919, 19), Н. Йокль называл албанский “gemischte illyrisch-thrakische Sprache” (Jokl 1924₁, 92, ср. Mladenov 1929/30, 181–194), Э. Чабей отмечал в албанском известный фракийский вклад (Çabej SGj IV, 231), а В. Георгиев допускал наличие в нем иллирийского компонента, наслоившегося на дако-мизийскую базу (Георгиев 1977, 215, ср. Detschew 1960, 195).

Необходимо сказать, что объективные трудности в решении этно- и глоттогенетических проблем в карпато-балканском ареале часто усугубляются политической и идеологической заданностью исследований на эту тему, обусловленной территориальными претензиями ряда государств, начиная с позднего средневековья вплоть до наших дней (венгерско-румынское противостояние в Трансильвании, албанская проблема в Косово). При этом подчас весьма неумеренно эксплуатируется концепция “автохтонизма”, с помощью которой пытаются разрешить современные национально-государственные противоречия.

Примером жесткой конфронтации по вопросу о румынском континуитете в Трансильвании и — шире — к северу от Дуная, а также о территории образования румынского языка и народа могут служить такие публикации, как сборник “Transylvania and the Theory of Daco-Roman-Rumanian Continuity” (ed. by L. Lóte. Rochester—N.Y., 1980), где вновь приводятся археологические, исторические и лингвистические аргументы, отрицающие исконный характер румынского населения этого района, с одной стороны, и исследования румынских авторов, трактующие эту проблему с диаметрально противоположных позиций, — с другой (V. Căndea. Transylvania in the History

of Romania: an Historical Outline. London, n.d.; Ş. Pascu. A History of Transylvania. Detroit, 1982). Следует также упомянуть резко отрицательные отклики в Румынии на написанную исключительно с позиции балканской прародины румын и их позднего (не ранее начала XIII в.) прихода в левобережье Дуная книгу А. дю Нэ (Du Nay 1977), а именно: Niculescu 1980, 555–585; Vrabie 1981, 213–263.

Сравнительный анализ подобных публикаций дает возможность не только сопоставить разные точки зрения, но и наглядно демонстрирует, каким образом история древнейших периодов используется в современных политических интересах. Не менее жесткие идеологические установки характерны для этногенетических исследований и в албанской науке, когда защита теории автохтонизма и “иллирогенеза” *a priori* отвергает любые попытки найти следы древнего обитания албанцев вне территорий их современного расселения или непосредственно соседствующих с ними, ср. хотя бы издание материалов конференции “Problèmes de la formation du peuples albanais, de sa langue et de sa culture” (Tirana, 1985) или сборник “The Albanians and their territories” (Tirana, 1985).

Учитывая отрывочный и скудный характер сведений как о древних языках и этносах Балкан, так и о ранних этапах истории румын и албанцев, приходится констатировать, что все умозаключения относительно отношений преемственности албанского с палеобалканскими языками, равно как и участие последних в формировании румынского, остаются лишь более или менее вероятными гипотезами. Учитывая все это, хотелось бы, тем не менее, высказать некоторые соображения и привести ряд дополнительных аргументов, в какой-то мере способных прояснить отдельные детали интересующих нас явлений.

В другом месте (Kaluzhskaya 1994) мы попытались показать на примере сравнения некоторых албанских историко-фонетических процессов с фракийскими и иллирийскими (развитие сочетаний и.-е. **sk⁽ⁿ⁾* > алб. *h*, *ç²*, фрак. *sk*, иллир. *sk*, и и.-е. **sr* > алб. *rr*, фрак. *str*, иллир. *str*), что в генетическом плане албанский (собственно протоалбанский³) следует, види-

² Близкий взгляд на судьбу и.-е. **sk/sk'* в албанском см.: Русаков 1981, 195–202.

³ В данном случае мы пользуемся периодизацией истории албанского языка, предложенной А. В. Десницкой (Десницкая 1968, 190): I. Протоалбанский или праалбанский период, когда албанский язык, как самостоятельная едини-

мо, рассматривать как самостоятельный индоевропейский язык (ср. его архаические связи с германским, славянским и балтийским — Jokl 1912; Jokl 1923), отношения же его с палеобалканскими языками продуктивнее перевести в плоскость более поздних ареальных контактов, возникавших в процессе движения носителей албанского языка с территории первоначальной прародины, располагавшейся в период позднего диалектного членения индоевропейского на территориях к северу и северо-востоку от Дуная. Слабые следы траектории движения предков албанцев на Балканы просматриваются, как нам кажется, сквозь следующие свидетельства:

1) ороним Карπάτης ὄρος при алб. *karpë* 'скала'.

2) тождество древнего названия нижнего течения Дуная Ματόας, дошедшего в скифской передаче (St. B. s. v. = Eustath. Dion. Per. 494: Ματόας δὲ λέγεται ἐς τὴν Ἑλληνίδα γλῶσσαν αἴσιος, ὅτι πολλὰκις περαιοῦμενοι οὐδὲν ἐπελόνηθισαν sc. οἱ Σκύθαι τὸν Ἰστρον), и имени одной из главных рек Албании — *Mati*, восходящего к античному ΓΗ *Mathis* (Vib. Seq. s. v.: *Mathis Dyr-rachi non longe a Lisso*; ср. также свидетельство в *Descriptio Europae Orientalis Anonymi* §70, 1308 г., ed. O. Górká: *quatuor fluviis magnis tota hec regio irrigatur, videlicet Ersenta, Mathia, Scumpino, Epasa*), при наличии в албанском апеллатива *mat* 'берег реки', связываемого с и.-е. **m̥n̥-t-*: лат. *mōns, -tis* 'гора', авест. *mati* 'горный выступ' (Vasmer 1921, 39–40), сюда же лат. *mentum* 'подбородок', валл. *mant* 'челюсть, рот' и пр. (Pokorny I, 726) либо с др.-ирл. *math* 'песок' (Çabej SGj I, 333–334⁴), возможно сюда же и чеш. *Metuje* 'приток Лабы' (Фасмер I, 553 со ссылкой на А. И. Соболевского). Существенно, что область р. Мати является для албанцев своего рода "Re-

ца, вычленился из состава индоевропейской общности; *terminus ad quem* можно считать начало языковых контактов носителей праалбанского языка с Римом. II. Древнеалбанский период, который условно можно ограничить временной протяженностью начиная с последних веков до н. э. и до конца I тыс. н. э.; в нем выделяются раннедревнеалбанский — до начала контактов со славянскими языками, т. е. до VI–VII вв., и позднедревнеалбанский подпериоды. III. Среднеалбанский период — примерно первая половина II тыс. н. э. IV. Новоалбанский период — от начала письменной фиксации языка (конец XV в.) до настоящего времени.

⁴ На фоне албанской версии иранские этимологии Ματόας, сравнивающие его с вед. *mádati, mádatē* 'бурлит, бьет струей и под.' (Kretschmer — Glotta, XXIV, 5 f., Pokorny I, 694) либо с др.-инд. *mánthati, mathnāti* 'взбалтывает, встряхивает', слав. **mъtlъz* 'мутный' (Георгиев 1977, 246), представляются менее привлекательными.

liktgebiet" (Stadtmüller 1966, 120), подобно горам Уэльса в Великобритании и области басков в Пиренеях.

3) название северо-восточной части Карпатского массива *Бескиды*: др.-русск. *Бескыдъ*, польск. *Beskid, Beszkid, Bieszczad*, чеш. *Beskydy* < иллир. **biz-kit* 'буковый лес' (Трубачев 1968, 281–282; подробнее см. гл. I) на фоне алб. *bjeshkë* 'горное пастбище', причем последнее, как нам представляется, было воспринято протоалбанцами в процессе миграции. О статусе заимствования свидетельствует нехарактерное для албанского сохранение сочетания **sk* в виде *shk*; финальное *-t* было впоследствии переосмыслено как показатель определенности, что привело к образованию квазинеопределенной формы *bjeshkë*. Переход слова из разряда ономастики (ср. название горного хребта в Албании *Bjeshkët e Nemuna*, возможно, сохранившего исходную форму с финальным *-t*) в круг апеллативной лексики полностью аналогичен судьбе данного оронима в самих Карпатах: укр. *бескед* 'крутой обрыв, непроходимый овраг', молд. *бескид* 'гора (с летним пастбищем)', чеш., словц. *beskyd* 'горный хребет, соединяющий две вершины', польск. диал. *beskyd* 'горный хребет с перевалом'.

К моменту прихода славян на Балканы (начало VI в. н. э.) албанское население, судя по всему, имелось в областях Центральных Балкан, в том числе в районе античного Наиссоса (Ναῖσσός, Ναῖσός, *Naessus, Naissos, Naisus, Navissum*), современная славянская форма названия которого — *Ниш*, как убедительно продемонстрировал Йокль (Jokl 1924, 92), может быть объяснена, только если предположить албанское посредство: *Nais(s)us* > **Nēish* > *Niš*; то же самое можно сказать о топонимах *Štip* < **Астѣос*, *Astibus, Škup* < *Σκοῦλοι, Scupi* на территории современной Югославии (Barić 1955, 49; Popović 1959, 110).

Имеется еще один важный факт, отмеченный И. Гылыбовым, дающий основание предполагать, что ранние контакты славян на Балканах осуществлялись не только с албанцами, но одновременно и с предками румын, иначе трудно объяснить такое примечательное явление, как переход славянских суффиксов **-nikъ*, **-ьсь*, **-акъ*, **-аць* при их заимствовании в албанский и румынский из разряда субстантивных в адъективные: рум. *nasilnic* 'жестокий', *pravilnic* 'законный', *sărac* 'бедный', *prîşleţ* 'чужой', *albeţ* 'светлый', алб. *baltanik* 'глинистый', *vërsnik* 'того же возраста', *veshtak* 'умный', *hundec* 'с большим носом' (Gălbănov 1968, 215–216). Тезис о более восточном расположении албанцев в период раннего средневековья подтверждает на ар-

хеологических и исторических материалах и Г. Штадтмюллер (Stadtmüller 1966), приходя к выводу, что в римский и ранневизантийский периоды албанцы должны были размещаться в квадрате, ограниченном прибрежной равниной Нижней Албании, долиной реки Шкумбини и долинами Черного и Белого Дрина, при этом центром их иррадиации был бассейн р. Мати.

Следует специально отметить, что на фоне отрывочных сведений о ранней этнической и языковой истории румын и албанцев корпус албано-румынских апеллативных схождения всегда фигурировал в качестве одного из важнейших аргументов в решении целого ряда вопросов, будучи, однако, зачастую употреблен при отстаивании прямо противоположных позиций. В этих условиях особое значение приобретает его тщательный этимологический анализ с использованием достижений современной методики этимологических исследований. При этом единственным надежным критерием (хотя мы и отдаем себе отчет в его относительности и некоторой произвольности) для выяснения степени участия палеобалканского субстратного компонента в формировании указанных лексических схождения становится соотношение некоторых из означенных соответствий с реально засвидетельствованными палеобалканскими языковыми реликтами, попытки чего предпринимались неоднократно, однако не всегда удачно.

При написании данной работы мы видели перед собой две основные задачи: 1) собрать по возможности полный корпус румыно-албанских лексических соответствий, известных из разрозненной литературы, дав при каждом из них краткий этимолого-библиографический комментарий и, в необходимых случаях, высказав собственную точку зрения; 2) досконально проанализировать имеющиеся румыно-албано-палеобалканские сближения, оценив степень их достоверности как с точки зрения надежности исходного материала, так и со стороны строгости процедуры этимологического анализа. При этом в ряде случаев нам удалось предложить новые этимологические решения или добавить существенные уточняющие детали к известным этимологиям. В соответствии с этими задачами работа распадается на две части, первая из которых содержит список румыно-албанских лексических соответствий и обзор основных интерпретаций, вторая же — посвящена детальному этимологическому анализу румыно-албанско-палеобалканских сближений.

Глава I

РУМЫНО-АЛБАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ: СОСТАВ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Поскольку корпус румыно-албанских лексических соответствий выявлялся и пополнялся в течение длительного времени, вполне естественно, что взгляды на отдельные его компоненты претерпевали существенные изменения. Со времени выхода исследования А. Филиппиде (Philippide 1928), охватившего и подытожившего с максимальной полнотой доступный к тому времени материал, все последующие авторы, специально обращавшиеся к этой теме (Rosetti 1938, 1978; Russu 1970; Poghirc 1969; Brâncuș 1983), формировали свои списки с более субъективных позиций, сузив перечень А. Филиппиде с 185 позиций до 80–100, весьма отличающихся по составу. В то же самое время некоторыми авторами были предложены новые сближения разной степени достоверности. При этом объяснение генезиса интересующих нас схождений, как уже говорилось, сильно различается: от признания всех этих лексем в румынском заимствованиями из албанского (Г. Мейер, Г. Вайганд, Э. Чабей и др.) до апелляции к довольно аморфному понятию “гомогенного индоевропейского палеобалканского субстрата” (И. И. Руссу, А. Врачу, Г. Брынкуш). Характерна при этом четко прослеживаемая эволюция взглядов румынских исследователей: от весьма либерального отношения к возможности раннесредневековых контактов между предками румын и албанцев, вплоть до их совместного проживания в центральных районах северных Балкан (С. Пушкарю, К. Траймер, Т. Капидан, И. Кандря, О. Денсушяну) до категорического отрицания этой достаточно здоровой точки зрения и вынужденной приверженности политически ангажированной концепции автохтонизма в 60–80-е годы.

Немногочисленные попытки выстроить хронологическую стратификацию румыно-албанских лексических соответствий берут начало с классической статьи Г. Вайганда (Weigand 1927₁), где выделено три слоя: 1) слова, сохранившие в румынском праалбанскую (resp. фракийскую, в соответствии с концепцией фракийского происхождения албанского языка, развиваемой Г. Вайгандом) форму; 2) слова, имеющие в албанском надежные индоевропейские или латинские этимологии и, следовательно, являющиеся в румынском заимствованиями; 3) ряд слов из старорумынских памятников с чертами ротацизма, аналогичного албанскому, а также некоторые диалектизмы из районов Трансильвании, возникновение которых исследователь связывал с довольно поздней (XI–XII вв.) албанской инвазией. Тезис об отражении в румынском нескольких этапов албанских историко-фонетических изменений в результате довольно продолжительных языковых контактов был развит Э. Чабеем (Çabej 1964; Çabej 1965; Çabej 1974). Ряд конкретных примеров в этом же русле содержатся в работе: Калужская 1987.

Принимая во внимание значительный объем имеющегося в литературе материала и осознавая необходимость его обзора и хотя бы краткого обобщения, мы сочли наиболее рациональным пойти по пути представления этих сведений в достаточно компактной словарной форме. Каждая позиция приводимого ниже списка снабжена по возможности полной библиографией, включающей и альтернативные, зачастую гораздо более обоснованные, точки зрения. Так, среди румыно-албанских соответствий, интерпретируемых в послевоенной румынской традиции как наследие дакийского (resp. гето-дакийского, фрако-дакийского, палеобалканского индоевропейского) субстрата, обнаруживаются общие славянские, тюркские, германские, греческие заимствования, раннесредневековые заимствования из албанского в румынский, латинизмы, проникшие в румынский через албанское посредство. Мы не ставили перед собой задачу дать развернутую этимологическую интерпретацию каждого из приводимых соответствий, что трудно выполнимо в стесненных рамках заданного печатного объема, ограничившись краткими комментариями и ссылками на литературу. Также в целях экономии при языковых формах не даются ссылки на их источники, однако румынский и албанский материал проверен по: DLR, DLRM, Capidan 1935, Papahagi, Pușcariu 1926, Tiktin, Fjalor, Fjalor 1980, Leotti, Mann, WAD.

Обобщая сказанное, следует заключить, что предлагаемый ниже корпус румыно-албанских лексических соответствий представляет по сути дела обзор современного состояния исследований, касающихся его состава и интерпретационной стороны.

Друм. диал. (Банат) *abëş* adv. 'ей-Богу, действительно, в самом деле' - алб. *bësë* f. 'договор о сроке безопасности, заключаемый между семьями убитого и убийцы, в течение которого обещано не проливать крови; честное слово и обеспечиваемая им безопасность; покровительство путнику по закону гостеприимства; верность, доверие, вера' (Hasdeu EMR I, 80-81: рум. < субстратного слова, родственного алб. *besë*, а- < лат. *ad*-; Philippide 1928, 695: алб. исконно, рум. неясно; Poghirc 1969, 335 = Hasdeu; Brâncuş 1983, 131: поскольку алб. *besë* — относительно позднее образование, ср. Çabej 1976₁, 204-206, то заимствование из алб. исключено; Marmeliuc — LR, 1962, 5, 551-552: рум. < нем. [сакс.] *aber, schön!*); алб. *besë* < **be(n)-t-së* < и.-е. **bhendh-tja* (Meyer EWA, 33); алб. *besë* < **bhoidhã-tja*, ср. лат. *foedus* 'союз, договор', *fidēs* 'вера', греч. πίστις 'вера' (Schmidt — KZ, 57, 26); относительно связи алб. *besë* с фрак. Βένδις см.: Топоров 1984, 20-21. На наш взгляд, рум. слово связано с алб. опосредованно, будучи заимствовано на территории Баната из серб. *bësa-bëc* 'в самом деле, правда' (последнее из алб.), в котором произошло переразложение: **bes-ibes* и отпадение начального сегмента; ср. также арум. *besa-bes* < серб. (Papañagi 204).

Друм. *ábur*, -e m. 'пар' и пр. - алб. *ávull* m. 'пар; зной' (см. гл. II).

Друм. *acã* в *acãtare* 'определенный, известный', арум. *ahtare* - алб. *akë* в *akëcili* 'какой-то, определенный', *akëkush* 'кто-то', *akëku* 'где-то' (Meyer EWA, 6: алб. и рум. идентичны; Barić — AAC I, 139-140: алб. < а- [дейкт. частица как в *ai* 'он' и пр.] + **k^wo* 'кто', рум. < алб.; Çabej SGj I, 32: рум. < алб.; Brâncuş 1972, 300-301 = Brâncuş 1983, 131-132: безударный а- в алб. сохранился в силу его дейктического характера, неся вторичное ударение); иначе: рум. < лат. *esse* 'вот' (Hasdeu EMR I, s. v.; ср. Procorovici — DR I, 162; Philippide 1928, 625; Ciogănescu 3-4); на наш взгляд, алб. *akë* следует возводить к и.-е. **n-k^wo*, букв. 'некто'.

Друм. *a acerá vb.* 'ждать, встречать, подстергать' ~ 1) алб. *qëlló j vb.* 'бить, стрелять; случаться' (Puşcariu — DR II, 592: рум. — древнее заимствование из алб.; Philippide 1928, 695: возможно не связаны); ~ 2) алб. (у арберешей Италии) *qell vb.* 'приносить, приводить' (Çabej SGj II, 62–63: рум. < алб.); иначе: рум. < лат. *acinari* (Ciorănescu 5).

Друм. *acúm adv.* 'теперь, сейчас', аром. *amu*, мегл. *(a)сто*, истр. *асто(ѣ)* ~ алб. *akóma adv.* 'еще, пока еще' (Miklosich 1861, 8); иначе: рум. < лат. **eccum hūc modo* (Puşcariu 1905, 18; Philippide 1928, 695); алб. < н.-греч. ἀκόμη 'еще' (Meyer EWA, 6).

Друм. *aghiúťa f.* 'черт, бес' ~ алб. гег. *agója m.* 'бор' (Philippide 1928, 695); иначе: рум. < ср.-греч. ἅγιος 'святой' (Ciorănescu 12, к смене значения ср. рум. *sfîntuleťul* 'черт'); алб. < тур. *aga* 'господин' (Meyer EWA, 4).

Друм. *ajumítul m.* 'жмурки' ~ алб. *gjútě f.* 'сон' (Hasdeu EMR I, 610; Densusianu 1901, 296; Philippide 1928, 695); скорее всего рум. < болг. *жумя́* 'жмуриться' (Weigand 1927₃, 112; Ciorănescu 15); алб. *gjútě* < и.-е. **supno-s* 'сон' (Meyer EWA, 142).

Друм. *alác n.* 'вид похлебки, полба' ~ алб. *lákěr m.* 'капуста' (Philippide 1928, 696: рум. неясно); иначе: рум. < лат. *alica* 'полба' (Ciorănescu 16); или < венг. *alakor* (Cihac II, 475); алб. < греч. λάχανον 'капуста' (Meyer EWA, 236).

Друм. *aliór, ariór, aiór m.* 'молочай, Euphorbia cyparissias L.' ~ алб. *rjell m.* 'тж' (Philippide 1928, 696: неясно); иначе: рум. < лат. *aureolus* 'золотистый' (Candrea — GS III, 423); < лат. *hel-leborus* (Hasdeu EMR I, 892); алб. < лат. *aliellum* или **aliolum* (Pedersen 1894, 539); рум. < лат. **aliolum*, алб. < лат. **aliellum* (Meyer EWA, 366).

Друм. *Andilándi f.* 'название сказочной птицы' ~ алб. *dallëndýshe, dallandýshe f.* 'ласточка' (Hasdeu EMR II, 51–53: оба из фрак. *λενδ-, сюда же аром. *lindurá* 'тж'; Philippide 1928, 696); относительно алб. слова см.: Meyer EWA, 59 (< лат. *hirund(inem)*); Barić 1919, 5 сравнивает с др.-в.-н. *swalawa* 'ласточка', аналогично Schmidt — KZ, 50, 237 и Kortland 1987, 218–219; Mayer II, 112 сопоставил алб. *dallëndýshe* с иллир. этнонимом Ταυλάντιοι; то же — Çabej 1987, 157–159; Orel 1987₁, 72–73; алб. слово из словосочетания *dall-ně-dysh* 'разделенная надвое' (по форме хвоста).

Друм. *argeá f.* 'землянка, предназначенная для тканья; ткацкий станок' ~ алб. диал. *ragál f.* 'собачья конура' (см. гл. II).

Друм. *arichîță* f. 'сыворожка из-под творога' ~ алб. *ájkë, álkë* f. 'сливки' (рум. < алб. — Çabej 1964, 26; Çabej SGj I, 31–32; алб. < и.-е. **el-/*ol-* 'гнить' с расшир. *-kë*; Brâncuș 1983, 132); иначе: рум. < лат. **alicula*, димин. от *alica* 'полба' + суф. *-iță* (Hasdeu EMR II, 351); алб. < лат. *alica* (Meyer EWA, 5).

Друм. *aș(i)* interj. 'полноте! как бы не так!' ~ алб. *as* conj. 'даже не, также не' (Hasdeu EMR, II, 1980; Poghirc 1969, 335).

Друм. *báci* m. 'старший пастух, занимающийся приготовлением брынзы', аром. *baci*, мегл. *bačiu*, истр. *bâte* ~ алб. *bas, básë* m. 'старший брат; дядя' (Meyer EWA, 29; Barić 1919, 2–3; Philippide 1928, 697; Rosetti 1978, 272; Poghirc 1969, 335; Russu 1970, 133; Десницкая 1978, 158; Solta 1980, 39; Brâncuș 1983, 31–32; Орел 1983₁, 210–211: р.-алб. **batja*, рум. и слав. < алб.); иначе: рум. < слав. **batja* (Miklosich 1861, 14); рум. < печен. или куман. *baktchi* 'надсмотрщик' (Hasdeu EMR III, 2298; Densusianu — GS IV, 150–151).

Друм. *baláur, băláur* m. 'сказочный дракон' ~ алб. *bóllë* m. 'водяная змея, Callapetis aescularii', *bullár* m. 'змеевидная рептилия, Pseudopus apus' (см. гл. II).

Друм. *bálegă, báligă* f. 'навоз', аром., мегл. *baligă*, истр. (am)*balig* v. ~ алб. *bálgë, bálgë, bágël, bálgë* etc. 'тж' (Treimer 1914, 385; Capidan 1921/1922, 467–470; Philippide 1928, 697; Pușcariu 1940, 177; Rosetti 1978, 272; Çabej 1964, 26; Çabej SGj I, 49; алб. < и.-е. **bolg^w-a*, ср. греч. βόλβιτος 'навоз'; ср. Poghirc 1969, 335; Russu 1970, 135–136; Brâncuș 1961₂, 195–196; Brâncuș 1983, 34–35; Десницкая 1978, 158); иначе: рум. < тюрк., ср. татар. *balgas, balhas, balgaš* 'тж', алб. < рум. (Hasdeu EMR III, 123–124); алб. из протоболг. (Meyer EWA, 23); алб. и рум. родственны сев. итал. *bagola, bagula* 'козий помет' (Meyer 1894, 116); алб. < греч. диал. γκάβαλα pl. при литер. καθάλινα 'stercus' (Moutsos 1974, 68–72); неи.-е. соответствия см.: Николаев 1984, 30.

Друм. *báltă* f. 'лужа, пруд, озеро' ~ алб. *báltë* f. 'грязь, тина, глина' (см. гл. II).

Друм. диал. *bără* f. 'болотистое место' ~ алб. *bërrák* m. 'лужа, болото' (Poghirc 1969, 336) — маловероятно; рум. < с.-хорв. *bàra* (DLR I/1, 488; Ciorănescu 66; Gămulescu 1974, 83); алб. < слав. **barъnъ* + *akъ* (Sadnik-Aitzetmüller 3, 157) или исконно, ср. иллир. MH *Metubarbis* букв. 'междуречье', ГН *Barbanna*, фрак. ГН Βαρβύσης, др.-инд. ГН *Barbarā*, греч. βόρβορος 'тина' (Krahe — Glotta 1934, XXII, 125–127); Çabej SGj I, 64: сюда же βράγος 'έλος (Hes.); обширный диалектный материал см. Клепикова 1974₂.

Друм. *bărză* f. 'аист', аром. *bardzu*, мегл. *bardză* - алб. (*i, e*) *bardh* adj. 'белый' (Hasdeu — Columna lui Traian, 1873, 140; СВ I, 269; Meyer EWA, 27: алб. родств. др.-инд. *bhrājatē* 'сияет, блестит', ав. *barāzaiti* 'сияет', гот. *baírhts*, рум. < алб.; ср. Philippide 1928, 698; Weigand 1927₁, 210; Reichenkron 1966, 92; Rosetti 1978, 272; Poghirc 1969, 336; Russu 1970, 137-138; Mihăilă 1973, 63-64; Brîncuș 1966, 214-215; Brîncuș 1983, 37-40; Solta 1980, 50-51).

Друм. (устар.) *băscă* f. 'овечья шерсть' - алб. *băshkë* f. 'клок шерсти' (см. гл. II).

Друм. *a băiá* vb. 'кормить грудью; ласкать; рожать', *băiát* m. 'мальчик' - алб. **baĭ* - < **barĭ*-, ср. *baj* 'нести груз' (Hamp 1976, 33-34; Brîncuș 1983, 132-133); иначе: рум. < лат. *bāju-lāre* 'носить' (Meyer-Lübke REW, 887; DLR I/1, 428; Rosetti 1978, 189; Ciorănescu 58); рум. < дак. < и.-е. **bhou-/bhu-* 'расти, увеличиваться', ср. др.-инд. *bhāvayati* 'рождает' (Reichenkron 1966, 89-91; Georgiev 1968, 18).

Друм. *băl, bălân* etc. adj. 'белый, светлый' - алб. *bal, balósh* etc. m. 'животное светлой масти' (см. гл. II).

Друм. *a bărătá* vb. 'рычать; кричать, вопить; ругать' - алб. *bërtás* vb. 'кричать' (Çabej 1976, 56; Çabej SGj I, 63); иначе: рум. < лат. *bar(r)itus* 'боевой клич; рев слонов' (Hasdeu EMR III, 591-592).

Друм. МН *Bârsă, oaie bârsană* 'бырсанская овца' - алб. *bërthamë* f. 'косточка, ядро', ср. оронимы *Пурин Планина* и *Purenaii montes* от греч. *πυρήν* 'косточка, ядро' (Gabinschi 1991, 91-92).

Друм. диал. (Трансильвания) *berc, béarcă* f. 'овца с короткой вьющейся шерстью; животное с коротким или обрубленным хвостом' - алб. *berkth* m. 'белый ягненок или овца' (Saramandu 1987, 126-130); иначе: рум. < лат. **brevica* от *brevis* (Bogrea — DR I, 257).

Молд. *béskid* m. 'гора с летним пастбищем; горный перевал; скала' - алб. *bjëshkët* опр. ф. от *bjëshkë* 'летнее пастбище в горах; горный хребет' (Десницкая 1978, 156; Десницкая 1984, 311); скорее всего молд. < укр. *бескед, бескид* 'гора, скала, круча', образованного от оронима *Бескид, Бескиди* 'часть Карпат', обзор этимологий последнего см.: Марусенко 1963, 65-73; новейший синтез — Golab 1983, 103-108, где автор склоняется в пользу германской гипотезы Розвадовского: < ср.-н.-нем. *beschët* 'разделение; граница'; поддержано: Hamp 1986, 163-164, где отвергается сопоставление с алб. *bjëshkë* 'горное

пастбище' (Jokl 1923, 165 f.) и иллирийская этимология Трубачева: < иллир. **biz-kit-/biz-ket-* 'буковый лес', ср. укр. *Буковина* (Трубачев 1968, 281–282); недавно к поддержке последней на новом материале вернулся Топоров (1984, 14–15), приведя балтийские топонимические и апеллативные соответствия корню **ket-* и уточнив, что он "видимо, связывался с комплексом горы, поросшей лесом", подробнее — Топоров 1985, 123–132; см. также выше с. 15.

Друм. диал. *bitúșă, bitúșcă* f. 'телогрейка' ~ алб. *bishteze* f. 'подхвостник у лошади' (Cihac II, 9; Philippide 1928, 700); иначе: рум. < венг. *bojtos* 'украшенный кистями' (Ciorănescu 85).

Друм. *bîlc* m. 'лужа, трясина' ~ алб. *pellg* m. 'пруд, лужа' (Cihac II, 714; рум. < алб.; Philippide 1928, 700 с сомнением; Rosetti 1978, 273; Poghirc, 1969, 336 с сомнением; Brâncuș 1983, 41–42); рум. < слав. **bъlkъ* 'место под водопадом, куда низвергается вода' (Иллич-Свитыч 1960, 228–229; ср. то же: Orel 1985, 105–106); алб. сближается с греч. *πέλαγος* 'море' и иллир. ЭН *Πελαγόνες* (Çabej SGj II, 16–17).

Друм. *bîr* interj. 'возглас, которым подзывают и погоняют овец' ~ алб. *berr* m. 'овца' (Hasdeu EMR III, 636–637; Philippide 1928, 700; Rosetti 1978, 273; Poghirc 1969, 337; Brâncuș 1983, 42–43); иначе: оба звукоподражательного происхождения (Jokl 1923, 242; Georgiev 1965, 76; Ciorănescu 83); дои.-е. (Hubschmid 1954, 194–195); рум. < иран.: перс. *ber(r)e, bar(r)a* 'ягненок' (Densusianu 1924, I, 56); "altes Alpenwort", ср. сев.-итал. бергам. *bar*, милан. *bera*, пьемонт. *bero* и пр., сюда же слав. **baranъ* (Meyer EWA, 33; ср. Фасмер I, 123); специально об алб. *berr* в связи с слав. **borvъ* см.: Orel 1986₂, 173.

Друм. *bîrsă, bîrță* f. 'деталь плуга, соединяющая грядиль с полозом' ~ алб. *vérzë* f. 'ушки у сохи' (Jokl 1923, 137 f.; Çabej SGj II, 281–282; Brâncuș 1961₂, 197); вероятнее, что рум. < слав. **brъrdьce* 'часть плуга' (Densusianu — GS I, 142; Ciorănescu 84), ср. болг. диал. *брѣтце, брѣце* 'отвесная подпорка в плуге' (Архив БДР), с.-хорв. *brъce* 'тж' (Skok I, 205).

Друм. *bleg* adj. 'глупый, тупой', s. m. и f. 'глупец, тупица' ~ алб. *blegë* f. 'пастушка' (Габинский 1962₁, 65–66); иначе: рум. < слав. **blagъ* (Berneker 58); экспр. образование (Ciorănescu 87).

Друм. *a bocăni* vb. 'стучать, колотить' ~ алб. *z-bek-th* 'чешуйчатая сыпь' (Reichenkron 1966, 93–96); скорее всего рум. слово звукоподр. от *boc! bocă!* (DLR I/1, 593; Ciorănescu 90–91).

Друм. *bordéiu* n. 'хижина, землянка' ~ 1) алб. *burój* vb. 'происходить', *burg* m. 'подземное жилище' (Hasdeu 1875 I, 237-238; против — Philippide 1928, 700; см. также Ciorănescu 97); ~ 2) алб. *bórde* f. 'отверстие, дыра' (Нерознак 1978, 202).

Друм. диал. (Трансильвания) *boreásă* f. 'женщина, жена' ~ алб. *barëshë*, *bajorëshë* f. 'жена пастуха' (Погирк 1963, 552-555; Poghirc 1969, 337); иначе: *boreásă* — диал. вариант *boiereásă*, от *boier* 'знатный человек' < слав. **bojarinъ* (Mihăilă 1960, 134).

Друм. *borț* m. 'живот беременной женщины', *borțoásă* f. 'беременная' ~ алб. (*i, e*) (*m*)*bársë* adj. 'беременная' (Brâncuș 1983, 133); алб. < *(*en*)*bhort-ĭ-ā* от **bher-* 'нести', рум. < **bort-ĭ-*, таким образом, при очевидном тождестве прототипов в рум. сохранен более архаичный вокализм, что позволяет говорить о действительно субстратном статусе слова, минуя алб. посредство; иные версии см.: Ciorănescu 98; Çabej SGj I, 334-335.

Друм. *borză* f. 'жук, *Blaps mortisaga*', *boarză* f. 'бот. *Nigella damascena*' ~ алб. *bollë* f. 'водяная змея' (Габинский 1969, 68-70); иначе: рум. < венг. *borzas* 'растрепанный' (Cihac II, 484).

Друм. *brad* m. 'ель', аром., мегл. *brad* ~ алб. *breth* m. 'тж' (Miklosich 1861, 8; Hasdeu — Columna lui Traian 1873, 244-245; Cihac II, 714; Meyer EWA, 45; Capidan 1921/1922, 521; Weigand 1927₁, 211; Philippide 1928, 701; Graur 1927, 383; рум. *brad* — вторичная форма от **braz*, воспринятого как pl.; Çabej 1960, 87; алб. *breth* — сингуляризованный pl. с умлаутом от **bradh*, откуда и рум. **braz*; ср. Rosetti 1978, 273; Poghirc 1969, 337; Russu 1970, 139-140; Brâncuș 1983, 43-44); специально об алб. *breth* см.: Jokl 1912, 209 (*breth* < **bres-dh-* 'щетина, колючка', ср. Pokorny I, 110); Орел 1988, 28-30 связал *breth* 'ель' с *breth* 'брести'.

Друм. *brîșcă* f. 'складной нож' ~ алб. *brisk* m. 'бритва; карманный нож' (Çabej 1965, 111; алб. *brisk* от *bri* 'рог', т. е. 'нож с роговой ручкой', ср. *brisk* adj. 'длиннорогий', рум. < алб.; Çabej SGj I, 78); иначе: рум. < венг. *bicska* 'карманный нож', *r* под влиянием *brici* 'нож, бритва' (DLR I/1, 651); алб. < слав. **bričьkъ* (Фасмер I, 213).

Друм. *brîncă* f. 'рожистое воспаление; опухоль в горле; растение, употребляемое для лечения этих заболеваний' ~ алб. *brëngë* f. 'болезнь животных; опухоль в горле, дифтерия' (Çabej 1965, 110; Çabej SGj I, 76; Brâncuș 1983, 133; Rădulescu 1981, 18-19; сюда же лит. *brankà* 'опухоль'); иначе: оба < греч. βράγχος 'ангина' (Cihac II, 640; Diculescu 1927, 477; Tiktin I, 220; Meyer EWA, 48; Ciorănescu 104).

Друм. *brînză* f. 'вид сыра', мегл. *brɔndză* ~ алб. диал. (р-н Дибры) *brénza*, -t pl. 'внутренности' (Çabej 1964, 30: развитие значения — 'внутренности' → 'сычуг' → 'сыр'; Çabej 1965, 110; Десницкая 1978, 155; Brâncuș 1983, 44–45); иначе: рум. < лат. *brandeum* 'льняная ткань, в которой созревал сыр' (Ciorănescu 105); подробный обзор всех этимологий см.: Hubschmid 1980₂, 91–96.

Друм. *brîu* n. 'пояс, кушак; талия; орнамент', аром. *brîn*, *bîrnu*, мегл. *brɔn* ~ алб. *brez* m. 'тж' (Miklosich 1861, 9; Meyer EWA, 46: рум. < **brenu-*, алб. < **brenz-*, далее родственно гот. *brunjō*, др.-исл. *brunja*, др.-в.-н. *brunna* 'броня, латы'; ср. Treimer 1914, 391; Weigand 1927₁, 211–212; Philippide 1928, 701; Giuglea 1944, 23; Rosetti 1978, 273; Çabej 1965, 111; Poghirc 1969, 337; Russu 1970, 140–141; Solta 1980, 44; Brâncuș 1983, 45–47; Hubschmid 1980₁, 5–12).

Друм. *brústur(e)* m. 'лопух, репейник; Lappa', аром. *brostu*, *bruştură* ~ алб. *brúshull* m. 'вереск, плющ' (см. гл. II).

Друм. диал. (Трансильвания, Буковина) *bua*, *abua* interj. 'баю-бай' ~ алб. *buj* vb. 'ночевать' (Capidan — DR VII, 131; Çabej SGj I, 80–81; Brîncuș 1972, 303; Brâncuș 1983, 134).

Друм. *buc* m. 'мякина, полова' ~ алб. *byk* m. 'тж' (Rosetti 1978, 274; Poghirc 1969, 338; Brâncuș 1983, 49).

Друм. диал. *a bucși* vb. 'набивать, наполнять' ~ алб. *mbush* vb. 'тж' (Philippide 1928, 701).

Друм. *a bucurá* vb. 'радовать(ся), веселить(ся)', *bucurie* f. 'веселье, радость', аром., мегл. *bucur(îl'ă)* ~ алб. (*i, e*) *búkur* adj. 'красивый' (Miklosich 1861, 9; Meyer EWA, 52; Treimer 1914, 395; Philippide 1928, 701–702; Rosetti 1978, 274; Poghirc 1969, 338; Russu 1970, 143–144; Brîncuș 1966, 214; Brâncuș 1983, 49–50; Orel 1987₁, 69–70: алб. к и.-е. **bheu-* 'расти').

Друм. *bulz* n. 'ком, шар' ~ алб. *búlëz* m. 'капля; прыщик' (Pușcariu — DR III, 822: рум. < алб. **buljëzë*; Brîncuș 1961₁, 25; Brâncuș 1983, 134); иначе: рум. < лат. **bullidus* (Giuglea 1923, 595); другие решения см.: Ciorănescu 114.

Друм. *bumb* n. 'пуговица, шар, бутон' ~ алб. *bumbrék* m. 'анат. почка', *bumbár* 'домашняя колбаса' (Poghirc 1969, 329: родственно фриг. βάμβαλον ... τὸ αἰδοῖον [Hes.], также лит. *bám̃ba* 'пупок', лтш. *baĩba* 'шарик'); более вероятно: рум. < венг. *gomb* 'пуговица' (Ciorănescu 114–115) или < лат. *bombus* 'круглый предмет' (Giuglea — DR II, 385; Meyer-Lübke REW, № 1199); алб. < тюрк., ср. тур. *böbrek*, *bübrek* 'почка', из того

же источника болг. *бѣбрек*, с.-хорв. *бѹбрег*, диал. *бумбрег*, русск. диал. *бубрѣг* (БЕР 1, 96; Skok I, 224; Фасмер I, 226).

Друм. *bungét* п. 'лесная чаща' ~ алб. *bung* м. 'дуб' (Hasdeu CB I, 245; рум. < алб. *bung* + суф. *-et*, ср. *fag* 'бук' ~ *fäget* 'буковый лес' и под.; Cihac II, 715; Meyer EWA, 54; Philippide 1928, 703; DLR I/1, 695; Barić 1919, 103–104; алб. < **bhng/g'h*, ср. лит. *bingùs* 'статный, видный', греч. *παχός* 'толстый, крепкий', др.-инд. *bādháh* 'крепкий, сильный', рум. < алб., однако **ŋ* > алб. *a*; Jokl 1923, 177–179; алб. < **bheug*- 'вкушать' как 'Nährbaum', ср. др.-инд. *bhunákti*, лат. *fungor* 'осуществлять, исполнять'; ср. Weigand 1927, 213; Rosetti 1978, 274; Poghirc 1969, 338; Russu 1970, 144–145; алб. и рум. < **bhāgos* с назальным инфиксом, ср. греч. *φηγός*, лат. *fāgus* 'бук' и пр.; ср. Brîncuș 1966, 212–213; Brâncuș 1983, 51–52; Çabej SGj I, 83: сближает с фриг. Βαγαῖος; φηγωναῖος); нем.-е. соответствия см. Николаев 1984, 30.

Друм. *burdúf* м. 'бурдюк', *burduhán* м. 'желудок жвачных животных' ~ алб. *búrdhë* f. 'мешок' (Poghirc 1969, 329; Brâncuș 1983, 134–135); иначе: рум. < тюрк. (Hubschmid 1980₃, 518–519).

Друм. *buș* в выражении *în patru buși* 'на четвереньках' ~ алб. *mbush* (диал. *bush*) vb. 'наполнять', *bushiq* м. 'надутый шар' (Saramandu 1987, 131–133).

Друм. *butúc* м. 'чурбан, пень, колода' ~ алб. *butúk* м. 'годовалый козел' (Philippide 1928, 702) ~ алб. *but* м. 'большой деревянный сосуд для хранения брынзы' (Нерозник 1968, 34; Нерознак 1978, 202).

Друм. *búzã* f. 'губа; край; острие' ~ алб. *búzë* f. 'тж' (см. гл. II).

Друм. *carîmb* м. 'продольный брус в боковой стенке телеги; голенище' ~ алб. *kërrábë* f. 'пастушеский посох с железным крюком; мотыга', *kërrábës* м. 'топорик' (Нерознак 1978, 203); иные этимологии см.: Ciorănescu 141.

Друм. *căciulă* f. ' меховая шапка', аром., мегл. *căciuță* ~ алб. *kësúlë* f. 'тж' (Philippide 1928, 702; Rosetti 1978, 274; Poghirc 1969, 338; Russu 1970, 146; Десницкая 1978, 158; Brâncuș 1983, 53–54); иначе: рум. < лат. **catteulla*, dimin. от *catta* 'кошка' (Pușcariu 1905, 21); оба < ср.-греч. *κασοῦλα* 'грубая одежда' разными путями (Meyer EWA, 190–191); алб. < греч. *κασοῦλα*, рум. < н.-греч. *κασοῦλα* 'шапка' (Moutsos 1983, 48–65 с подробным обзором предшествующих этимологий).

Друм. *câlbeáză, gâlbeáză* f. 'заболевание печени у овец', аром. *gâlbadză* ~ алб. *këlbázë, gëlbázë* f. 'тж' (Meyer EWA 221–

222: алб. — производное от *kalbet, qelbet* 'гноиться', рум. < алб.; ср. Philippide 1928, 702; Pușcariu 1905, 696; Capidan 1922, 456; Rosetti 1978, 274; Poghirc 1969, 338; Çabej 1964, 16-17; Çabej SGj I, 275; Russu 1970, 163-165; Десницкая 1978, 155; Brâncuș 1983, 54-55); иначе: рум. < лат. *clăvellus* от *clăvus* 'гвоздь', ср. франц. *clavelée, claveau* 'овечья оспа', алб. < рум. (Georgiev 1965, 76).

Друм. *sărișă* f. 'овечий клещ', аром. *sărișe*, мегл. *sărișă* ~ алб. *këpëshë* f. 'тж' (Capidan 1922, 523; Philippide 1928, 703; Rosetti 1978, 272; Russu 1970, 146-147; Десницкая 1978, 158; Brâncuș 1983, 56-58); иначе: рум. от *sar* 'голова' + суф. *-ușă*, алб. < рум. (Pușcariu — DR II, 592-594); алб. от *kap* [< лат. *capio*] + суф. *-ushë*, рум. < алб. (Çabej SGj I, 276-277, ср. Skok II, 211).

Друм. *săpută* f. 'верхняя часть ступни; верхняя часть обуви' ~ 1) алб. *këpucë* f. 'ботинок' (Miklosich 1871, 11; Treimer 1914, 371; Philippide 1928, 703; Russu 1970, 147-148; Brâncuș 1983, 135); ~ 2) алб. *këputë* f. 'ступня; вязаные домашние туфли' (Çabej 1965, 110); иначе: рум. < венг. *kapta* 'вид обуви' (Cihac II, 487); рум. < лат. *caput* 'голова' (Vojan — CL, XI, 237-242); алб. < тур. *parış, parıc*; вероятнее всего, рум. *săpută* и алб. *këputë* < слав. **kopyto* 'копыто; сапожная колодка', алб. *këpucë* < слав. **kopytse* 'носок, чулок; вид обуви' (ср. ЭССЯ 11, 35-37).

Друм. *sătun* n. 'деревушка, хутор', аром. *sătună*, мегл. *sătun* ~ алб. *katund* m. 'тж' (Miklosich 1861, 10; Jokl 1914, 420-433; алб. *katund* — прич. на *-t* от *ndej* 'натягивать' < и.-е. **ten-* 'тянуть, натягивать (в т. ч. палатку)' + преф. *kë-*, рум. < алб.; ср. Philippide 1928, 703-704; Skok 1930, 519; Pușcariu 1940, 258; Rosetti 1978, 274; Poghirc 1969, 339; Russu 1970, 148-150; Brâncuș 1983, 58-59); иначе: рум. < иран. **kat-* 'выкопанное помещение': авест. *kata-* 'кладовая, погреб, яма', пехл. *katak* 'дом; яма' и пр. (Densusianu — GS VII, 90-94; аналогично для алб. — Орел 1981₂, 13); оба < тюрк. (Meyer EWA, 183; Vasmer 1921, 28-30; Treimer — Slavica III, 450; Rohlf's EWUG, 949).

Друм. *sârcel* m. 'усик у растения' ~ алб. *kërcell* m. 'ствол, стебель' (Габинский 1984, 67); иначе: рум. — контаминация *cercel* 'серьга, обод' и **krăçiti* 'скручивать' (Ciorănescu 192).

Друм. *seăfă* f. 'затылок', аром. *chiafă*, истр. *căfe* ~ алб. *qafë* f. 'шея' (Meyer EWA 219; алб. < и.-е. **kolso-*, ср. лат. *collum*, герм. **halsa-* 'шея', рум. < алб.; ср. Philippide 1928, 704; Puș-

cariu 1940, 177; Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 339; Brîncuș 1967, 555–556; Brîncuș 1983, 59–61); иначе: оба < греч. κεφαλή (Giuglea 1944, 34–35); оба < тур. *kafa* 'шея' (Ciorănescu 155; Russu 1970, 150).

Друм. диал. (Горж) *ceără* f. 'спина, затылок, закорки' - алб. *shälë* 'внутренняя сторона бедра; нога' (Brîncuș 1983, 135–136).

Друм. *chëlbe* f. 'парша, лишай', *chelbós* adj. 'паршивый, шелудивый; лысый' - алб. *qelb* m. 'гной' (Philippide 1928, 705; Çabej 1958, 131–132; Brîncuș 1983, 136); иначе: рум. < нар.-лат. **calvia* от *calvus* 'лысый' (Pușcariu — DR IV, 720).

Друм. *cheș* interj. 'возглас, которым подзывают и погоняют козлят', истр. *k'eș* - алб. *kes* m. 'козленок' (Brîncuș 1961₁, 26; Brîncuș 1961₂, 197).

Друм. *a chiți* vb. 'рассуждать, предполагать' - алб. *shqis* vb. 'продумать, разобраться' (Rădulescu 1981, 20–22).

Друм. *cioară* f. 'ворона', аром. *țoară*, мегл. *cioară* - алб. *sórrë* f. 'тж' (Hasdeu — Columna lui Traian 1874, 176; Meyer EWA, 390; рум. родств. алб., последнее < и.-е. **k'vor-*, ср. слав. **svorka* 'сорока', лит. *šárka*, греч. κόραξ, лат. *corvus*, *cornix*; Barić 1919, 11, 74; Treimer 1914, 409; Philippide 1928, 705; Jokl 1937, 146, 161: *sórrë* < **k'wërnā*, варианта и.-е. **k'er-/k'or-/k'r-* (Pokorny I, 569), рум. *cioară* отражает стадию др.-алб. аффрикаты; ср. Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 339; Brîncuș 1983, 61; Hamp 1982, 184: алб. < и.-е. **k'wërsnā*, ср. др.-инд. *kṛṣṇá-* 'черный, темный', слав. **čьgnъ*, однако восстановление в анлауте лабиовелярного весьма сомнительно, см.: Топоров ПЯ, К–L, 26–27; иначе: рум. родств. фриул. *çore*, *sore* 'ворона', сиц. *çaulo* etc. (Meyer-Lübke REW, № 2429; Den-susianu 1901, 231).

Друм. *cioc* n. 'клюв, острие, шип', аром. *cioc* - алб. *çok* 'кувалда, молот; дверная ручка' (Philippide 1928, 705; Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 339; Brîncuș 1983, 61–62); иначе: звукоподр. (Ciorănescu 185).

Друм. *ciopătă* f. 'кусок' - алб. *sópë* f. 'тж' (Philippide 1928, 706); иначе: рум. < венг. *csapat* 'куча, гряда' (Ciorănescu 188).

Друм. *ciúcă* f. 'вершина горы, холма', аром., мегл. *çucă* - алб. *çúkë* f., диал. *sukë* 'тж' (Philippide 1928, 706; Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 339; Brîncuș 1983, 62–63); оба < слав.: ср. с.-хорв. *čúka*, болг. *чука* 'вершина' (Meyer EWA, 449; Селищев 1931, 189); оба < дои.-е. (Хубшмид 1969, 243; Skok I, 340).

Друм. *ciuf* п. 'чуб, вихор', аром. *ciuf* - алб. *çúfkë* f. 'кукурузная метелка' (Philippide 1928, 707; Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 339; Brâncuș 1983, 63-64); иначе: оба < герм., ср. лангоб. *zippfa* 'коса', откуда и итал. *ciuffo* (Pușcariu — DR II, 608-609); рум. < слав. **čubъ* (Сihас II, 57).

Друм. *ciump* п. 'обрубок, кончик хвоста; сук' - алб. *thumb* м., тоск. *thump* 'жало; шип' (Barić 1919, 12; Treimer 1914, 398, 400; Philippide 1928, 707 с сомнением; ср. Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 339: в рум., возможно, экспрессивное образование; Brâncuș 1983, 64: рум. формально ближе тоск. варианту, однако не исключено, что в общерум. существовала форма **ciumb*, отразившаяся в *țumburuș* 'выступ', *rosiumb* 'колышек').

Друм. *ciung* adj. 'увечный, однорукий; с обрубленными сучьями', аром. *ciungu*, мегл. *ciung* - алб. *cung, sung* adj. 'отрезанный, отрубленный', s. f. 'пень' (Philippide 1928, 707; Orel 1987, 71: праалб. **tšun-k-a* < и.-е. **k'eu-*, **k'eǵ-* 'пухнуть'); иначе: экспрессивное образование, ср. итал. *cionco*, венг. *csönka* 'однорукий' (Ciorănescu 201).

Друм. *a ciupi* vb. 'щипать; клевать' - алб. *çupis* vb. 'клевать, долбить' (Philippide 1928, 707; Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 339-340; Rădulescu 1981, 22-24; Brâncuș 1983, 65); вероятно, оба из слав. **čipati*: польск. *ciupać* 'колоть, долбить', болг. *чупя́* 'тж', с.-хорв. *чупати* 'щипать, рвать'.

Друм. *a ciuruí* vb. 'стекать, струиться' - алб. *çurrél* м. 'водяная струя' (Rădulescu 1981, 25-26).

Друм. *cîrlig* м. 'пастушеский посох с крюком; багор', аром. *cărig, cărlig*, мегл. *cărlig* - алб. *kërlúk* м. 'тж' (Десницкая 1978, 158; Нерознак 1978, 203); ср. и болг. *кърлиг* 'тж' с неясной этимологией (БЕР 3, 209-210), с.-хорв. *кърљук* 'тж'.

Друм. *a cîrțái* vb. 'стучать, трещать' - алб. *kërcás* vb. 'скрипеть, трещать' (Philippide 1928, 707: оба звукоподр.).

Друм. *soacăză* f. 'красная смородина', аром., мегл. *socă* - алб. *kóqe* f. 'зерно; круглый плод, ягода; прыщик', *kóqëz* м. 'прыщик' (Philippide 1928, 708: алб. < лат. *coccum* 'косточка, зерно; ягода', рум. < алб.; ср. Rosetti 1978, 276; Çabej SGj I, 287-288; Brâncuș 1983, 66-68); иначе: оба < лат. *coccum* (Ciorănescu 210; Poghirc 1969, 340).

Друм. диал. (Трансильвания) *cocobárză* f. 'аист' - алб. *kokëbárdhë* f. 'светловолосый' (Saramandu 1987, 136-137).

Друм. *códru* м. 'дремучий лес, бор; устар. гора', аром. *cod(u)ru*, мегл. *codru* - алб. *kódër* м. 'гора, холм' (см. гл. II).

Друм. *sorác* m. 'дерево', аром., мегл. *surasí*, истр. *sorâț* ~ алб. *korác* m. 'ствол дерева, колода, дубина', *koráçe* f. 'обрубок; короткая суковатая палка' (Miklosich 1861, 10; Meyer EWA, 198; Philippide 1928, 708; Pușcariu 1940, 179; Giuglea 1944, 27; Rosetti 1978, 276: *soras* — вторичное образование от *sorasiiu*; Poghirc 1969, 340; Russu 1970, 150–151; Brâncuș 1983, 68); иначе: оба < слав. **кораць* (Treimer 1914, 398; Ciorănescu 230).

Друм. *soríl* m. 'ребенок', *sóril* m. 'незаконнорожденный ребенок; боковой побег у растения', аром. *sok'ílu*, мегл. *supil* ~ алб. *koríl* m. 'слуга; внебрачный ребенок' (Miklosich 1861, 10; Densusianu 1901, 37; Capidan 1921/1922, 524; Jokl 1923, 6–7 вслед за Oštir — "Wörter und Sachen" V, 220: алб. *koríl* < и.-е. **ko-*, ср. др.-инд. *kā* 'miss-' + **pelno-*, ср. алб. *pjell* 'рождать'; ср. Philippide 1928, 708; Rosetti 1978, 276; Poghirc 1969, 340; Десницкая 1978, 158; Brâncuș 1983, 68–70; Орел 1983, 213–214; Coteanu-Sala 1983, 79–87); иначе: алб. < лат. **cōpīlis* 'ребенок трактирщицы' от *cōra* 'трактирщица' (Meyer EWA, 198); оба < греч., ср. ср.-греч. *κόπελλος* 'бастард', совр. *копéлли* 'бастард, слуга', *копéлла* 'девочка', причем балканские формы с *i* объясняются заимствованием из северно-греч. диалектов, где $\epsilon > i$ (Moutsos 1969/70, 86–102 с подробным обзором предшествующих этимологий); болг. *копиле* от ст.-слав. *капиловати* 'блудить' < греч. *καπηλεύω* 'нечестно торговать', из болг. заимствовано в соседние языки (Мирчев 1966, 348–349); балк. формы < слав. **корулѣ* 'боковой отросток' (Трубачев 1981, 175; подробнее ЭССЯ 11, 30, 34).

Друм. *a copleși* vb. 'подавлять, угнетать, одолевать' ~ алб. гег. *kapllis* vb. 'подавлять, нападать' (Cihac II, 716; Philippide 1928, 708); иначе: рум. < лат. **complexāre* 'обхватывать' (Candrea-Densusianu 391).

Друм. *corcodușă* f. 'алыча' ~ алб. *kokërrdúçe* f. 'чернильный орешек, *Galla tinctoria*' (Saramandu 1987, 137).

Друм. *a corcolí* vb. 'баловать, лелеять' ~ алб. *kurkulós* vb. 'высиживать яйца' (Philippide 1928, 709).

Друм. *Crăciún* m. 'Рождество', аром., мегл. *Crățun*, *Crăciun*, *Cărțun* ~ алб. *kërcú*, *-ri*, гег. *kërcú*, *-uni* 'пень, колода, сжигаемая на Рождество в домашнем очаге' (Çabej 1961, 313–317; Çabej 1964, 12; ср. Çabej SGj IV, 237–240; Brâncuș 1972, 303; Brâncuș 1983, 137; Десницкая 1976, 44 сл.; Десницкая 1984, 341–345; Janson 1986, 195–196); иначе: рум. < лат. *creātiōnem* 'создание, сотворение' через ю.-слав. посредство (Rosetti — Ro-

manoslavica IV, 65–66); рум. < слав. **korčunъ* 'тот, который шагает' в связи с слав. названием солнцеворота (Weigand 1927₃, 97–104; то же — ЭССЯ 11, 56–58, ср. Селищев 1931, 158, 323; алб. < слав. *кpч(уми)*); см. также Фасмер II, 336–337; БЕР 2, 726–727; Skok II, 175; Ciogănescu 246.

Друм. *creț* adj. 'кудрявый, вьющийся' ~ 1) алб. *krēc* adj. 'с треснутой кожей (об инжире)' (Brîncuș 1972, 304; Brîncuș 1983, 137); ~ 2) алб. (*i, e*) *krėshte* adj. 'с колючими волосами', *krėshte* 'щетина' (Нерознак 1978, 203), однако последнее < лат. *crista* 'петушиный гребень' (Meyer EWA, 205), ср. рум. *creastă* 'тж'; иные этимологии рум. *creț* см.: Ciogănescu 251.

Друм. *a crișcă* vb. 'скрипеть' ~ алб. *kris* vb. 'тж' (Philippide 1928, 709; оба звукоподр.).

Друм. *a cruță* vb. 'щадить, беречь' ~ алб. *kursėj* vb. 'тж' (Miklosich 1861, 10; Densusianu 1901, 352; Russu 1970, 151; Brîncuș 1983, 138); иначе: оба < лат. **curtiāre* 'обрезать; сокращать, в т. ч. расходы' (Pușcariu 1905, 420; Meyer-Lübke REW № 2419; Philippide 1928, 639; Meyer EWA, 216).

Друм. *a curmă* vb. 'отрубать, отрезать', аром. *curmi* ~ алб. *kurt* m. 'туловище человека; ствол дерева; кусок мяса или рыбы', *kurtoj* vb. 'резать на части' (Russu 1970, 151–152; Brîncuș 1983, 138); иначе: рум. < греч. *κορμός* 'обрубок, ствол, пень', *κορμάζω* 'обрезать, обрубить' (Giuglea 1923, 619–620); рум. < лат. **corrītāre* от *rītōr* 'колоть, раскалывать' (Meyer-Lübke REW, № 2254); алб. < н.-греч. *κορμί* 'туловище' (Meyer EWA, 216).

Друм. *cúrpen, cúrpan* m. 'усик, ползучий стебель растения', аром., мегл. *cúrpan* ~ алб. *kúlpër, kúrpen, kúrper* m. 'барвинок, Clematis' (Meyer EWA, 213; Barić 1919, 42; Jokl 1923, 229–230; алб. *kulpër* < и.-е. **k^w_{el}-bh-* от **k^w_{el}-* 'drehen', сюда же алб. *përkul* 'сгибать, наклонять', рум. < алб.; ср. Capidan 1921/1922, 527; Weigand 1927₁, 211; Philippide 1928, 710; Rosetti 1978, 276; Çabej 1960, 92; Çabej 1964, 14; Poghirc 1969, 340; Russu 1970, 153–154; Brîncuș 1983, 70–71; Janson 1986, 194; Калужская–Орел 1983: алб. *kulp, kulpër* точно соответствует лит. *kilpa* 'петля' < **k^(w)l̥p-*, образуя специфическую балто-албанскую изоглоссу).

Друм. *cúrsă* f. 'силок, западня, ловушка' ~ алб. *kúrthë* f. 'тж' (Barić 1919, 42; алб. < и.-е. **k_{orta}-m* от **kert-* 'drehen, zusammendrehen', ср. греч. *κúrτος, κúrτη* 'плетеное изделие из камыша: верша, птичья клетка', др.-в.-н. *hurd* 'плетенка', др.-инд. *kaṭaḥ* 'циновка', др.-прусс. *korto* 'огороженное место',

рум. < алб.; ср. Philippide 1928, 711; Rosetti 1978, 276; Çabej 1964, 19; Poghirc 1969, 340–341; Brâncuș 1983, 71–72; Калужская 1987, 58–60; алб. < **křt-ia-*, ср. лат. *crātis* 'плетенка', гот. *haúrds*; рум. < алб. с субституцией алб. *th* посредством рум. *s*); иначе: оба < тур. *kurs* 'диск, круг' (Meyer EWA, 216); рум. < греч. *κυρτία* 'плетенка', *κύρτη*, алб. < рум. (Diculescu 1927, 464).

Друм. *a cutezá* vb. 'осмеливаться', арум. *cutedz*, мегл., истр. *cutez* ~ алб. *kuxój, guxój* vb. 'тж' (Philippide 1928, 711); иначе: оба < н.-греч. *κοτῶ* 'осмеливаться' (Meyer EWA, 209); оба < греч. *κοτίζειν* 'играть в кости' (Mihăescu 1966, 54) или опосредованы лат. *cottizare* (Candrea-Densusianu 467; Naarmann 1978, 217).

Друм. *dáltă* f. 'зубило, долото' ~ алб. *dáltë* 'тж' (Георгиев 1960, 36; Çabej SGj I, 105; Brâncuș 1983, 138–139); иначе: оба < слав. **dol(b)to* (Miklosich 1861, 21; Meyer EWA, 60; Treimer 1914, 392; Rosetti 1947, 312; Mihăilă 1960, 46; ЭССЯ 5, 60; Duridanov 1977, 691).

Друм. диал. (Трансильвания) *dándăr* m. 'чужестранец' ~ алб. *dhëndër* m. 'жених; зять' (Weigand 1927, 216; Çabej 1964, 26).

Друм. диал. (Мусчел) *daș* m. 'ягненок' ~ алб. *dash* m. 'баран' (Jordan I. — Buletinul Institutului de filologie română, Iași, 1940–1941, VII–VIII, 288; Rosetti 1978, 276; Russu 1970, 155–156; Poghirc 1969, 341; Brâncuș 1983, 139).

Друм. *a dărîmá* vb. 'разрушать, ломать; обрезать ветки', арум. *dirimare* ~ алб. *dërmój* vb. 'разбивать; разделять; дробить' (Çabej 1936, 179; алб. — дериват от *dromë* 'кусочек, крошка', рум. < алб.; Çabej SGj I, 122; ср. Russu 1970, 156–157; Brâncuș 1983, 139–140); иначе: оба < лат. **derāmāre* от *rāmus* 'ветка' (Meyer EWA, 65; Philippide 1928, 639–640; Densusianu 1940, 65); рум. < лат. **derīmor* от *rīmor* 'взрывать, рыхлить' (Pușcariu 1905, 485; Meyer-Lübke REW № 2584).

Друм. *dîrstă* f. 'сукновальня', арум. *drișteală*, мегл. *drușteală* ~ алб. *dërstilë* f. 'тж' (Cihac II, 717; Philippide 1928, 711); иначе: оба < болг. *дрѣста, дрѣща* resp. *дрѣстило* 'тж' (Meyer EWA, 65; Çabej SGj I, 122–123; Mihăilă 1960, 35; БЕР 1, 439).

Друм. *droáie* f. 'толпа; стая' ~ алб. *droje* f. 'страх, боязнь' (Scriban A. — Arhiva 1921, XXVII, 71: развитие значения как в рум. *groază*: 'ужас, страх' > 'уйма, масса, множество'; Rosetti 1978, 276; Çabej 1968, 49, 51; Brâncuș 1961, 198; Poghirc 1969, 341; Brâncuș 1983, 72).

Друм. *druéte* f. 'толстый ствол дерева' ~ алб. *dru* f. 'дерево' (см. гл. II).

Друм. *drum* n. 'дорога', аром. *drum* ~ алб. *dhrom* m. 'тж' (Poghirc 1969, 330); иначе: оба из греч. δρόμος (Meyer EWA, 87; Mihăescu 1966, 81) или опосредованы слав.: болг. *друм*, с.-хорв. *дрѹм* (Çabej SGj I, 145; Ciorănescu 303).

Друм. диал. (Хацер) *fără* m. 'род, поколение' ~ алб. *fărë* f. 'тж' (Weigand 1927₁, 216); иначе: оба < герм.-лангоб. *fara* 'поколение, семья, род', ср. ломб. *fara* 'небольшое поместье' (Diez 1853, 370; Meyer EWA, 100; Philippide 1928, 661); об этимологии алб. *farë* < **spora*, ср. греч. σπορά, см.: Orel 1987₂, 145.

Друм. *fărîmă* f. 'крошка; обломок, осколок' ~ алб. *thërrime* f. 'тж' (Çabej 1936, 178–180; алб. *thërrime* — произв. от алб. *ther* 'резать', рум. < алб.; Çabej SGj II, 217–218; ср. Rosetti 1978, 277; Georgiev 1968, 18–19; Poghirc 1969, 341; Russu 1970, 158–159; Brâncuş 1983, 74–75); иначе: алб. < лат. **fragm(ā)nāre*, рум. < алб. (Meyer EWA, 90; ср. Weigand 1927₁, 214); рум. < лат. **farrimen* — собирает. от *far* 'пшеница' (Puşcariu 1905, 582; Giuglea 1923, 598–599).

Друм. *ferie* f. 'ведро, мера емкости' ~ алб. *thërkë* f. 'канал, протока, большая лодка' (Нерозник 1968, 35); иначе: рум. < венг. *ferő* (Drăganu N. — DR V, 354–358).

Друм. *flúier* n. 'свирель, рожок', аром. *fluer, fluiară, filioară*, мегл. (s)*friel* ~ алб. *flojëre* f. 'тж' (Meyer EWA, 108; Philippide 1928, 712; Puşcariu 1940, 179; Rosetti 1978, 277; Poghirc 1969, 341; Brâncuş 1983, 75–76; Çabej SGj I, 190–191, 201–202; иначе: рум. < греч. φλοιάριον от φλοιός 'кора липы' (Giuglea 1923, 587–590); звукоподр. (Ciorănescu 335–336, там же др. версии).

Друм. *flúturë* m. 'бабочка', аром. *flutur, fluturare* ~ алб. *flúturë* f. 'тж' (Brâncuş 1983, 140); иначе: алб. < лат. *flūctuāre* 'колебаться, дрожать', рум. < алб. (Meyer EWA, 99); оба < лат. **flūtulus* от *flūtāre* 'колыхаться, трепыхаться' (Candrea-Densusianu 610; см. также: Ciorănescu 336).

Друм. *fústă* f. 'юбка, передник', аром. *fustă, fustană*, мегл. *fuscă* ~ алб. *fústë* f. 'тж' (Десницкая 1978, 158); иначе: оба < н.-греч. φοῦστα от φοустάν < ит. *fustana* (Ciorănescu 349).

Друм. гапакс *fuşoi* m. 'название травы' (у V. Alexandri. Cântecul plugarului) ~ алб. *fushë* f. 'поле' (Габинский 1981, 68).

Друм. *gard* n. 'забор, ограда', аром., мегл. *gard(u)*, истр. *gård* ~ алб. *gardh* m. 'тж' (Meyer EWA, 119–120; алб. < и.-е. **ghordho-*, ср. лит. *gaĩdas*, слав. **gordъ*, гот. *gards* и пр., одна-

ко не исключает и возможности заимствования из слав.; ср. Capidan 1921/1922, 461–462; Puşcariu 1940, 178; Philippide 1928, 711–712; Jokl 1934, 298–300; Rosetti 1978, 277; Çabej SGj I, 205; Poghirc 1969, 341; Russu 1970, 159–160; Mihăilă 1971, 363; Mihăilă 1973, 64–65; Rădulescu 1981, 38–39; Brâncuş 1983, 76–77); иначе: оба < слав. (Miklosich 1861, 19–20; Cihac II, 115; Densusianu 1901, 259, 264; Duridanov 1977, 692); оба < герм. (Pudić 1964, 865; ср.: Solta 1980, 108).

Друм. *gárdină* f. 'паз в днище бочки, утор' ~ алб. *gárdhën* m. 'тж' (Jokl 1934, 300; Çabej SGj I, 205; Russu 1970, 161–162; Brâncuş 1983, 140–141).

Друм. *gátă* adj. 'готовый', adv. 'готово' ~ алб. *gáti* adv. 'готово', *gati* f. 'приготовление', *gatiť* vb. 'готовить', *gatuaj* vb. 'месить тесто; стряпать' (Miklosich 1861, 9; Meyer EWA, 121; алб. *gat* = слав. **gotъ*, реконструированному из **gotovъ*; Philippide 1928, 713; Jokl 1931, 254, 290; алб. *gatuá* < слав. **gotoviti*, рум. < алб.; ср. Barić 1955, 69–70; Rosetti 1978, 277; Poghirc 1969, 341; Russu 1970, 162–163; Mihăilă 1973, 61; Hamp 1973, 333–345; алб. < и.-е. **g(h)od(h)*- 'соединять, подходить друг другу' со сложной фонетической и семантической эволюцией, рум. < алб.; Çabej 1976₂, 65–68; алб. *gáti* vb. < *gati* s. f. 'приготовление', девербатива от *gatis*, *gatiť* 'готовить' < слав. **gatiti* 'ставить запруду', рум. < алб.; Brâncuş 1983, 77–78); скорее всего алб. формы исконно родственны слав. **gotovъ* — производному от **gotъ* < **g^wǣtu-*, супина к и.-е. **g^wǣ-* 'идти', относительно последнего см.: Трубочев 1964, 153–156; ЭССЯ 7, 70–72; ср. также: Skok I, 596.

Друм. *gaură* f. 'дыра, отверстие', аром. *gavra*, мегл. *gaură* ~ алб. (*z*)*gávër* m. 'дупло' (Philippide 1928, 713; Десницкая 1976, 41; Десницкая 1978, 158; Rădulescu 1981, 39–41; Топоров 1985, 128–132: оба < и.-е. **geu-r-/gou-r-/gū-r-* от **geu-* 'гнуть' в широком балкано-балтийском контексте, ср. Топоров 1984, 16); иначе: оба < лат. **cavula* от *cavum* 'впадина, пустота' (Meyer EWA, 37; Candrea-Densusianu 113; Ciorănescu 365; Naarmann 1978, 213, 222).

Друм. *găoace* f. 'скорлупа' ~ алб. *guaskë* f. 'раковина' (Габинский 1981, 63–65); иные версии см.: Ciorănescu 353.

Друм. *a* (*se*) *găsi* vb. 'находить(ся), отыскивать(ся)' ~ 1) алб. *gjej* vb. 'тж' (Cihac II, 717; Philippide 1928, 713); ~ 2) алб. *has* vb. 'встречать' (Габинский 1962, 63–64), иначе: рум. < слав. **gasiti* с развитием значения, аналогичным лат. *afflāre* 'дуть' > рум. *a afla* 'находить, отыскивать' (Ciorănescu 355).

Друм. *ghimpe*, устар. *ghimp* м. 'шип, колючка' - алб. *gjemb*, *gjëmb* м. 'тж' (Cihac II, 711; Meyer EWA, 140; Jokl — IF XXXVI, 141; Weigand 1927₁, 213; Philippide 1928, 713-714; Rosetti 1978, 277; Çabej 1959₁, 530; Çabej 1964, 8, 24-26; Poghirc 1969, 342-343; Russu 1970, 165; Brîncuş 1966, 210; Brîncuş 1983, 78-79); иначе: рум. < лат. **pungulum* от *pungo* 'колоть, жалить' через метатезу (Ciorănescu 363).

Друм. *ghioágă*, *ghigă*, *ghegă*, *ghioacă*, аром. *cl'oagă*, *gl'ogă* f. 'дубина' - алб. *qókë* f. 'зарубка, насечка' (Russu 1970, 165-166); иначе: рум. < слав. **glogъ* 'боьярышник' (Cihac II, 120); рум. < лат. *clavus* 'гвоздь' (Hasdeu — Columna lui Traian, IX, 596); алб. < ср.-лат. *crocea* 'baculus pastoralis' (Meyer EWA, 192); алб. < слав. **kl'uka* (Vasmer 1921, 31-32).

Друм. *ghionoáie* f., *ghionói* м. 'дятел', аром., мегл. *ghion* - алб. *gjon* м. 'карликовая сова' (Philippide 1928, 714; Çabej 1965, 111; Rosetti 1978, 277; Poghirc 1969, 342; Russu 1970, 166-168; Brîncuş 1966, 212; Brîncuş 1983, 79-80); алб. *gjon*, возможно, связано с ЛИ *Gjon* = греч. ἰωάννης (Meyer EWA, 141).

Друм. диал. *ghiuj* м. 'старик' (Молдова, Буковина) - алб. *gjysh* м. 'дед' (Hasdeu 1875, I, 308; idem. — Columna lui Traian I, 1-17: сюда же γύυης πάπλος [Hes.], лид. γυυαίη 'вечная' [Hdt. I, 93] и др.-мак. ЛИ Γύυης); однако алб. *gjush* < **sūsos* (Wiedemann — ВВ XXVII, 223; Jokl 1923, 29-30) или < *sūsio-*, родств. др.-инд. *sūh* 'родитель' (Barić 1919, 37; Barić 1961, 29-30); рум. < алб. (Philippide 1928, 714; Weigand 1927₁, 216; Giuglea 1944, 26); рум. из субстрата (Rosetti 1978, 277; Poghirc 1969, 330; Brîncuş 1983, 80-81).

Друм. *a gídilá* vb. 'щекотать', аром. *gadil*, *gădilare* - алб. *gudullis* vb. 'тж' (Hasdeu — Columna lui Traian 1873, 110; Philippide 1928, 714); иначе: рум. < тур. *gıdıklanmak* 'щекотать, раздражать' (Ciorănescu 336).

Друм. диал. (Олтения) *gógă* f. 'страшилище, бука' - алб. *gogë* f. 'привидение' (Cihac II, 112; Meyer EWA, 126; Rosetti 1978, 277; Poghirc 1969, 342; Çabej 1976, 57; Rădulescu 1981, 43; Brîncuş 1983, 141).

Друм. *gógă* f. 'шарик' - алб. *gogë* f. 'бот. чернильный орешек' (Rădulescu 1981, 41-42); иные решения см.: Ciorănescu 373.

Друм. *grápă* f. 'борона' - алб. *grep* м. 'рыболовный крючок' (Philippide 1928, 715; Rosetti 1978, 277; Çabej 1964, 10; Poghirc 1969, 342; Russu 1970, 168-169; Brîncuş 1983, 81-83); иначе: рум. < герм. **krappa* (др.-в.-н. *krâpfo*, ср.-в.-н. *krâpfe*,

нем. *Krapfen* 'крюк' (Iliescu 1963, 143–145; 1963₁, 281–284; ср. Giuglea 1944, 113).

Друм. *grésie* f. 'песчаник, точильный камень', аром. *greasă* ~ алб. *gërrësë* f. 'скребок', *gërrýej* vb. 'скоблить, скрести' (Cihac II, 717; Meyer EWA 130; Philippide 1928, 715; Weigand 1927₁, 213; Rosetti 1978, 278; Çabej 1965, 110; Poghirc 1969, 342; Russu 1970, 169–170; Brâncuş 1966, 211–212; Brâncuş 1983, 83–84); иначе: рум. < герм., ср. нем. *Griess* 'крупный песок' (Giuglea 1944, 24; Georgiev 1965, 76); рум. < слав. **kresadlo* (Ciorănescu 378–379); специально о рум. *gresie* в широком культурно-археологическом контексте см.: Dumistrăcel 1988, 213–222, 429–443; об алб. *gërresë* — Jokl 1911, 23.

Друм. *grîu* n. 'пшеница', аром. *grău*, мегл. *gron*, истр. *grăwu* ~ алб. *grurë* (гер. *grünë*) f. 'тж' (Miklosich 1861, 9; Çabej 1976, 57); иначе: рум. < лат. *grānum* (Ciorănescu 380–381 с литерат.); алб. < и.-е. **g'ṛnom* (Калужская–Орел 1983, 17, ср. Çabej SGJ I, 218–219).

Друм. *groapă* f. 'яма; могила', аром., мегл. *groapă* ~ алб. *grópë* f. 'тж' (Miklosich 1862, 9; Meyer EWA 131; Philippide 1928, 715–716; Rosetti 1978, 278; Poghirc 1969, 342–343; Russu 1970, 170–171; Десницкая 1978, 158; Brâncuş 1983, 84).

Друм. *grumáz* m. 'шея, затылок', аром. *grumadz*, *gurmadz* ~ алб. *gurmáz*, *grumáz* m. 'пищевод, гортань' (Miklosich 1861, 9; Cihac II, 718; Meyer EWA, 135; Puşcariu 1905, 743; Treimer 1914, 383; Weigand 1927₁, 210; Rosetti 1978, 278; Poghirc 1969, 344; Russu 1970, 171–172; Brâncuş 1983, 84–85); иначе: рум. < лат. *grūta* 'макушка головы' (Ciorănescu 383).

Друм. *grunz* m. 'кусок, глыба; ком', аром. *grundă*, pl. *grundz*, мегл. *grus* ~ алб. *krunde*, *grunde* f. 'отруби' (Capidan 1921/1922, 456, 532–533; Philippide 1928, 716; Rosetti 1978, 278; Poghirc 1969, 343; Russu 1970, 172–173; Brâncuş 1983, 85–86); иначе: рум. < греч. χόνδρος 'зерно', алб. < греч. χόνδριον (Giuglea 1923, 596–598); "экспрессивное образование" (Ciorănescu 383–384); возможно, из слав. **grōda* (?).

Друм. *guşă* f. 'зоб; горло', аром., мегл. *guşă*, истр. *guşę* ~ алб. *gúshë* f. 'горло' (Miklosich 1861, 9; Meyer EWA, 135; Philippide 1928, 716; Rosetti 1978, 276; Poghirc 1969, 343; Russu 1970, 173–174; Десницкая 1978, 158; Brâncuş 1983, 86–87); иначе: рум. < лат. (галльск.) *geusiae*, ср. итал. генуэз. *goşu*, лукан. *gogio*, пьемонт. *goso*, франц. *gosier* 'зоб' и пр. (Cihac I, 113; Puşcariu 1905, 747; Meyer-Lübke REW, № 3750; Ciorănescu 385–386).

Друм. *hamësh* adj. 'прожорливый', м. 'обжора' ~ алб. *hámës* м. 'обжора' (Puşcariu 1910, 60; Philippide 1928, 716-717; Rosetti 1978, 278; Çabej 1965, 110; алб. *hamës* от *ha* 'есть', рум. < алб.; Brâncuş 1983, 87-88).

Друм. *hăreán* м. 'сыворотка' ~ алб. *hírrë* f. 'тж' (Reichenkron 1966, 128).

Друм. диал. *húdiṭă* f. 'улочка, проулок' ~ алб. *údhë* f. 'дорога' (Philippide 1928, 717).

Друм. диал. *a hurducá* vb. 'трясти' ~ алб. *húrdhë* f. 'небольшой пруд' (Brîncuş 1961₂, 199); вероятнее всего, рум. < слав. **xъrdati* 'бить, колотить' (ЭССЯ 8, 147).

Друм. *hututúiu* м. 'дурак' ~ алб. *hutój* vb. 'сбивать с толку; удивлять' (Philippide 1928, 717; Poghirc 1969, 344).

Друм. *îmă* f. '(устар.) мать' (Psaltirea Şcheiană 50, 7) ~ алб. (тоск.) *ëmë* f. 'тж' (Treimer 1914, 396; Weigand 1927₁, 215).

Друм. *a iṭi* vb. 'появляться' ~ алб. *ëci* vb. 'идти' (Philippide 1928, 718 с сомнением); иначе: рум. — экспрессивное образование от *iṭii* interj. 'возглас, обращенный к ребенку, которого разыскивают' (Ciorănescu 444).

Друм. *a încălă, a îngălă* vb. 'откармливать скот' ~ алб. *ngjall* vb. 'откармливать; оживлять' (Cihac II, 718; Philippide 1928, 718); иначе: рум. < лат. *in-* + *callere* 'быть мозолистым' с развитием значения 'становиться толстым (о коже)' > 'становиться толстым' (Ciorănescu 423), то же фонетически верно и для алб.

Друм. *a îngăimă* vb. 'путать, мешать' ~ алб. *gënjëj* vb. 'обманывать' (Cihac II, 718; Philippide 1928, 718); иные точки зрения см.: Ciorănescu 430.

Друм. *jumătăte* f. 'половина', аром. *jumitate, ġumitate*, мегл. *jimitati* ~ алб. *gjymës(ë), gjýmë* f. 'тж' (Philippide 1928, 719; Rosetti 1978, 278; Poghirc 1969, 344); рум. — контаминация алб. *gjymës* с лат. *medietātem* 'половина' (Miklosich 1881, 269; Weigand 1927₁, 212) или с лат. *dīmidietātem* 'тж' (Densusianu 1901, 295); рум. < алб. (Barić 1919, 35-36); рум. < **ĵumitāte* — латинизированной формы праалб. **ĵumi-tiā* от и.-е. **ĵemo-* 'близнецы' (Namp 1976, 34-35; то же самое — Orel 1986₁, 3-4); рум. < общерум. *ġumetă* или *ġuma* + суф. *-ătate* (Brâncuş 1983, 88); оба из лат. *dīmi-dietātem* (Cihac I, 165; Haarmann 1978, 220); рум. < лат. *medietātem* через метатезу **diemitātem* (Ciorănescu 456-457); оба из греч. ἡμις 'половинный' (Şiadbei 1958, 186).

Друм. *a jiruí, a jutulí* vb. 'сдирать шкуру' ~ алб. *hip* vb. 'терять, утрачивать' (Barić 1919, 36; Barić 1961, 31; Philippide 1928, 719); иначе: *a jiruí* < болг. *жуля* 'обдирать кору с дерева', *a jutulí* < венг. *gyomlálni* 'сдирать' (Ciorănescu 457-458).

Друм. *lai* adj. '(о масти овец) черный, с черными пятнами', арум. *laiu* ~ алб. *laj, lajë* adj. 'тж', *lajë* f. 'черная овца' (Çabej 1936, 182-184; Brâncuş 1983, 141-142).

Друм. *lâte* f. 'спутанные пряди волос, шерсти' ~ алб. *lesh* m. 'шерсть, волосы' (Poghirc 1969, 330); иначе: рум. < лат. **lacia* 'лоскут' от *lacerare* 'рвать' (Ciorănescu 467).

Друм. *a lehăi* vb. 'болтать' ~ алб. *leh* vb. 'лягать' (Cihac II, 168; Philippide 1928, 719; Poghirc 1969, 344; Brâncuş 1983, 142; Reichenkron 1966, 139-140); иначе: рум. < ст.-польск. **lêxъ* 'поляк', т. е. 'говорящий непонятно' (Lința 1974, 75).

Друм. диал. (Банат, Мехединц) *léte* n. 'свободное время, досуг', *îndeléte* adv. 'медленно, неспешно' ~ алб. (*i, e*) *léhte* adj. 'легкий' (Puşcariu — DR I, 233; Weigand 1927, 218; Rosetti 1978, 278; Poghirc 1969, 344; Brâncuş 1983, 89); иначе: рум. < *în* + **delate* от слав. **dělati* (Drăganu — DR V, 347-352).

Друм. *léurdă* f. 'медвежий лук, черемша' ~ алб. *húdhër, húrdhë* f. 'чеснок' (Cihac II, 718; Philippide 1928, 719-720; Rosetti 1978, 279; Poghirc 1969, 344; Brâncuş 1983, 89-90); иначе: рум. — результат контаминации **alleu* < лат. *allium* 'чеснок' и алб. (*h*)*urda* [= греч. *σκόρ[ο]δον* 'чеснок'] (Georgiev 1965, 80).

Друм. *mal* n. 'берег, холм', арум. *mal* ~ алб. *mal* m. 'холм' (см. гл. II).

Друм. *máre* adj. 'большой', арум. *mare*, мегл. *mari*, истр. *mõre* ~ алб. (*i, e*) *madh* adj. 'тж' (Philippide 1928, 720; Reichenkron 1966, 142); рум. < алб. (гер.) *mallë* (тоск. *dh* - гер. *ll* — Çabej 1936, 182; Puşcariu 1940, 178; Rosetti 1978, 279; Poghirc 1969, 344; Brâncuş 1983, 92-93); иначе: рум. < лат. *mās, mare* 'мужественный, сильный' (Puşcariu 1905, № 1037; Candrea-Densusianu 158; Ciorănescu 504).

Друм. *mázăre* f. 'фасоль, горох', арум. *madzire* ~ алб. *módhull(ë)* m. 'чина' (см. гл. II).

Друм. *măgár* m. 'осел, ишак', мегл. *măgar* ~ алб. *magár* m. 'тж' (Çabej 1964, 29; Çabej SGj I, 329; с сомнением Brâncuş 1983, 94-95); иначе: оба из н.-греч. *μογάρι* 'осел' через метатезу (Cihac II, 180; Meyer EWA 126-127, 253; Philippide 1928, 721; Puşcariu 1940, 278; Skok II, 351-352); о неи.-е. соответствиях см. Николаев 1984, 30-31.

Друм. *măgădău, măgădán* m. 'верзила' ~ алб. (*i, e*) *madh* adj. 'большой' < и.-е. *meg'h-* 'большой' (Rădulescu 1975, 389); иные версии см. Ciorănescu 494.

Друм. *măgură* f. 'холм, возвышенность, курган', аром. *măgură* ~ алб. *gamúle*, диал. *măgulë* f. 'тж' ~ слав. **mogyla* (Hasdeu CB I, 288; Meyer EWA, 118–119: алб. и слав. < третьего источника, рум. < алб.; Barić 1919, 51–52: рум. и слав. < алб.; Weigand 1927₁, 210–211: все из фрак. **magulla*; ср. Philippide 1928, 721; Rosetti 1978, 279; Poghirc 1969, 345; Russu 1970, 177–178; Mihăilă 1971, 359; Mihăilă 1973, 61; Solta 1980, 134; Brâncuș 1983, 95–96; Georgiev 1965₁, 287–288: рум. и алб. < слав.; Moutsos 1987, 36–38: все из ср.-греч. μάγουλον 'щека'; из дои.-е. субстрата (Хубшмид 1969, 241–244 с литерат.); Орел 1984₁, 301–306: исходя из формы **gomyla* в значении 'куча камней, возвышение, холм' реконструирует иллир. **go/amul-* в качестве источника алб., рум. и слав. лексем; подробный критический обзор проблемы см.: ЭССЯ 19, 115, 119).

Друм. *mărăr* m. 'укроп, *Anethum foeniculum*' ~ алб. *maráj, maráq* m. 'тж' (Capidan 1921/1922, 538; Rosetti 1978, 279; Poghirc 1969, 345; Brâncuș 1983, 96–97); иначе: оба из греч. *μαράθριον (Diculescu 1927, 460; Philippide 1928, 774); алб. < лат. *hibernālis* (Meyer, EWA, 259–260 вслед за А. фон Ганом); рум. < ю.-слав. **moračъ* 'чеснок', последнее < греч. ἀμαράκιον (Procopovici — DR 1927–1928, V, 381–383).

Друм. *mărát* adj. 'бедный, несчастный', аром. *mărat* ~ алб. (*i, e*) *mjërë* adj. 'тж' (Russu 1970, 178–179); иначе: рум. < лат. *male habitus* (Pușcariu 1905 s. v.); родственно рум. *amar* < лат. *amārus* 'горький' (Meyer-Lübke REW, 406).

Друм. *mărăcine* m. 'колючка, чертополох, колючий кустарник', аром. *mărăține*, мегл. *mărțin, mărățină* ~ алб. *mërqinjë* f. 'тж' (Philippide 1928, 722–723); иначе: рум. < лат. **marrucina* (Candrea-Densusianu № 1046) или **marricina* (Pușcariu 1905, № 1025) от лат. *marra* 'колючка'.

Друм. *mătură* f. 'метла', аром. *metură*, мегл. *m(i)etură*, истр. *meture* ~ алб. *nétull* f. 'тж' (Capidan — DR VII, 128; Pușcariu 1940, 177: также родств. слав. **metzla*; ср. Giuglea 1944, 29; Russu 1970, 179–180; Mihăilă 1971, 359–360; Mihăilă 1973, 62; Brâncuș 1983, 142); иначе: рум. < лат. *mētula* 'остроконечная колонна' (Pușcariu 1905, № 1053; Candrea-Densusianu № 1074; Meyer-Lübke REW, № 5554); рум. < слав. **metzla* (Berneker II, 41; Pușcariu — DR III, 838; Petrovici 1966, 313–321).

Друм. *mëndre* f. pl. 'прихоти, причуды' ~ алб. *mëndýrë* f. 'манера, способ' (Cihac II, 718; Philippide 1928, 723); иначе: алб. < итал. *maniera* + суф. *-yrë* (Meyer EWA, 272); рум. неясно (Ciorănescu 515).

Друм. *mic* adj. 'маленький', аром. *nic, mic*, мегл., истр. *mic* ~ алб. *mej* vb. 'уменьшать' (Нерозник 1968, 36); иначе: рум. < др.-греч. диал. *μικρός* или *μικός* при литер. *μικρός* (Mihăescu 1966, 59-60).

Друм. *mieriu* adj. 'темно- или светло-голубой', арум. *niur* ~ алб. *mëllënjë* f. 'черный дрозд' (Rădulescu 1981, 51-52).

Друм. *mirë* m. 'жених' ~ алб. (*i, e*) *mîrë* 'хороший' (Hasdeu Columna lui Traian 1873, 110; Poghirc 1969, 345; Brâncuș 1983, 142-143); иначе: рум. < куман. *mir* 'князь' (Philippide 1928, 377-378); рум. < лат. *miles* 'солдат' по аналогии с ю.-слав. **vojinz* 'жених' (Meyer-Lübke REW, № 5568; Skok II, 424); см. также: Ciorănescu 529.

Друм. *mistrëț* m. 'дикий кабан', adj. 'дикий' ~ алб. *mistrëc* m. 'крошка, карлик', adj. 'маленький; дурной, невоспитанный' (Meyer EWA, 280; Philippide 1928, 723; Нерозник 1978, 203); иначе: рум. < лат. *mixticius* 'смешанный' (Candrea-Densusianu № 1087; Ciorănescu 531).

Друм. *mînz* m. 'жеребенок', аром. *mîndzu*, мегл. *mønz* ~ алб. *mëz* m. 'тж' (см. гл. II).

Друм. *moș* m. 'старик; дед; дядя; предок', *moășă* f. 'бабушка; повивальная бабка', аром. *moașe*, мегл., истр. *moș* ~ алб. *móshë* f. 'возраст; старость' (Miklosich 1861, 10; Hasdeu CB I, 234; Meyer EWA, 263; *moshë* — дериват алб. *mot* 'год' = лит. *mėtas* 'время; год' < и.-е. **mē-* 'мерять' — Pokorny I, 703, рум. < алб.; ср. Treimer 1914, 400; Capidan 1921/1922, 538-540; Philippide 1928, 724; Pușcariu 1940, 363; Rosetti 1978, 279; Çabej 1965, 111; Çabej SGj I, 354; Russu 1970, 181-182; Poghirc 1969, 345; Solta 1980, 57-58; Rădulescu 1981, 52-56; Brâncuș 1966, 213-214; Brâncuș 1983, 100-102; Hamp 1982, 184).

Друм. *múgur, múgure* m. 'почка (у растения)', мегл. *mugure* ~ алб. *múgull* m. 'тж' (Hasdeu CB I, 294; Meyer EWA, 288; Barić 1919, 54; Weigand 1927, 210; Philippide 1928, 725; Rosetti 1978, 279; Poghirc 1969, 345-346; Russu 1970, 182-183; Brâncuș 1983, 102).

Друм. диал. *múrá* f. 'желудок жвачного животного', аром. *mură* ~ алб. *múllë* f. 'тж' (Capidan 1922, 455; Giuglea 1944, 21; Brâncuș 1972, 304; Brâncuș 1983, 143-144); иначе: оба из лат.

**mūla*, ср. ст.-франц. *mule* 'желудок' (Meyer-Lübke REW, № 5724).

Друм. *turg* adj. 'гнедой (о лошади), темно-коричневый'; п. сумерки', аром. *turgu*, мегл. *turg* ~ алб. *turg* adj. 'темный, черный, серый' (Meyer EWA, 292: алб. < н.-греч. μούρα 'осадок в масле или вине' или из лат. *amurca* 'тж', рум. < алб.; то же — Philippide 1928, 725; Meyer-Lübke REW, 433; Capidan 1921/1922, 478-479, 540-541: допускает ту же этимологию для рум., алб. < рум.); алб. < и.-е. **mrg-*, ср. др.-исл. *myrk* 'темнота, мрак', чеш. *mrák* 'тж' и пр. (Jokl 1911, 57 f.; то же — Barić 1919, 105: рум. < алб.); оба слова к и.-е. **mer(ə)g^w*. от **mer-* 'мерцать, мигать' (Pokorny I, 733-734): Russu 1970, 183-184; Poghirc 1969, 333; Çabej SGj I, 358; Hamp 1977, 116; Rădulescu 1981, 15-18; Brâncuș 1983, 102-103; Detschew 324: по чисто внешнему подобию соотнес алб. и рум. *turg* с фрак. МН Μυρούκη (вар. Μυρίκη); Poghirc 1969, 333 добавил сюда же мессап. ЛИ *Mirgetaos*, Μόρυος, Μόρυης и этноним Μόρυητες.

Друм. диал. (Трансильвания) *mürzã* f. 'толстая кишка' ~ алб. *müllëzë* f. 'желудок (животного)' (Brâncuș 1972, 304-305; Brâncuș 1983, 144).

Друм. устар. и диал. (Банат) *mușcói* m. 'мул, лошак', аром. *mușcu*, мегл. *moscã* ~ алб. *mushk* m. 'тж' (Meyer EWA, 293: "musco- ist ein illyrisches Alpenwort"; Barić 1919, 56; Philippide 1928, 725; Rosetti 1978, 279; Poghirc 1969, 346; Brâncuș 1983, 103-104); иначе: рум. < слав. **mъskъ* (Miklosich 1861, 31; Cihac II, 206; ср. ЭССЯ 21, 12).

Друм. *năpîrcã* f. 'гадюка', аром. *năpărticã* etc., мегл. *năpîrcã*, *porpîrcã* ~ алб. *nepërkë* f., диал. *nepërtkë* 'тж' (Cihac II, 719; Meyer EWA, 303; Philippide 1928, 726; Rosetti 1978, 279; Poghirc 1969, 346; Russu 1970, 184-185; Brâncuș 1983, 104-105); иначе: контаминация лат. *natrix* 'водяная змея' и *pertica* 'жердь, палка' (Capidan 1921/1922, 542).

Друм. *nëgurã* f. 'мгла, туман', аром. *negurã* ~ алб. *mjegull* f. 'туман' (Çabej 1964, 26-27: рум. < алб. гер. *njegull(ë)*; то же — Brâncuș 1983, 141); иначе: рум. < лат. *nebula* 'туман' (Pușcariu 1905, № 1168; Candrea-Densusianu, № 1222; Philippide 1928, 648; к переходу *b > g* ср. лат. *rubus* 'ежевика' > рум. *rug*).

Друм. *noiãn* n. 'большое количество; необъятное пространство; уйма, тьма' ~ алб. *ujanë* f. 'океан' (Hasdeu CB I, 295: рум. < **un oian* < алб. *ujanë*; Philippide 1928, 726 с сомнением; ср. Rosetti 1978, 280; Poghirc 1969, 346); против: Brâncuș 1983, 105 — алб. *ujanë* является книжным словом, засвидетельство-

ваным только у арберешского поэта из Италии Иеронима де Рады (1814–1903), и не может быть источником заимствования рум. *noiãn*.

Друм. *oácãr(ã)* adj. '(об овце) белая с черными пятнами на морде', аром. *oacãru* ~ алб. *vákër* adj. '(об овце) с черной мордой и черными ногами' (Brîncuș 1972, 305; Brîncuș 1983, 144); иначе: рум. < греч. ὤχρος 'бледный' (Сihас II, 679) или ὤχριακος 'тж' (Diculescu 1927, 441); рум. < лат. **obaquilus* (Densusianu — GS, VI, 317–319).

Друм. диал. (*h*)*orghidãn* m. (Трансильвания) 'молодой человек, еще не посещающий деревенские танцы' ~ алб. (*h*)*ërdhe* 'testiculi' (Rãdulescu 1975, 389).

Друм. *pãlã* f. 'тонкий слой' ~ алб. *pãlë* f. 'складка, ряд' (Philippide 1928, 726).

Друм. *paltin* m. 'явор, *Acer montanus*', аром. *paltin* ~ алб. *pãlnjë* 'тж' (Çabej 1964, 30); иначе: рум. < лат. *platanus* (Pușcariu 1905, № 1235; Candra-Densusianu № 1297; Meyer-Lübke REW, № 6317).

Друм. *pãstãie* f. 'стручок (фасоли, гороха и под.)', аром. *pãstal'e*, *pistal'e* ~ алб. *bishtãjë* f. 'тж' (Çabej SGj I, 68: *bishtaje* от *bisht* 'хвост'; ср. Russu 1970, 185–186; Brîncuș 1983, 145); иначе: рум. < лат. **pistãlia* от *pistãre* 'толочь, растирать' (Candra-Densusianu № 1351); или < **quassitãlia* от **quassãre* 'рвать, ломать' (Pușcariu — DR III, 679).

Друм. *pãnchi* m. 'яблык' ~ алб. *beng* m. 'тж' (Meyer EWA, 32; Philippide 1928, 727); иначе: рум. < венг. *pinty* (Ciorãnescu 614); широко распространено в европейских языках, ср. русск. *пенка* (Фасмер III, 231–232, там же другие примеры).

Друм. *pëtes*, *pëticã* f. 'тряпка; лохмотья', аром. *peatic*, мегл. *petic* ~ алб. *petk* m. 'одежда' (Capidan 1921/1922, 545; Philippide 1928, 727–729; Çabej 1965, 110; Десницкая 1978, 153–154); иначе: рум. < лат. *pittacium* (Pușcariu 1905, № 1287), см. также: Ciorãnescu 619.

Друм. *pic* n. 'капля', *a picã* vb. 'капать' ~ алб. *pikë* f., *pikój* vb. 'тж' (Çabej 1965, 110; Габинский 1983, 70); иначе: оба < ром. **piccare* (Meyer-Lübke REW, № 6496; Meyer EWA, 337).

Друм. *pielm*, *pietn* n. 'просеянная, мелкая мука' ~ алб. *pjalm*, *pjelm* m. 'тж' (Çabej SGj II, 40–41; Brîncuș 1972, 306; Brîncuș 1983, 145).

Друм. *pitpalác* m. 'перепел', мегл. *pãtrãlog* ~ алб. *porpollók* m., *potpolloshkë* f. 'тж' (Rãdulescu 1981, 56); иначе: звукоподр. (Ciorãnescu 632).

Друм. *pînză* f. 'полотно, ткань', аром. *pîndză*, мегл. *pondză*, истр. *panze* ~ алб. *pëndëz* m. 'plectrum' < *'покрытие' (Orel 1984, 432; в алб. источниках слово отсутствует); иначе: рум. — дериват лат. **pandere* 'расстилать' (Pușcariu 1905, № 1373; Meyer-Lübke REW, № 6190).

Друм. *pîriu*, *pîrau* n. 'ручей, поток', мегл. *păroi* ~ алб. *përrua* m. 'ручей, поток, русло' (Miklosich 1861, 10; Meyer EWA, 335; Philippide 1928, 729; Barić — AAC I, 152–153: алб. < *për* [< **pro*] + **ron* [< **srō*(*u*)-*no*]; Jokl 1931, 282–286: алб. < **per-rën*, аналогично *krua* 'источник' < **ko-rën*, корневая часть к и.-е. **er*/**or*/**r* 'приводить в движение, возбуждать', рум. < алб. после перехода *ēn* > *ōu*; аналогично — Çabej 1964, 10, Децинская 1978, 156; алб. и рум. из общего источника — Rosetti 1978, 280, Russu 1970, 186–188, Poghirc 1969, 346, Brâncuș 1983, 106–107; Vasmer 1921, 50–51: алб. < болг. *порой*, ср. Georgiev 1965₁, 288–290; алб. < слав. **parovъ*/**porovъ*, ср. польск. *parów* 'овраг', чеш. *parov* 'тж', укр. *парів*, а также название источника в Греции *Πορόβος* — Orel 1986₁, 70–71).

Друм. *pojghiță* f. 'пленка, кожа, шелуха' ~ алб. *lë-vózhgë* f. 'тж' (Габинский 1983, 70–71).

Друм. *pîpăză* f. 'удод', аром. *pîpăză*, *pîpuză*, мегл. *pîpează* ~ алб. *pîpëzë* f. 'тж' (алб. < лат. *upupa* + суф. *-zë*, рум. < алб. — Meyer EWA, 357; Pușcariu 1905, № 1403; Candrea-Densusianu № 1476; Philippide 1928, 730; ср. Rosetti 1978, 281; Poghirc 1969, 346–347; Brâncuș 1983, 107–108).

Друм. *pîrurea* adv. 'всегда, постоянно' ~ алб. *përhërë* adv. 'тж' (Capidan — DR I, 563; Russu 1970, 188–190); иначе: рум. < лат. *pîrus* (Pușcariu 1905, № 1411; см. также: Ciorănescu 679; Brâncuș 1983, 146).

Друм. *răță* f. 'утка' ~ алб. *rosë* f. 'тж' (Hasdeu CB II, 16; Philippide 1928, 730; Poghirc 1969, 347; Brâncuș 1983, 108–109; Orel 1985, 105–107: рум. < протоалб. **rătjā* < и.-е. **erētjā*/**orētjā* от **er*(*ə*), **or*(*ə*), ср. греч. *ὄρνις* 'птица' и пр.); иначе: оба < слав., ср. с.-хорв. *răca*, словен. *rāca* (Miklosich 1861, 43; Cihac II, 310; Meyer EWA, 368–369).

Друм. *răzăm* n. 'опора; основание', аром. *radză* ~ алб. *rëzë* f., гер. *rrëzë* 'основание' (Pușcariu — Convorbiri Literare 1904, 260; Philippide 1928, 730–731); иначе: рум. < лат. **rădia* (Pușcariu 1905, № 1453; Densusianu 1940, 130; Ciorănescu 694).

Друм. *a răbdă* vb. 'терпеть, выносить' ~ алб. (*i*, *e*) *rrëptë* adj. 'ожесточенный, яростный' (Габинский 1962₁, 66); иначе: рум. < лат. **re-e(n)mendāre* 'превосходить, быть лучше' (Ciorănescu 683).

Друм. диал. (Трансильвания) *a rîcîi* vb. 'постараться, напрячься' ~ алб. *rrék(em)* vb. 'тж' (Brîncuş 1972, 306).

Друм. диал. (Трансильвания) *rîmf* m. 'раст. кирказон, *Aristolochia clematitis* L.' ~ алб. *rrufë* f. 'молния' (Hasdeu — Columna lui Traian 1873, 221: оба < фрак. ρομφαία 'копье, дротик; меч'; с указанием на фонетические трудности Philippide 1928, 731; Drăganu — DR 1928–29, V, 37: рум. < сакс. *Rimf[ært]*, то же Poghirc 1969, 333; об алб. *rrufe*, болг. *рофея*, *руфя* см.: Орел 1982₁, 62–63; Орел 1986₂, 55–62).

Друм. *rînză* f. 'зоб (у птиц), желудок (у жвачных животных)', аром. *arândză* ~ алб. *rrëndës* m. 'сычуг' (Miklosich 1881, 191; Meyer EWA, 365; Densusianu 1901, 356; Capidan 1921/1922, 516; Jokl 1923, 276–278; Weigand 1927₁, 216–217; Philippide 1928, 731–732; Giuglea 1944, 29; Rosetti 1978, 281; Poghirc 1969, 347; Russu 1970, 190–191; Десницкая 1978, 155; Brâncuş 1983, 109–110).

Друм. *sárbăd*, *sárbed* adj. 'кислый (о молоке)' ~ алб. (*i, e*) *thárbët* adj. 'тж' (Candrea-Densusianu 42; Rosetti 1978, 281; Poghirc 1969, 347; Russu 1970, 191–192; Brâncuş 1983, 110–111; Калужская 1987, 57–58); иначе: рум. < лат. *exalbidus* 'беловатый' (Puşcariu 1905, № 1521; Philippide 1928, 211; Gabinschi 1991, 91–93).

Друм. *sárică*, *sárcă* f. 'крестьянская одежда из грубой шерстяной ткани', аром. *sar(i)că* ~ алб. *shark* m. 'лохматая накидка без рукавов из белой или черной шерсти' (Çabej 1959₁, 181; Brâncuş 1983, 146); с алб. диал. *zharg* (вар. *shark*) сопоставлено также рум. диал. *jarcă* 'поношенный тулуп' (Brîncuş 1961₂, 199); иначе: все из лат. *sērica* 'шелковая ткань' (Meyer EWA, 400; Philippide 1928, 654; Densusianu 1901, 74; Puşcariu 1905, № 1525).

Друм. *scái* m. 'чертополох', аром. *scaliu*, мегл. *scal'* ~ алб. *hálë* f. 'рыбья кость; ость, щетина; заноза' < **skoliā* (Poghirc 1969, 333); иные версии см.: Ciorănescu 729–730.

Друм. *a scăpără* vb. 'высекать огонь', аром. *ascapir*, мегл. *scapir* ~ алб. *shkrep* vb. 'тж' (Cihac II, 695; Meyer EWA, 409; Philippide 1928, 732; Rosetti 1978, 281; Poghirc 1969, 333–334; Russu 1970, 192–193; Brâncuş 1983, 111–112); иначе: рум. < лат. **excapulāre* 'освободить' (Meyer-Lübke REW, № 2955; Ciorănescu 730–731).

Друм. *scórbură* f. 'дупло; выемка', аром. *scrobu* ~ алб. *kórbull* m. 'деревянный сосуд с широким горлом для хранения сыра' (Нерозник 1968, 36; Нерозник 1978, 207; Brîncuş 1972,

306; Brâncuș 1983, 146–147); иначе: рум. < лат. *scrobis* 'яма' через метатезу (Pușcariu 1905, №1561; Meyer-Lübke REW, № 7747).

Друм. *scrum* п. 'пепел; нагар, гарь', аром., мегл. *scrum* ~ алб. *shkrumb* м. 'что-либо обуглившееся; зола, пепел' (Philippide 1928, 732–733; Rosetti 1978, 281; Çabej SGj II, 143: вычленяет в алб. префикс *sh-* и сближает корневую часть с лат. *creto* 'сжигать' < и.-е. **ker(ə)-* 'жечь', рум. < алб.; ср. Poghirc 1969, 348; Russu 1970, 193–194; Десницкая 1978, 154; Brâncuș 1983, 112–113); иначе: оба из тур. *kurum* 'пепел' (Meyer EWA, 409) или < куман. *kurum* (Densusianu 1901, 383).

Друм. *a sculá* vb. 'поднимать, будить', аром., мегл. *scol*, истр. *scolu* ~ алб. *shkul*, *çkul* vb. 'вырывать, выдергивать' (Russu 1970, 194–195); иначе: рум. < лат. **excubulāre* 'извлекать из логова' (Pușcariu 1905, № 1559); рум. идентично итал. *collare* 'подниматься и спускаться по канату' (Ciorănescu 741).

Друм. *a scurmá* vb. 'рыть, разрывать' ~ алб. *kurtoj* vb. 'отрезать' (Нерозник 1968, 37; Нерознак 1978, 203); иначе: рум. < лат. **excorrimāre* (Meyer-Lübke REW, № 2254; ср. также Ciorănescu 742).

Друм. *sîmbure* м. 'косточка плода; ядро ореха', аром. *sămbure* ~ алб. *thúmbullë* f. 'пуговица; почка, бутон' (Hasdeu CB I, 309; Meyer EWA, 92; Capidan 1921/1922, 546; Weigand 1927₁, 212; Philippide 1928, 733; Rosetti 1978, 281; Georgiev 1965, 79: оба из дак. **sāmbula* < и.-е. **sēm(en)*; Poghirc 1969, 348: алб. слово правильное связывать с рум. *țumburuș* 'выступ'; ср. Russu 1970, 195–196; Brâncuș 1983, 113–114; об этимологии алб. слова см. также: Pedersen 1900, 332–333; Barić 1919, 106; Çabej SE II, 233); рум. < лат. *symbola* 'угощение' (Ciorănescu 758).

Друм. *sîmceá* f. 'острие; верхушка горы' ~ алб. *thimth* м. 'жало; сосок; острие колесной оси' (Çabej 1958, 133–134: рум. < алб. диал. формы *thimc* или *cimc*); иначе: рум. < лат. **senticēlla* от *sentis* 'терновник' (Cihac I, 254; Pușcariu 1905, № 1589; Meyer-Lübke REW, № 6823); рум. < лат. **summicēlla* от *summa* 'вершина, верх' (Candrea 1931).

Друм. диал. *spéie* п. 'корзина, сделанная из лыка' ~ алб. *shpénje* f. 'подснежник' (Габинский 1981, 67).

Друм. *spînz* м. 'раст. морозник, *Helleborus purpurascens*', арум. *spîngiu* ~ алб. *shpëndër* f. 'тж' (Rosetti 1938, II, 122; Çabej 1960, 93: сравнивает с рег. формой *shpëzë*; Georgiev 1965, 80: рум. < дак. **span(d)z-* < **spondu-*, ср. лит. *spūds* 'блестя-

щий', алб. < и.-е. **spondro-*, ср. лит. *spuôdrs* 'сияющий'; ср. Poghirc 1969, 348; Russu 1970, 196–197; Brâncuş 1983, 114–115); рум. < лат. *spongia* 'губка' (Ciorănescu 782).

Друм. *spîrc* м. 'малыш' ~ алб. *spërk* adj. 'безбородый' (Poghirc 1969, 349; оба от и.-е. корня **per-* 'рождать'); иначе: алб. < греч. *σπαρός* 'безбородый' (Meyer EWA, 391); возможно, рум. < алб.

Друм. *spúză* f. 'зола' ~ алб. *shpúzë* f., арум. *spuză*, мегл. *sp(r)uză* 'тж' (Rosetti 1978, 281; Poghirc 1969, 349; Brâncuş 1983, 147 с сомнением); традиционная этимология — оба из лат. *spodium* 'зола' (Meyer EWA, 415; Philippide 1928, 655; Weigand 1927₁, 214; алб. < лат., рум. < алб.; ср. Solta 1980, 128).

Друм. *stăpîn* м. 'хозяин', мегл. *stăpøn* ~ алб. гег. *shtëpâ*, *shtëpâni* м. 'сыродел' (Brâncuş 1983, 147–148); иначе: оба из слав. **stopanъ* (Meyer EWA, 393; Çabej SGj II, 155; Mihăilă 1960, 135–136); рум. < лат. *hospitānus* (Barić 1919, 93–94, алб. < рум.); рум. < лат. **stipānus* от *stips* 'денежный взнос, даяние' (Giuglea 1923, 610–616); алб., рум. и слав. < иран. **asta-pān* 'защитник, покровитель дома' (Орел 1981₂, 13, вслед за: Трубачев 1967, 37).

Друм. *sterp* adj. 'бесплодный' аром., мегл. *sterp* ~ алб. *shterp* adj. 'тж' (Meyer EWA, 417; Russu 1970, 197–198; Brâncuş 1983, 148–149); иначе: рум. < греч. *στέρφος* (Giuglea 1944, 85; Mihăescu 1966, 50); оба < лат. **exstirpus* (Puşcariu 1905, № 1644; Philippide 1928, 641).

Друм. *stîñă* f. 'летняя пастушеская стоянка в горах, где пагут овец и варят сыр', аром. *stîñă*, *stane* ~ алб. *shtëzë*, *shtëzë* f. 'животное' < **stanzë* (Puşcariu 1940, 176 на основании Jokl 1923, 245–250; Brâncuş 1983, 149); иначе: рум. < слав. **stanzъ* (Cihac II, 361; Densusianu 1901, 282); рум. < иран. **stāna* (Densusianu 1924, 239–242); оба < ср.-греч. *στάνη* 'стадо' (Moutsos 1972, 155–162).

Друм. *stîng* adj. 'левый', аром. (a)*stîngă*, мегл. *stông* ~ алб. *shtang* vb. 'ошеломлять, изумлять' (Rădulescu 1981, 59–61); традиционно рум. < лат. **stancus* 'усталый' (Cihac I, 261; Puşcariu 1905, № 1847; Ciorănescu 793).

Друм. *strepede* м. 'сырный червь', мегл. *strepij* ~ алб. *shtrep* м. 'тж' (Meyer EWA, 137; Philippide 1928, 734; Rosetti 1978, 281; Çabej 1960, 107; рум. *strepede* ~ алб. *shtrepetë* pl. def.; Poghirc 1969, 349; Russu 1970, 198–199; Brâncuş 1983, 115–116).

Друм. *strûgure* м. 'виноград; крыжовник' ~ алб. *shtrud* м. 'клубника' (Brâncuş 1983, 116–117; см. Заключение).

Друм. *strúngă* f. 'огороженное место на пастбище, где находятся овцы; узкий проход, через который овцы идут на дойку', аром., мегл. *strungă* ~ алб. *shtrúngë* f. 'место у ворот загона, где доят овец' (см. гл. II).

Друм. *susái* m. 'осот' ~ алб. *shushálë* f. 'кукурузный початок' (Hasdeu CB I, 303; Meyer EWA, 420; Philippide 1928, 735).

Друм. *şále* f. pl. 'поясница', аром., мегл. *şali* ~ алб. *shálë* f. 'бедро, ляжка' (Çabej 1965, 111; Çabej SGj II, 125-126: отделяет алб. *shalë* 'седло' < лат. *sella* от *shalë* 'бедро, ляжка', сближая последнее с греч. *σκέλος* 'тж', рум. < алб.; ср. Russu 1970, 202; Rădulescu 1981, 65-66); традиционно оба < лат. *sella* 'седло' (Meyer EWA, 398; Philippide 1928, 654; Ciorănescu 712).

Друм. (*устар.*) *şóle* 'вид обуви' ~ алб. *shóllë* f. 'подошва, подметка; вид обуви' (Weigand 1927₁, 217).

Друм. *şopîrlă* f. 'ящерица' ~ алб. *shapí* вар. к *zhapí* m. 'тж' (Hasdeu 1875, I, 309; Meyer EWA, 399; Barić 1919, 98-99: рум. отражает более древнее алб. **şop-*, ср. Barić 1961, 36-37; Philippide 1928, 735; Scriban 1285; Rosetti 1978, 282; Reichenkron 1966, 152-157; Poghirc 1969, 349-350; Russu 1970, 202-204; Brâncuş 1983, 119-120); иначе: рум. < алб. *shëpirëllë* < лат. **sepinula*, алб. < лат. *sepa*, **sepina* 'вид ядовитой ящерицы' (Weigand 1927₃, 111-112); см. также: Ciorănescu 775).

Друм. *ştează* f. 'сукновальня' ~ алб. *shtëzë* f. 'пространство внизу корабля, где собирается вода' (Weigand 1927₃, 217); иначе: рум. < греч. *σχεδία* 'плот' (Ciorănescu 790).

Друм. *ştiră* adj. 'бесплодная, яловая', мегл. *ştirava*, истр. *ştircă* ~ алб. *shtjërra*, *shqërra* pl. 'стадо ягнят' (Philippide 1928, 736-737; Rosetti 1978, 282; Poghirc 1969, 350); ~ алб. (*i*, *e*) *shtire* adj. 'слабый; бесплодный; недоношенный' (Brâncuş 1983, 120-121); иначе: рум. < греч. *στέρα* 'бесплодная' (Diculescu 1927, 443; Georgiev 1965, 77); алб. < и.-е. **ster-*: ср. др.-инд. *starí* 'бесплодная корова', арм. *sterj* 'бесплодный', лат. *sterilis*, греч. *στέρα* 'тж' (Meyer EWA, 416-417).

Друм. *şut*, *ciut* adj. 'безрогий; бесхвостый; корноухий', *ciută* f. 'лань', аром. *şut*, *ciut*, мегл. *ciut* ~ алб. *shut*, *shyt* adj. 'тж', *shutë* f. 'самка оленя' (Meyer EWA, 420; Capidan 1922, 460-461: рум. < алб. *të shut*; Philippide 1928, 707; Rosetti 1978, 275; Poghirc 1969, 340; Russu 1970, 204-206; Rădulescu 1981, 27-32; Brâncuş 1983, 65-66); иначе: рум. связано с ретороманскими формами: сурсельв. *tsch(i)ut* 'ягненок', *tschutta* 'овца', сурмир. *tsch(i)ut* 'ягненок' и др. (Iliescu 1963₁, 279-280); неи.-е. соответствия см.: Николаев 1984, 30.

Друм. *tartacót* м. 'сказочный карлик; злой дух' ~ алб. *tartakút* м. 'негодяй, подлец' (Çabej 1976, 57).

Друм. *tráistă, táistră, străistă, străiță* etc. f. 'сумка, котомка, торба', аром. *tastru, trastru(r)* ~ алб. *trástë, trájstë, strájçë* f. 'тж' (Hasdeu СВ I, 304–305; Philippide 1928, 737–738; Brâncuș 1983, 150); иначе: оба < ср.-греч. τάρυτρον 'порция корма для лошади' (Meyer — IF II, 441; Diculescu 1927, 447; Capidan 1921/1922, 552; Meyer-Lübke REW, № 8528; Ciorănescu 856).

Друм. *țar* м. 'козел', аром., мегл. *țar*, истр. *țâr* ~ алб. *car, çjar, sqar* м. 'тж' (Meyer EWA, 387; алб. родств. лат. *carper*, др.-исл. *hafr* 'козел', во все остальные языки заимствовано из алб.; ср. Densusianu 1901, 353, 356; Berneker I, 121; Treimer 1914, 394; Barić 1919, 104; Candrea 1352; Rosetti 1978, 282; Poghirc 1969, 350–351; Russu 1970, 206–208; ЭССЯ 3, 172–173; Десницкая 1978, 158; Орел 1982₃, 290–293; алб. < и.-е. (s)k'ep- 'рубить, резать'; Brâncuș 1983, 121–122); оба из слав. (Miklosich 1861, 51; Сihас II, 429; Pedersen 1900, 337); оба < крым.-гот. *stap* 'сарга' (Philippide 1928, 738); оба < иран. (Densusianu 1924, II, 242–245); дои.-е. наследие (Hubschmid 1954, 191–192; Hubschmid 1964, 97); экспрессивное образование (Ciorănescu 823).

Друм. *țarc* п. 'загон для скота; ограда вокруг стога', аром. *țarcu* ~ алб. *thark* м. 'тж' (Densusianu 1901, 354; Treimer 1914, 397; Barić 1919, 11, 104; рум. < алб. *të sark*, ср. Barić 1961, 39; Capidan 1921/1922, 552; Philippide 1928, 738; Rosetti 1978, 282; Çabej 1964, 18; Poghirc 1969, 351; Russu 1970, 208–209; Десницкая 1978, 152; Solta 1980, 40–42; Brâncuș 1983, 122–123; Калужская 1987, 56–57; алб. *thark* < *k'or-k от и.-е. *k'er- 'веревка; плести' — Pokorny I, 577–578); иначе: рум. < лат. *circus* (Сihас I, 50); оба < иран.: ср. перс. *čarx* 'круг', осет. *calx* и пр. (Densusianu 1924, II, 245–248).

Друм. *țeară* f. 'кол, шип, острие, верхушка', мегл. *țară* ~ алб. *thep* м. 'зубец, вершина' (Rosetti 1978, 282; Çabej 1964, 19; Poghirc 1969, 352; Brâncuș 1983, 124–125; Калужская 1987, 57; алб. < и.-е. *k'eip-/ *k'oip- — Jokl 1911, 20); иначе: рум. неотделимо от итал. *zerra* 'кол' (Philippide 1928, 718); родств. слав. *cépati (Сihас II, 430).

Друм. *țiclău* м. 'высокая скала; горная вершина' ~ алб. *qikë-lë* 'тж' (Meyer EWA, 226; Philippide 1928, 739).

Друм. *țiră* f., adv. 'немного' ~ алб. *cërre* f. 'кусочек, крошка' (Brâncuș 1983, 150).

Молд. диал. *țurână* f. 'крутой склон' ~ алб. *curr* m. 'высокая, крутая скала' (Габинский 1979, 71–72).

Друм. *țurture* m. 'сосулька' ~ алб. *xîrxull* в выражении *bëhet xîrxull* 'напиться до бесчувствия' (Габинский 1981, 65–66).

Друм. *urdă* f. 'сладкий овечий сыр, приготавливаемый из пеперваренной сыворотки', аром., мегл. *urdă* ~ алб. *udhós* m. 'сыр' (Hasdeu — Columna lui Traian 1874, 31; Meyer EWA, 455: *udhos* < **urdhos*; ср. Philippide 1928, 739–740; Rosetti 1978, 282; Çabej 1964, 20; Poghirc 1969, 352; Duridanov 1974, 51–62 с литерат.; Hamp 1982, 184; Brâncuș 1983, 125–126; Орел 1983₁, 211–212); иначе: рум. < греч. ὀρ(ρ)ώδης 'сыворотка' (Giuglea 1923, 582–587; Giuglea 1944, 92).

Друм. *úture* 'сова' ~ алб. *ut*, *hut* 'тж' (Hasdeu CB I, 309; Meyer EWA, 460; алб. < лат. *otus* 'горная сова' = греч. ὄτος, рум. < алб.; ср. Weigand 1927₁, 215–216; Philippide 1928, 756).

Друм. *vătră* f. 'место в печи, где горит огонь; очаг; жилище; центр села', аром., мегл. *vatră* ~ алб. *vătër* f., гер. *vôtër* 'тж' (Miklosich 1861, 9; Cihac II, 721; Meyer EWA, 464; Rosetti 1978, 283, ср. Rosetti 1980, 191–192; Çabej 1964, 9; алб. < тоск.; ср. Poghirc 1969, 352–353; Russu 1970, 210–211; Десницкая 1978, 154; Solta 1980, 47; Hamp 1982, 184; Brâncuș 1983, 126–127; подробно о распространении лексемы в карпато-балканском ареале см.: Клепикова 1973, 149–169); иначе: рум. < иран. **vatra*, вар. *ātarš* 'огонь' (Şiadbei 1958, 189); алб. < иран., рум. < алб. (Орел 1981₂, 13–14); рум. < ср.-греч. βάθρον 'место, основание' (Philippide II, 741).

Друм. *vătúí* m. 'годовалый козленок', аром., мегл. *vitul'u* ~ алб. *ftújë* f., вар. *vëtulë* 'тж' (Weigand — JIRS XVI, 230; рум. < алб. *vëtulë*, производного от *vjet* 'год'; поддержано: Russu 1970, 211–212; Brâncuș 1983, 150–151); традиционно оба слова < лат. **vituleus* от *vitulus* 'теленка' (Meyer EWA, 113; Pușcariu 1905, 1867; Philippide 1928, 658; Çabej SGJ I, 199).

Друм. *viézure* m. 'барсук' ~ алб. *vjédhull* m. 'тж' (Hasdeu CB I, 247; рум.-алб. праформа **viedula*; Meyer EWA, 474; алб. — производное от *vjedh* 'красть' < и.-е. **veg'h-* 'тащить, везти', рум. < алб.; Weigand 1927₁, 209; оба из фрак. **vjedzula*; ср. Philippide 1928, 307, 741; Giuglea 1944, 32–35; Rosetti 1978, 283; Poghirc 1969, 353–354; Russu 1970, 213–214; Топоров 1972, 30; приводит для алб. слова цельнолексемное соответствие — лит. *vėžlỹs* 'черепаха' из того же и.-е. **veg'h-*, усматривая в подобном наименовании животных указание на характерную неуклюжую, волочащуюся походку; Solta 1980, 51–53; Brâncuș 1983, 127–128).

Друм. *vîscol* n. 'снежная буря, вьюга' ~ алб. *vishkëllój, fishkëllój* vb. 'свистеть, завывать (о ветре)' (Нерозник 1968, 38; Нерозник 1978, 204).

Друм. *vólbura* f. 'вихрь, смерч; водоворот; вьюнок', мегл. *volbari* ~ алб. *vórbullë* f. 'водоворот; вихрь' (Çabej 1965, 110; Çabej SGj II, 302); иначе: рум. < лат. **volvula* вар. к *volvola* 'название растения' (Candrea-Densusianu № 785); рум. < лат. *volvare* 'кружить, вздымать вихрем' (Meyer-Lübke REW, № 9447).

Друм. *zárã* f. 'пахтанье', аром. *ðařã* ~ алб. *dhállë* f. 'тж' (Densusianu — Romania 1904, 85; Jokl 1923, 172; Weigand 1927, 209; Giuglea 1944, 11-13; Rosetti 1978, 283; Poghirc 1969, 354; Десницкая 1978, 153; Solta 1980, 43-44, 157; Brâncuş 1983, 128-129; этимологию алб. *dhallë* = греч. γάλα см.: Meyer EWA, 83; Pedersen 1900, 334); иначе: рум. *zarã* наряду с *zãr* < дак. **-zera*, **-sara*, **-zara* в ГН *Germisara, Germizera* 'теплая вода' (Philippide I, 444-447); нем.-е. соответствия см.: Николаев 1984, 30.

Друм. *a zburdá* vb. 'прыгать, скакать' ~ алб. *shpurdh* vb. 'копать землю (о домашних животных и птицах)', *shpurdhem* vb. refl. 'биться, метаться' (Габинский 1983, 67-69).

Друм. *zdup* interj. 'бух! топ!', *a zdupãci* vb. ~ алб. *zhdëp* vb. 'избить до полусмерти' (Габинский 1983, 69).

Друм. *zgárdã* f. 'ошейник; ожерелье; воротник' ~ алб. *shkãrdhë* f. 'длинная палка, прикрепляемая к ошейнику для того, чтобы собака не могла укусить того, кто ее ведет' (Pascu — Archivum Romanicum IX, 324; Çabej 1958, 133; Rosetti 1978, 283; Poghirc 1969, 354; Russu 1970, 214-215; Brâncuş 1983, 129; Калужская 1986, 177-178: *shkardhë* < *eg'hs-kord(h)a* 'не-что вы-, отрезанное', рум. < др.-алб. **škarda*; Орел 1986, 67-69: *shkardhë* = слав. **ъъz-gorda*).

Друм. *zgãu, sgãu* n. 'пустота, полость, дыра; матка' ~ алб. *zgjýjë* m. 'улей' (Philippide 1928, 742-743); ~ алб. *zgávër, zgúer, zgóri* m. 'дупло' (Нерозник 1968, 73; Нерозник 1978, 208); иначе: рум. < лат. *ex + cavum* (Ciorănescu 753); см. также s. v. *gaurã*.

Друм. *a zgîreá* vb. 'царапать', мегл. *zgair, zgãirari* ~ алб. *shqerr* vb. 'царапать, рвать' (Russu 1970, 215-216); ~ алб. *zhgërrýej* vb. 'тащить, тянуть' (Gabinschi 1991, 96); иначе: рум. < лат. *excoriãre* 'ушибить' (Ciorănescu 754); рум. < слав. **sždrati* (Сihас II, 101; Vogrea 1971, 235); рум. < лат. **excariãre* от *cariës* (Puşcariu 1905, № 1938; см. также Ciorănescu 754), последнее может быть верно и для албанского.

Глава II

РУМЫНО-АЛБАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И ИХ ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Предлагаемая глава посвящена развернутому этимологическому анализу тех румыно-албанских лексических параллелей, к которым можно подобрать соответствия среди палеобалканских языковых реликтов: как среди глосс, так и в области ономастики. Только наличие подобных соответствий и их этимологическая корректность могут служить необходимым и достаточным основанием для заключения о субстратном палеобалканском статусе той или иной лексемы. Все иные случаи допущения проникновения слова из субстрата, не опирающиеся на конкретные факты палеобалканских языков, неизбежно носят умозрительный характер, хотя и могут представлять интерес с точки зрения процедуры доказательства или привлечения совокупности косвенных фактов, подтверждающих предположение автора.

Мы рассмотрели практически все предлагавшиеся сопоставления и попытались привести по возможности исчерпывающую аргументацию *pro* и *contra*, базируясь на принципах ретроспективного и проспективного анализа, теоретически обоснованных Ф. де Соссюром (Соссюр 1977, 123 сл., 248 сл.; о применении этих принципов в диахроническом изучении лексики карпато-балканского ареала см: Гиндин 1973, 64 сл.; Орел 1981₂, 4 сл.; Гиндин-Калужская-Орел 1982, 247, 251). При этом ретроспективное исследование осуществлялось на основе этимологической методики в ее современном понимании, включающем изучение семантической истории слова и его ареальных характеристик, тогда как проспективный метод, по справедливому замечанию Ф. де Соссюра (Соссюр 1977, 248), по сути дела, "сводится исключительно к критике доступных источни-

ков". В нашем случае под этим подразумевалась всесторонняя интерпретация палеобалканских языковых реликтов, дошедших в греческих и римских передачах, состоящих главным образом из надписей и глосс. Потребность в подобных исследовательских приемах виделась нам в том, что они наиболее адекватно отражают рабочие процедуры, способные привести в тех случаях, где позволяют источники, к наложению обоих типов анализа. Именно степень их совпадения, т. е. в идеале доведение ретроспективной реконструкции до хронологического уровня фактов, зафиксированных древнейшими письменными источниками, несомненно, является одним из самых веских критериев достоверности любых построений, связанных с воссозданием языковой и этнической истории карпато-балканского региона. При этом следует помнить, что основания проспективного анализа представлены в нашем случае заведомо дефектным материалом реликтовых языков, преимущественно ономастическим, с минимальными вкраплениями апеллативных глосс и весьма условно атрибутируемым этнически. На другом полюсе мы располагаем фактами языков достаточно поздней фиксации: албанский — с XV в., румынский — с XVI в. (ономастика — с XI в.), что с неизбежностью вынуждает нас работать на уровне реконструкции, стремясь по возможности верифицировать ее данными внешнего сравнения, а также в ряде случаев подкрепить соотносимыми фактами смежных дисциплин¹.

Рум. *ábur* ~ алб. *avull* ~ мессап. *Atabulus*

Рум. *ábur* м. 'пар, испарение; pl. пары (винные); дыхание; душа животных' (DLR I/1, 8), *abure* (1640 г., Hasdeu — Columna lui Traian 1883, 421), аром. *abur* то же (Papahagi 3).

Алб. *ávull* м. 'пар; пары, испарение; жар, зной; болезнь растений; внутренний жар' (Fjalor 1980, 77).

Связь слов была установлена еще Ф. Миклошичем (Miklosich 1861, 8). Г. Мейер, утверждая, что рум. слово заимствовано из алб. и сохранило более древнее *-b-*, выводил алб. *avull* < праалб. **abul* < **abla-* = др.-инд. *abhṛá-* 'пасмурная погода; облако, туча' (Meyer EWA 21). На ошибочность этого подхода справедливо указал М. Шмидт (Schmidt 1929, 14–15), приведя

¹ Нижеследующие этимологические этюды расположены в алфавитном порядке.

для др.-инд. *abhrá-* соответствия, очевидно отражающие *r*-основу: авест. *awra* 'облако', лат. *imber* 'дождь', греч. ἀφρός 'пена', галльск. ГН **Ambra* < **mbhr-* (ср. Pokorny I, 316). Вместо этого он предложил отождествить алб. *avull* с вычлененным им в мессапском названии ветра *Atabulus* комплексом **abulu-*, соотнеся его с арм. *amp* 'облако', греч. ὄμβρος 'дождь', др.-инд. *ambu-* 'вода', галльск. *ambe* 'ручей', лат. *amnis* 'река', возведя их к и.-е. **abnis* от **ab-* 'вода'. Последнее неверно, поскольку перечисленные формы (кроме лат. *amnis*) суть продолжения того же и.-е. **emb(h)-/omb(h)-/mbh-*, что и др.-инд. *abhrá-* (Pokorny I, 316).

Указанное албано-мессапское сближение было принято Х. Краз, отвергшим дальнейшую этимологию Шмидта и интерпретировавшим *at-* в *Atabulus* как восходящее к и.-е. **ati* 'над, поверх, через', а вторую часть сложения как рефлекс и.-е. **ab-* 'вода' (ср. лат. *amnis* < **ab-nis*, др.-ирл. *abann* 'река' и пр. — Pokorny I, 1), т. е. "der über das Wasser (Meer) weht" (Krahe 1955, 41). К сожалению, эта трактовка, с одной стороны, не решает формальных проблем, связанных с отождествлением албанской и мессапской форм (мессап. *b* - алб. *v*), с другой — сама реконструкция внутренней формы иллиро-мессап. *Atābulus* не опирается на надежные параллели. Для сравнения можно привести предложенную недавно О. Н. Трубачевым интерпретацию иллиро-мессап. *Atābulus*, исходящую из свидетельства Сенеки² о том, что это был местный, а не транзитный ветер, и рассматривающую его как сложение иллир. **bul-/bur-* 'жилище' с предлогом-приставкой *atā-*, ср. слав. **otъ*, балт. **ata-*; второй компонент трактуется как родственный названию города в южной Иллирии Βουλλίς, Βυλλίς и иллир. βύριον· ὄικμα (Нес.). В подтверждение вариативности иллир. **bur-/bul-* автор приводит разночтение в написании однокоренного

² Отражено в следующих письменных свидетельствах: *quidam sunt [sc. venti] quorundum locorum proprii, qui non transmittunt sed in proximum ferunt; non est illis a latere universi mundi impetus: Atabulus Apuliam infestat, Calabriam Iapyx, Athenas Sciron, Pamphyliam Crageus etc.* (Seneca, Quaest. nat. V, 17-5); *quaedam temporum causae aut locorum non proprie dicantur morbi, quoniam proptinus necant, sicut tabes cum invasit arborem aut uredo vel flatus alicuius regionis proprius, ut est in Apulia Atabulu in Euboea Olympias* (Plin., Nat. hist. XVII, 232); *Atabulu* (Quintilian VIII, 2,13); *Incipit ex illo montis Apulia notos // Ostentare mihi, quos torret Atabulu et quos...* (Horat. Sat. I, 5, 77 sq.). На основании последнего — метрического — свидетельства обычно восстанавливают долготу второго *ā*.

топонима у Плиния: *Triburium/Tribulium* (Plin. III, 142). Кроме того, практически тождественное *Atabulus* образование Трубачев видит в древнем названии Родоса Ἀταβυρία и горы на нем Ἀταβυρίος, связываемых с упомянутым иллир. βύριον (Трубачев 1983, 52–53). Несмотря на изящность предложенного решения, оно имеет и уязвимые стороны: отождествление Βουλλίς и βύριον выглядит не вполне убедительно на фоне отсутствия других свидетельств чередования *r/l* в иллирийском, при том что иллир. *Tribulium* являет собой полное соответствие греч. Τριφύλια от φύλη 'род' (Krahe 1955, 104). Таким образом, морфологическое членение и содержательное толкование мессап. *Atābulus* продолжают оставаться неясными.

Существует и формальное препятствие для сопоставления его сегмента с алб. *avull* (resp. рум. *abur*). Согласно албанским и румынским историко-фонетическим закономерностям, интервокальное *b* спирантизируется в *v*, а затем выпадает, ср. алб. *bujk* 'крестьянин' < лат. *bubulcus*, рум. *cal* 'лошадь' < лат. *caballum* и под. Именно это обстоятельство заставило Э. Хэмп, позитивно относившегося к близости *avull* и *Atabulus*, высказать предположение о вторичном характере алб. *v*, возникшего в hiatusе: **abulo* > **aul* > *aυul*, что наряду с дальнейшим рассуждением о генезисе албано-иллирийского слова в результате контаминации **nebela* и **agla* (к последнему ср. греч. ἀχλός = др.-прусск. *aglo* 'дождь'), давших нечто вроде **abela*/**abula*, представляется в высшей степени гипотетичным (Hamp 1957, 80–81; ср. Hamp 1975, 499–500; Hamp 1976₁, 51–52). Из всего вышесказанного однозначно вытекает, что возведение алб. *avull* к иллиро-мессап. *At-ābulus* ни в коей мере не может считаться убедительным.

Заметим, что этимологическая интерпретация алб. *avull* – рум. *abur* вообще представляет собой трудный случай. Ни одно из предложенных до настоящего времени решений не может быть признано удовлетворительным. Так, попытка увидеть их общий источник в и.-е. **au(e)-*, **ue-* 'дуть, веять' (греч. ἄος 'пνεύμα [Hes.]', ἄρη 'туман', αἶρα 'ветерок', ἀέλλα 'вихрь, буря', валл. *awel* 'ветер' и пр. — Meyer 1892, 36; Hasdeu EMR I, 100–102; Russu 1970, 131–132), или, вычленив в албанском префиксальное *a-*, соотнести оставшуюся часть с нем. *Qualm* 'пар' и реконструировать праалб. **a-g^wlo-* (Barić 1919, 107), или же, связав *a-vull* с алб. *valë* 'волна', восстановить **a-vol-* (Jokl 1923, 270–271; Çabej SGJ I, 45–46), упираются в фонетические преграды — интервокальное *v* должно было выпасть, *g^w* перед

согласными и гласными заднего ряда > алб. *g*. Сохранение *b* в рум. *abur* при констатации его долатинского статуса³ также не вписывается в картину румынской исторической фонетики.

Не претендуя на окончательное решение проблемы, мы бы хотели предложить свою версию генезиса рассматриваемой албано-румынской пары. Единственно удовлетворительным объяснением сохранения интервокального *v* в албанском может быть возведение его к звукосочетаниям **su*, **ru*, **nu*, **lu*. Приняв, вслед за Н. Йоклем и Х. Баричем, префиксальный характер *a-*, можно было бы без больших натяжек связать оставшуюся часть с и.-е. **suel-* 'тлеть, жечь': др.-инд. *sváratī* 'светит, сияет', *svargá-* 'небо', греч. ἔιλη 'солнечный свет'; в плане семантики особенно важны д.-в.-нем. *swalm* 'дым', нидерл. *swalk* 'пар, дым', лит. (жем.) *svilis* 'жар, лихорадка', лтш. *svelme* 'пар, зной', *svals* 'пар' (Pokorný I, 1045); корневой *u* в *avull* способен отражать как огласовку албанского рефлекса **l̥* (Калужская—Орел 1983), так и сужение в безударной позиции *o* < **ē* (ср. др.-исл. *svœla* 'коптить', *f.* 'толстая копоть', англ.-сакс. *svœlan* 'сжигать'); к отражению и.-е. **su* в алб. *v* ср. хотя бы и.-е. **suekru-* > алб. *vjehërr* 'свекровь'. Что касается рум. *abur*, то его, видимо, позволительно либо рассматривать, вслед за Э. Чабеем, как относительно позднее заимствование из албанского, отражающее фонетически вторичную северно-гегскую диалектную форму *abull* (Çabej SGj I, 46), либо допустить здесь фонетическое развитие по типу лат. *veteranus* > рум. *bătrîn* в интервокальной позиции в условиях стыка морфем.

Рум. *argea* ~ алб. *ragal* ~ др.-макед. ἄργελλα ~
"киммер." (~ греч.) ἄργιλλα ~ фрак. ἄργιλος

Одним из наиболее ярких румыно-албанских соответствий, имеющих палеобалканское происхождение, обычно считается рум. *argea* ~ алб. *ragal* (Philippide 1928, 696–697; Rosetti 1978, 271–272; Russu 1970, 132–133; Poghirc 1969, 328; Brâncuş 1983, 30–31).

Рум. *argeá f.* 'хижина, частично углубленная в землю, бак, где летом ткут крестьянки' (DLR I/1, 240–241), 'сооруже-

³ Собственно латинские объяснения рум. *abur* не выдерживают критики: < лат. *vapor* (Miklosich 1871, 69; Cihac I, 1); < нар.-лат. **ab-burare*, ср. итал. диал. *abburare* 'обжигаться на солнце', исп. *aburar* 'зажигать' (Puşcariu 1905, 5; Meyer-Lübke REW, 15); < лат. *albulus* 'белое пятно' (Ciorănescu 2–3).

ние из досок или яма, выкопанная в земле, где летом устанавливается ткацкий станок' (Folc. Olt. Munt. 2, 668 — Долж), 'землянка, где ткуют крестьянки — влажность воздуха в помещении препятствует растяжению нити и не дает ей рваться' (Tiktin I, 93 — Мунтения), 'яма квадратной формы, выкопанная в земле, где летом крестьянки ткуют холст, а зимой хранят ульи' (Laureanu-Massimu I, 152); 'ткацкий станок' (DLR; MALR s. n. I, h. 300 — только в Мунтении), 'скамеечка у ткацкого станка' (DLR; Tiktin — Яломица); 'свод, купол, сводчатая ниша в церкви' (DLR; Tiktin — Молдова [Яссы], также *arġeaoa* в "Viața și petrecerea svinților" митрополита Досафтея); 'вход в пещеру' (DLR); 'деревянный каркас здания' (DLR; Tiktin — Молдова [Нямц, Сучава], Трансильвания), 'сооружение из столбов без венцов' (Viciu 19 — долина р. Жиу), 'стропила, кровля' (DLR; Folc. Olt. Munt. — Арджеш); pl. 'боковые продольные бревна у плота, крепящие всю конструкцию' (DLR; Tiktin — Молдова [Нямц]).

Алб. *ragál* в словосочетании *ragal'a e šenit* 'собачья конура' (Jokl 1926, 13).

Наиболее перспективный путь этимологизации рум. *argea* определил уже Б. П. Хашдеу (Hasdeu EMR 2, 309–313), сравнив его с греч. ἄρυλλα 'подземное жилище' у Эфора (по Страбону), макед. ἄρυελλα 'постройка для мытья' и глоссой Стефана Византийского ἄρυλος· μῦς ὑπὸ θρακῶν. Правомерность привлечения фракийской глоссы Хашдеу обосновал сходным способом номинации ряда животных в латыни (*cupniculus* 'кролик' от *cupica* 'желоб') и в древнеиндийском (*cušira* и *akhanaka* 'мышь', соответственно, от *cuši* и *khāni* 'дыра, отверстие'). Таким образом, рум. *argea* восходит, по его мнению, к греко-фрак. **argilla*/**argella* 'подземное жилище', что фонетически совершенно безупречно, ср. рум. *măsea* 'челюсть' < лат. *maxilla*, рум. *stea* 'звезда' < лат. *stella*, рум. *vergea* 'прут' < лат. *virgella*⁴.

⁴ Все иные этимологии не выдерживают серьезной критики. Заимствование из тюрк. (чагат.) *arġa* 'ящик, коробка' (Tiktin I, 93; DLR I/1, 241; Ciogănescu 36) маловероятно, учитывая географию рум. *argea*, которое распространено на севере Трансильвании и Молдовы, что нехарактерно для тюркских заимствований, к тому же чагатайский слишком далек пространственно от карпатско-балканского региона; другая версия — из н.-греч. ἀργαλοῖον (*ērgalōion*, *ērgalēion*) 'орудие, инструмент', ἐργαλεῖον τοῦ ὑφάντ' 'ткацкий станок' (Cihac II, 636) или ἀργαλεῖος 'то же' (Grégoire 1939, 537) — неудовлетворительна фонетически (ожидалась бы форма **argaie*, ср. молд. *hărgăi* — Hasdeu, *ibid.*), к тому же значение 'ткацкий станок' для румынского явно не основное и, будучи фиксировано лишь в отдельных пунктах Мунтении, не позволяет объяснить весь семантический

Следующий шаг в исследовании румынского слова сделал Н. Йокль, привлекая для сопоставления албанский восточно-гегский диалектизм *ragal*, засвидетельствованный в сочетании *ragal'a e šenit* 'собачья конура' и записанный им со слов Баязида Эльмаса Доды, жителя области Горна Река ("Ich verdanke die Kenntnis dieses Wortes Herrn Bajazid Elmas Doda, für dessen landeskundliches Werk über Reka ich das sprachliche Material auf seine phonetisch richtige Wiedergabe hin abzuhören hatte." — Jokl 1926, 13). Указанный албанский диалектизм является по сути дела гапаксом, поскольку ни один из албанских словарей, в том числе диалектных, его не фиксирует⁵. Тем не менее Йокль счел возможным трактовать данное слово как заимствование из др.-макед. ἄργελλα 'постройка для мытья', предположив наличие фонетического варианта **árgalla*, в котором произошло характерное уже для албанского перемещение ударения на предпоследний слог, отпадение начального *a* (ср. алб. *gusht* 'август' < лат. *augustus*, алб. *lter* 'алтарь' < лат. *altāria*, алб. *rënë* 'песок' < *arēna* и под.) и возникновение вторичного *ë*, прояснившегося в *a* перед *g* (т. е.: др.-макед. **árgalla* > др.-алб. **argállā* > **rgalla* > **rëgalë* > алб. *ragal*). С *ragal* Йокль связывал также названия горных хребтов в р-не Тетово и Мертури: *Rgal'e Madh* и *Kodra e Rgal'ave* (где *rgal'* < *rëgal*). Тезис о заимствованном, а не исконном характере алб. *ragal* Йокль обосновывал тем, что финальная часть праформы, восстанавливаемой для палеобалканских лексем в виде **arge/al-i-ā*, должна была отразиться в албанском как *-aj(ë)*, в то время как *-ll* регулярно давало алб. *-l* (ср. алб. *kalë* < лат. *caballus*). Дополнительным аргументом в пользу своей гипотезы Йокль считал то обстоятельство, что область засвидетельствования алб. *ragal* находится на территории Древней Македонии. Рум. *argea* непосредственно связывалась им с глоссой ἄργελλα у Эфора, а все гнездо в целом сопоставлено с др.-сакс. *racud* и

объем слова. Попытка О. Денсушяну (Densuşianu 1937, 86–87) объяснить *argea* как 'место, выкопанное в земле' посредством и.-е. основы **wreg-*, откуда греч. ῥήγνυμι 'рвать, разламывать, разрушать', ῥήγξις 'разрыв', ῥαγὴ 'трещина, щель' и пр., носит чисто умозрительный характер. Не менее фантастична идея Г. Джугли о происхождении слова из греч. ἔργα 'труд, занятие, работа' (Giuglea 1944, 48–49). Статья в словаре Г. Мейера-Любке (Meyer-Lübke REW, № 636) **argëlla* 'Lehnhütte' базируется лишь на румынской и албанской формах.

⁵ Вызывает удивление некритическое использование данного материала без пометы "диал." и с вводящим в заблуждение переводом 'Hütte' вместо 'Hundshütte' даже в таком авторитетном источнике, как Pokorný I, 64; ср. Rosetti 1978, 271; Poghirc 1969, 328; Нерознак 1978, 196: 'хижина, шалаш'.

англ.-сакс. *reced* 'здание, двор, дворец, храм', др.-инд. *argala* 'задвигка, засов', на основании чего реконструирован и.-е. корень **areg-* 'запирать' (принято в: Pokoigny I, 64⁶) как звонкий вариант к **areg-*: арм. *argel* 'препятствие', греч. ἀρκέω 'удерживать', лат. *arceo*, др.-в.-н. *rigil*, ср.-в.-н. *rigel* 'задвигка, засов' и пр. (*ibid.*).

На наш взгляд, построение Йокля уязвимо в нескольких отношениях. Прежде всего, возведение алб. *ragal* к др.-макед. ἄρυελλα построено на ряде не вполне корректных допущений: практически немотивированной реконструкции праалбанского фонетического варианта **argállà* и предположении о возникновении в албанском в безударной позиции вторичного редуцированного гласного *ë*, трансформировавшегося в *a* перед *g*. Последнее маловероятно, поскольку безударная позиция характеризовалась в истории албанского как раз редукцией и выпадением гласных, а не наоборот (Çabej SGj III, 116), т. е. гипотетическое **argállà* должно было дать алб. **rgal(ë)*. Ошибочна также идентификация *ragal* с фиксированными в топонимике формами *Rgal'*, *Rgal'ave* (развито в: Brâncuș 1983, 30–31), образованными на базе апеллатива *rrëgallë* 'место, заваленное упавшими с гор камнями, грязью; узкая долина с отвесными стенами, заваленная камнями и грязью' (Çabej SGj II, 94–95).

Принимая во внимание территориальную приуроченность алб. *ragal* к славяно-албанскому пограничью (относительно албанизации района Горна Река в XVIII–XIX вв. и славяно-албанского двуязычия в этой местности см.: Селищев 1931, 11 сл.), представляется целесообразным проверить, не лежат ли его истоки в славянском языковом материале. Действительно, в южнославянских языках мы находим ряд форм, которые можно рассматривать как потенциальный источник албанского слова. Это, прежде всего, с.-хорв. *rõgaļ*, *rogal* 'угол' (RHSJ XIV, 124, 127) < **rogal-jo* (Skok 3, 154), болг. *rogъл* 'рог, угол' (Геров 5, 82), 'выступающая верхняя часть здания, мебели и пр.', 'внутренний угол в помещении' (БТР 881), *rogъл* (Стойчев Т. Тетевенски говор. — СБНУ, т. 31, 336). Отражение слав. *o* как алб. *a* вполне закономерно, ср. алб. *kapicë* 'копна сена' <

⁶ Сомнительно отнесение сюда др.-инд. *argala* по причине большой вероятности его доарийского происхождения, ср. более древнюю форму *argaḍā* с чередованием, характерным для проникновений из субстрата (Mayrhofer 1, 50, там же более полная аргументация).

слав. **kopica* (болг. *копица*); алб. *karrutë* 'бродильный чан' < слав. **koryto* (болг. *корито*, с.-хорв. *kòrito*) и пр. (Duridanov 1977, 688 и сл.), причем не только для старых славянских заимствований, но, по диалектам, и для более новых: алб. *ragushë* 'овца с рогами' (Тетово — FFShP 245), *ragusha* 'то же' (Люми — DSh III, 251), но и *rogusha* (Кельменд) и даже *regùsh* (там же), ср. алб. *rogùš* (окр. Титоград), *ragùš* (окр. Ульцен) при с.-хорв. *ròguša*, *rògoša* 'то же' (Петрович 1983, 206).

Некоторая сложность заключается в том, что точное формальное соответствие алб. *ragal* засвидетельствовано в сербско-хорватском, в то время как известно, что Горна Река была заселена славянами — носителями речи западно-македонского типа (Селищев 1931, 13), а для болгаро-македонской области образования с суф. *-al-* отмечаются крайне редко. Однако, учитывая потенции этого суффикса в других славянских языках (ср. русск. яросл. *рогаль* 'осиновая лодочка', 'рукоятка у косули' — Мельниченко 1961, 175; блр. *рагаль* 'суковатые дрова', 'лось' — Яшкін 1971, 161) и в самом болгарском (ср. болг. *ватрálъ* 'кочерга, ожег', *сүкálчя* 'грудной младенец; животное, питаемое материнским молоком, сосунок' — Геров 1, 109; 5, 284 и пр.), можно допустить существование подобного образования и в диалекте Горной Реки.

Что касается траектории семантического развития лексемы: 'угол' > 'некое помещение', в частности, 'собачья конура', — то в качестве аналогии можно привести слав. **kotъ* и его производные, а именно: русск. *кут* 'место, где сходятся внешние и внутренние углы предмета, угол чего-нибудь', 'кухня', 'огороженный угол, место для телянка', 'летняя комната, отделенная от избы сенями, без печки', 'помещение для кур, курятник', *кутáн* 'хлев для овец', *күтник* 'помещение для мелких животных', *кутók* 'курятник, собачья конура' (СРНГ 16, 163 сл.; разрядка моя. — И. К.), ср. *Седни тут, а завтра в собачий кут* (там же, 164), *закүта* 'собачья конура', *закүтка* 'то же' (СРНГ 10, 182, 184), болг. *къща* < **kotja* 'дом', 'помещение в доме, где находится очаг' (Геров 2, 447). К потенциальной возможности использования слав. **rogъ* для обозначения помещений ср. укр. бойк. *рогі* 'рига', 'помещение для зерна' (Онишкевич. СВГ II, 180). Дополнительным аргументом в пользу нашего предположения может служить тот факт, что общеалбанское название собачьей конуры *stelë* также заимствовано из славянского, ср. с.-хорв. *стѣља* 'подстилка для скота' (Meуer EWA, 392).

Таким образом, имеются достаточные, на наш взгляд, основания видеть в алб. *ragal* локальное славянское заимствование, не связанное ни с рум. *argea*, ни, тем более, с др.-макед. ἄργελλα.

Переходя к рассмотрению рум. *argea* и уяснению связи данного слова с упоминавшимися уже Б. П. Хашдеу греч. (“киммер.”) ἄργιλλα, др.-макед. ἄργελλα, фрак. ἄργιλος, а также палеобалканских форм между собой, представляется необходимым изложить и прокомментировать весь наличный материал, тем более, что от результатов этого анализа зависит решение вопроса о генетическом статусе рум. *argea*⁷. Материал следующий:

ἄργιλλα (Ephor fr. 45 in: Strab. V, 244, cp. FrGrHist 70 F 134): “Ἐφορος δὲ τοῖς Κιμμερίοις προσοικειῶν τὸν τόπον φησὶν αὐτοὺς ἐν καταγεῖοις οἰκίαις οἰκεῖν ἅς καλοῦσιν ἄργιλλας, καὶ διὰ τινων ὀρυγμάτων παρ’ ἀλλήλους τε φοιτᾶν καὶ τοὺς ξένους εἶς τὸ μαντεῖον δέχεσθαι πολὺ ὑπὸ γῆς ἰδρυμένον “Ἐфор же, это место приписывающий киммерийцам, говорит, что сами они живут в подземных жилищах, которые они называют аргиллами, и что через какие-то подземные ходы друг с другом общаются и чужестранцев принимают в прорицалище, помещенном глубоко под землей”⁸.

ἄργιλα (Eusth. ad Dion. Perieg. 1166): Τάχα δὲ καὶ αἱ ἄργιλαί, τὰ ὑπόγεια οἰκήματα, ἐκτῆς τοιαύτης παρωνομάσθη λέξεως (sc. ἄργιλος), ὡς τῆς τοιαύτης γῆς μάλιστα εὐθέτως ἐχούσης διὰ τὴν στεγανότητα πρὸς κατεργασίαν οἰκήσεως “Пожалуй, даже аргилы, подземные жилища, названы по этому слову (т. е. ἄργιλος), поскольку эта земля чрезвычайно удобна из-за своей плотности для сооружения жилищ”.

ἄργιλος· ἡ σμηκτὴς γῆ, ἢ λευκόγειος (Hes.) “моющая земля или белоземельная”.

⁷ Полемику по этому вопросу см.: Гиндин–Калужская 1984, 30 сл.; Тохтасьев 1988, 53–55; Kaluzhskaya 1992, 241.

⁸ Необходимо отметить, что перевод κατάγειοι οἰκίαι (sc. ἄργιλλαί) как ‘землянки’ в издании: Страбон. География. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. М., 1964, 227, ср. 812, прим. 16: “аргиллы — глиняные землянки”, — никоим образом не вытекает из приведенного контекста и возник, надо полагать, под влиянием греч. ἄργιλος ‘белая горшечная глина’ либо в результате недостаточного внимания к источникам, как в: Poghirc 1969, 328, вслед за ним Нерознак 1978, 196. Все имеющиеся в нашем распоряжении словари толкуют ἄργιλλα как ‘подземное жилище’, ср. англ. ‘underground dwelling’ (Liddell–Scott 235), нем. ‘unterirdische Wohnung’ (Frisk I, 131; Hofmann 22; Pokorny I, 64), франц. ‘habitation souterraine’ (Chantraine I, 103).

ἄργελλα· οἴκημα Μακεδονικόν, ὅπερ θερμαίνοντες λούονται (Suid.)
 “постройка македонская, та, которую, нагревая, моются”.

ἄργιλος (Heracl. Pont. frg. 42 — FHG II, 224): ἄργιλον τὸν μῦν
 καλοῦσι Θραῖκες· οὗ ὀφθέντος, πόλιν κατὰ χρησμὸν ἔκτισαν καὶ Ἄργιλον
 ὠνόμασαν “фракийцы называют мышь аргилос, когда ее увидели,
 согласно предсказанию оракула, город основали и назвали
 Аргилос”.

Полностью повторяется это свидетельство в: Arist. Frag-
 menta — FHG 611, 75 с разницей в записи основного слова —
 ἄργειλον.

ἄργιλος (St. Byz. 112, 13): Ἄργιλος· πόλις Θρακίης, ὡς Θουκυδίδης
 εἶ, καὶ Φαβῳρίνος ἐν παντολαΐς· “Ἄργιλος ἢ πρὸς τῷ Στρυμόνι ποταμῷ
 πόλις. ὠνομάσθη δὲ ἐπειδὴ ὑπὸ Θρακῶν ὁ μῦς ἄργιλος καλεῖται. σκαπτόντων
 δὲ εἰς τὸ θεμελίους καταβάλῃσθαι, πρῶτος μῦς ὤφθη” — “Аргилос, город
 во Фракии, как [сообщают] Фукидид и Фаворин по-всякому:
 Аргилос, город у реки Стримон. Назван же так, потому что
 по-фракийски мышь называется аргилос. Ведь когда копали,
 чтобы заложить фундамент, вначале появилась мышь”.

В интерпретации приведенного материала можно выделить
 два основных направления. Эллинисты обычно трактуют др.-
 макед. ἄργελλα и эфорову глоссу ἄργιλλα, атрибутируемую им
 самим в качестве киммерийской, как чисто греческие образо-
 вания от др.-греч. ἄργιλος ‘белая горшечная глина, каолин’ —
 традиция, заложенная еще Евстафием (см. выше): ἄργιλος >
 *ἄργιλια > ἄργιλλα (Boisacq 74: “Mot dialectal”; Hofmann 22;
 Kalleris 1954, 106 s.; Chantraine I, 103). В защиту этого тезиса
 специально выступил С. Р. Тохтасьев (Тохтасьев 1988, 53–55),
 утверждая, что ἄργιλλα Эфора — греческая, точнее кумская
 глосса, поскольку “киммерийцы” Аверна отражают характер-
 ное для Великой Греции стремление локализовать в своих
 пределах одно из приключений Одиссея (Od. XI), наложив-
 шееся на подходящую геофизическую специфику авернской
 местности. Анализируя свидетельство Евстафия, С. Р. Тохта-
 сьев отвергает происхождение глоссы из Эфора resp. Страбона
 и приходит к выводу, что Евстафий считал ἄργιλλα не просто
 греческим словом, а более конкретно аттическим, поскольку
 черпал свой лексикографический материал из аттицистских
 словарей Элия Дионисия и Павсания. Вся конструкция замы-
 кается тем примечательным фактом, что основатели Кум при-
 были туда из соседней с Атикой Эвбеи. Что касается опреде-
 ления генезиса др.-макед. ἄργελλα, то автор видит здесь извест-
 ные трудности: либо слово связано с ἄργιλλα ‘подземное

жилище', тогда, по его мнению, нужны археологические (или хотя бы этнографические) подтверждения тому, что под баню могли быть использованы (полу)землянки⁹; либо, с учетом глоссы Гесихия и того факта, что в качестве моющих средств греки использовали преимущественно разные виды глин (κίμωλία γῆ, κοῖνα, σμῆμα, σμῆμα и др.), ἄργελλα может быть интерпретирована как 'место, где мылятся, мыльня' и должна рассматриваться как словообразовательный омоним к ἄργιλ(λ)α. Стронники греческой линии, как правило, не склонны предавать чрезмерного значения фрак. ἄργυλος 'мышь', либо считая его греческим словом, продолжающим тот же и.-е. корень *arg'.¹⁰ либо высказывая недоверие к самому факту существования фракийской глоссы, что в наиболее резкой форме выразил В. Томашек, который полагал, что и глосса, и толкование придуманы специально для объяснения названия города Ἄργυλος (Tomaschek II, 4). Данный город, по его мнению, мог получить свое название по белому прибрежному песку (греч. ἀργός 'белый' и пр.) или же, будучи эдонско-бизалтским укреплением, запирающим вход в Стримонский залив, сопоставим с упоминавшимся выше арм. *argel* 'запор, засов', греч. ἀρκέω 'удерживать', лат. *arceo* 'запирать, ставить преграду', *arx* 'крепость' (Tomaschek, *ibid.*, также Detschew 22–23).

Приверженцы альтернативной версии признают за приведенными выше глоссами древнебалканский статус, предлагая для них разнообразные этноязыковые атрибуции и этимологические решения. Так, О. Хоффманн (Hoffmann 1906, 60 ff.), исходя из того, что для Эфора (4 в. до н. э.) киммерийцы были уже чисто "этнографическим" понятием, полагал, что слово ἄργυλλα попало от киммерийцев к фракийцам (видимо, после вытеснения первых в 8 в. до н. э. из Крыма под давлением скифов)¹¹, а уже из фракийского — в древнемакедонский. Отвер-

⁹ Такие сведения, кстати, приведены Каллерисом (Kalleris 1954, 106), когда он ссылается на опыт своего коллеги проф. Керамопулоса, принимавшего в детстве серные ванны, которые приготавливали, выкопав яму в глине и нагревая в ней воду; известны также описания архаичных финских саун, находящихся полностью или частично под землей.

¹⁰ Так, С. Р. Тохтасьев (Тохтасьев 1988, 54) ставит ἄργυλος в один ряд с греч. ἀργῆς (ἄφις), ἀργυλίτης/-ις (о змее) и особенно ἀργύλας 'вид змей' (со ссылкой на: Chantraine I, 104), вычлняя здесь тот же диминутивный суффикс *-l-, характерный в греческом для названий небольших животных, птиц, рыб, насекомых: κορβίλη, ὄρχιλος, λετραβίλη, πρυόλις, σπόνδυλος, φρυγίλος и т. д.

¹¹ Ср. известное свидетельство Страбона: οἱ τε Κιμμέριοι, οὓς καὶ Τρηῆρας ὀνομάζουσιν, ἢ ἐκείνων τι ἔθνος "и киммерийцы, которых называют трерами, или какое-

гая связь ἄρυλαι с греч. ἄρυός 'белый' и ἄρυλος 'белая глина', Хоффманн указывает на заманчивость сближения с названием фракийского города "Ἀρύλος и признает, как позднее и Швицер (Schwyzer I, 68), реальность фрак. ἄρυλος 'мышь'¹². Пытаясь совокупно объяснить перечисленные лексемы, автор допускает, что полевая мышь или землеройка, живущая в норах и подземных ходах, может иметь то же название, что и подземное жилище, на основе значения 'Eingrabendes', приведя в качестве параллели др.-в.-н. *skëro* 'крот', ср.-в.-н. *scher-mûs*, н.-в.-н. *scher-maus* 'то же' при др.-в.-н. *skerran* 'копать, рыть, скрести', ср. также греч. σκάλοψ 'крот' при σκάλλω 'рыть' и слав. **krъtъ* < *(s)*ker* 'резать' (ЭССЯ 13, 58–59). Н. Йокль (Jokl 1924, 177 f.), также настаивая на подлинности фракийской глоссы, разделил по происхождению название мыши и подземного помещения, возведя фрак. ἄρυλος к и.-е. **arg*'- 'блестящий, белый' (т. е. "das weissliche, graue Tier") и указав на сходное развитие в лит. *pelė* 'мышь' при *pelēt* 'плесневеет', родственном лат. *pallēre* 'бледнеть'. При этом для объяснения кентумного рефлекса *g*' ему пришлось прибегнуть к допущению о "voretische Entpalatalisierung", ср. также Schwyzer I, 68; одновременно для форм типа Ἀρζος, *Arzos*, *Arsus* — названия притока Гебра и крепости на нем — был предложен прототип **arg'ios*, ср. иллир. *Argya* в Истрии (Krahe 1955, 94). Палеобалканские факты были связаны им с алб. *ragal*, др.-сакс. *racud* и пр. (подробно см. выше). Вл. Георгиев (Георгиев 1977, 11), возводя фрак. ἄρυλος к и.-е. **arg*'- 'белый' и пытаясь объяснить отсутствие ассимиляции палатального, высказал предположение, что слово заимствовано из македонского, тем более, что сам город "Ἀρύλος располагался на границе Фракии и Македонии и вполне мог носить македонское название. Заимствованием из македонского в греческий считал ἄρυλλα и П. Кречмер (Kretschmer 1934, 121), объясняя греч. ι узким произношением ε в македонском. Фриск (Frisk I, 131) тоже сомневался в наличии связи между макед. ἄρυελλα, греч. ἄρυλλα и греч. ἄρυλος 'белая глина'. К и.-е. **arg*'- 'белый' возводил все рассматриваемое гнездо Б. Надэль (Надэль 1963, 120–121), преодолевая трудность с рефлексацией **g*' > фрак. *g* предположением, что фрак. **ar-*

то их [sc. киммерийцев] племя" (Strab. I, 61; о принадлежности тревров к фракийским племенам см.: Strab. XIII, 586).

¹² "Die Deutung ist natürlich erfunden, aber nur deshalb, weil es im Thracischen wirklich ein Wort ἄρυλος in der Bedeutung 'Maus' gab" (Hoffmann 1906, 61).

gilos восходит к киммерийскому источнику, для которого могла быть характерна депалатализация палатальных; реальность киммерийского языка не ставилась при этом под сомнение в отличие от позиции ряда современных исследователей (см.: Тохтасьев 1984, 142–147; Иванчик 1991, 61–73).

Ради полноты картины приведем еще несколько этимологических версий, касающихся, главным образом, названий подземных построек. А. Пальяро (Pagliaro 1950, 145–146) сравнивает др.-макед. ἄρῦελλα и ἄρῦλλα Эфора (считая последнее греческим словом, характерным для Magna Graecia) с авест. *gərəða-* 'впадина, полость', используемым также для обозначения жилищ божественных существ, др.-инд. *grhá-* 'внутреннее помещение, дом' < **grdh-a*; греческая и македонская лексемы образованы путем присоединения суффикса *-la* и последующей метатезы: **grdh-lā* > **rgdh-lā* — решение весьма гадательное и проблематичное фонетически. И. Хубшмид (Hubschmid 1963, 81) высказался в пользу доиндоевропейского происхождения указанных терминов, привлекая для сравнения сван. *argi* 'дом', что было поддержано Э. Фурне (Furnée 1970, 19: "Ostmediterran." **arg-* 'Hütte, Haus'; ср. Lahovary 1954, 126), однако, по устному свидетельству Г. А. Климова, сван. *argi* является относительно недавним заимствованием из груз. *adgili* 'место'. Совершенно фантастично и запутанно построение М. Будимира (Budimir 1954, 38 сл.), связывающего киммер. ἄρῦλλα с латинскими терминами горнорудного дела *arrūgia* 'шахта, копь' и *corrūgus* 'водопровод, канал для промывания руды'.

В статье, специально посвященной рассматриваемой проблеме (Гиндин–Калужская 1984), была предпринята попытка привести аргументацию семантического и мифологического характера в поддержку идеи о связи названия 'мышь' и 'подземного жилища' и их палеобалканском генезисе. Высказано предположение, что в реликтовых языках Балкан, видимо, действительно существовала основа **argi/el-*, обозначающая 'мышь' гесп. 'мышиную нору' (ср. русск. диал. *мышина* 'мышья нора', *мышарник* 'место в поле, изрытое мышами' — Даль, II, 367; также слав. **kr̥tina*, **kr̥tišče*, **kr̥tovina* и пр. 'кротовая кочка, нора' от **kr̥tъ* 'крот' — ЭССЯ 13–54) и — по сходству с последней — человеческое жилище, баню, хозяйственную постройку, расположенную полностью или частично в земле (аналогично ср. франц. *taupe* 'крот' ~ *taupinière* 'взрытая кротом земля; пригорок; л а ч у ж к а'. К возведению в ранг топонима апеллатива со значением 'мышь' ср. греч. Σίμθη, Σίμθος —

город в Троаде с храмом Аполлона Сминтеуса (Pape-Benseler II, 1419); особая роль мыши в основании города описана Страбоном (Strab. XIII, 604–605) в рассказе о том, как во время переселения в Малую Азию тевкры получили оракул, указующий, что они должны обосноваться в месте, где появится нечто, рожденное землей — однажды ночью мыши съели их щиты и они поняли, что это то самое место.

Удвоенное -λλ- (< *-λ- \bar{i} -) в названии построек ἄργι/ελλα, возможно, указывает на адъективную природу этих существительных и их деривационную связь с ἄργιλος 'мышь' (ср. Chantraine 1979, 33–34).

В качестве содержательной мотивировки мы привели уже частично прокомментированный пассаж Страбона о киммерийцах, приуроченных к ландшафту Плутона: καὶ τοῦτο [τὸ] χωρίον Πλουτώνιον τι ὑπελάμβανον καὶ τοῦς Κιμμερίους ἐνταῦθα λέγεσθαι (Strab. V, 244, 10) "... эту местность они [жители] также считали Плутоновой, полагая, что там жили киммерийцы", который можно трактовать как мифологическое осмысление формальной и семантической связи между ἄργιλλα 'подземное жилище у киммерийцев' и фрак. ἄργιλος 'мышь' в качестве хтонического существа. Свидетельство Страбона в том же месте, что "εἶναι δὲ τοῖς περὶ τὸ χρηστήριον ἔθος πάτριον μηδένα τὸν ἥλιον ὄραν ἄλλὰ τῆς νυκτὸς ἕξω πορεύεσθαι τῶν χασμάτων" (Strab. V, 244, 25) "у тех, кто при оракуле, есть унаследованный от предков обычай: никто не видит солнца, но ночью они [могут] выходить из пещер", — представляет собой деталь, соотношенную самим Страбоном (там же) с гомеровским изображением страны киммерийцев, живущих при входе в Аид: οὐδὲ ποτ' αὐτοὺς ἥλιος φαέθων ἐλδέρκεται "и никогда их [киммерийцев] сияющий Гелиос не созерцает лучами" (цитата Страбона из Od. XI, 15–16)¹³. С другой стороны, эта же деталь перекликается с мотивом слепоты у мышей и кротов. Если продолжить сопоставление страбоновых киммерийцев с мышами (сообщение друг с другом посредством подземных ходов, оракул глубоко под землей), то правомерно предположить, что свидетельство Эфора, сообщаемое Страбоном, имеет в своей основе осознание сопричастности мифологических представлений греков о хтоническом образе жизни мышей и гомеровских киммерийцев, очевидно стимулированное ощущением формальной и семантической связи, как уже

¹³ Интерпретацию всего отрывка см.: Гиндин 1980, 199 сл.

отмечалось выше, между ἄργιλλα 'подземное жилище' и ἄργιλος 'мышь'¹⁴. Определяя формальные истоки рассматриваемых лексем, мы считали возможным возвести их к и.-е. *arg'- 'блестящий, белый', допуская для фракийского продолжения непосредственность ассимиляции палатального.

Из всего вышесказанного с очевидностью следует вывод, что имеющийся в наличии фактический материал, к сожалению, недостаточен, чтобы с уверенностью предложить однозначное этимологическое решение для всех сопрягаемых лексических единиц¹⁵. Дополнительные аргументы могут быть приведены в пользу как одной, так и другой точки зрения. Так, толкование топонима Ἄργιλος в качестве исконно греческого может быть подкреплено, с одной стороны, ссылкой на Геродота (Hdt. VII, 115), который прямо называет город эллинским, с другой — такими тождественными ономастическими данными, как Ἄργιλα — город в Кари (Pape-Benseler I, 118), толкуемый из греч. ἄργιλος (Sundwall 1950, 72), Ἄργιλος ὁ λόφος — гора на Ниле в Египте (Plut. fluv. 16, 3; "Weissenberg" — Pape-Benseler I, 118). К семантической мотивировке ср. также: Κέρασε(ῖ)α — город в Македонии (Tab. Peut.), Κέρατος — дорийский приморский город в Кари (Strab. 14, 656) (Pape-Benseler I, 647) при греч. κέρατος 'гончарная глина'. Кстати, данный апеллатив важен и в плане аналогии семантического развития: 'глина' > 'подземное жилище', ср. такое значение греч. κέρατος, как 'подземная тюрьма, темница' (Liddell-Scott 940), также κέρατος· λίθος, καὶ πᾶν ὄτρακον. καὶ δεσμωτήριον (Cyprii). καὶ ὄχυρμα. καὶ πόλις Καρίας. ἤδη δὲ ἐπὶ χρώματος (testae color) (Hes.) "пифос, и все глиняное, и тюрьма (Киприи); и крепость, и карийский город, теперь же о цвете (цвет черепицы)"; ср. и русск. земля > землянка 'хижина, жилье, выкопанное отчасти в земле, вкопанное в землю с битыми стенками, а иногда дерновою кровлей' (Даль I, 479), англ. earth, в том числе 'нора'.

Если обратиться к сфере реалий, то здесь ситуация выглядит следующим образом: известно, что постройки типа полуземлянок, используемые для жилья, были достаточно харак-

¹⁴ Об особой сакрально-культурной роли мышей в балканском и малоазийском ареале см.: Топоров 1977, 52 сл.; ранее — Grégoire 1949, passim, особенно 109 сл.

¹⁵ Новая, весьма удачная этимология фрак. ἄργιλος < *ar- 'поле' + *.gilos 'мышь', т. е. 'полевая мышь', предложенная К. Витчаком (Witczak 1995, 36-37), не меняет сути нашего построения.

терны для фракийцев, особенно северных. Они имели основание прямоугольной или овальной формы, глубина их достигала 1–1,5 м, а в некоторых местах — до 2,15–2,20 м (западная часть поселения Ханска Лимбарь в Молдове), над котлованом воздвигались невысокие глинобитные на деревянном каркасе стены. Знаменательно, что подобные постройки, наряду с характерными наземными глинобитными, на деревянном каркасе домами (иногда со слегка углубленным в материк основанием — до 20–45 см), обнаружены на территории греческих колоний в Румынии и Молдове (Истрии, Томах, Истрии-Сат, Тариверде, Надлиманском II и Беляевке I), при этом последние, видимо, были восприняты греками от фракийцев (Никулицэ 1987, 35, 41, 42, 116).

Столь подробный экскурс в материал античных источников и его толкования понадобился нам для демонстрации реальных сложностей, стоящих перед исследователем при определении генетического статуса рум. *argea*. Напомним, что в формальном отношении *argea* является абсолютно правильным отражением прототипа **arge/illa* (см. выше). Приведенный археологический материал со всей очевидностью свидетельствует, что сама реалья, обозначаемая этим термином в румынском, — летнее помещение для тканья в виде крытой квадратной ямы или углубленной в землю постройки — весьма архаична и, скорее всего, непосредственно продолжает строительную традицию древнего населения северной части Балканского п-ова. Семантический же спектр румынского слова аккумулировал в себе как очень древние, так и инновационные пласты. При дискретном сопоставлении значений рум. *argea* с семантическими параметрами свидетельств античных источников и данными археологии вырисовывается следующая картина:

Античные источники

— 'подземное жилище' (Великая Греция, Атика)

Современный румынский

— рудиментарные, немотивированные в синхронии значения: 'свод, купол, ниша (в том числе в церкви)', 'вход в пещеру', релевантные для обитателей подземных жилищ, как природных, приспособленных под жилье пещер, так и искусственно созданных, выкопанных;

- близкие к исконному значения 'деревянный каркас здания', 'конструкция из столбов, несущая крышу', 'стропила', т. е. элементы, поддерживающие, крепящие строение, а также 'боковые бревна у плота, крепящие всю конструкцию', предстают отзвуком крепёжных приспособлений из столбов или кольев в примитивных подземных или полуподземных обиталищах (ср. Никулицэ 1988, 35, 41);
- 'хозяйственная постройка, в частности, баня' (Македония)
- 'помещение для хозяйственных нужд (тканья, хранения ульев и под.)' — в силу конструктивных особенностей перекликается с предшествующими пунктами;
- на обрисованном фоне очевидной инновацией выглядят значения 'ткацкий станок' и 'скамеечка ткачихи', развившиеся либо в результате переноса названия помещения, где ткут, на орудие тканья и его детали, либо как продолжение значения 'деревянный каркас здания', элементом которого являлся в древности ткацкий станок¹⁶.

Недавно румынский диалектолог С. Думистрэчел также предпринял попытку реконструкции семантической эволюции рум. *argea*, придя к выводам, отличным от изложенных нами (Dumistrăcel 1978, 176–177; Dumistrăcel 1992, 185–186). Автор собрал обширный диалектный материал, сгруппировав его в три блока¹⁷:

¹⁶ Археологические и этнографические данные, подтверждающие конструктивную связь вертикального ткацкого станка с вертикальным каркасом дома, собраны в: Dumistrăcel 1989, 329–359.

¹⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить проф. С. Думистрэчела за возможность ознакомиться с его рукописными материалами.

(I) 'деревянная деталь', 'стык, соединение': 'каждая из двух планок, расположенных между горизонтальными брусками в ткацком станке' (Валахия); 'поперечная балка, опирающаяся на верхушки столбов (в конструкции дома или мельницы)' (Молдова); 'каждая из двух планок в лошадиной упряжи, стягивающих пучки гривы' (Молдова); 'боковая перекладина у плота'; 'куски дерева, используемые для укрепления желоба, по которому спускают срубленные в горах деревья' (Марамуреш, Молдова), ср. глагол *a argelá* 'укреплять лесную дорогу' (Молдова);

(II) 'конструкция, приспособление': 'примитивный ткацкий станок (первоначально вертикальный, а затем горизонтальный)' (Валахия); 'деревянный каркас стен или всего дома' (Марамуреш, Трансильвания, Молдова); 'крыша', 'навес' (там же); 'прямоугольная рама, поддерживающая воронку пресса' (Валахия);

(III) 'жилище': 'маленький домик, частично углубленный в землю, используемый для тканья' (Олтения, Валахия); 'импровизированное укрытие, хижина' (там же), 'дом' (Бессарабия); данная группа дополняется двумя важными свидетельствами: рукописного словаря XVII в. "Dictionarium valachico-latinum", известного под названием "Anonymus Caransebesiensis", где отмечено слово *argelaş* = *vile tectum* 'скромное жилище', и памятника с территории Валахии, датированного 1673 г., где слав. *къшта* толкуется с помощью рум. *coliba* и *argea*.

По мнению С. Думистрэчела, безоговорочно принимающего этимологию Н. Йокля (< и.-е. **areg-* 'закрывать, запирасть') и исходящего из нее в своих построениях, семантическое развитие рум. *argea* осуществлялось от исходного значения 'соединение, сочленение, стык', 'конструкция, состоящая из деревянных деталей, соединенных в каркас постройки (леса у стен, опора крыши), но, равным образом, и вертикальный ткацкий станок, являющийся конструкционно их частью', к значению 'хижина', 'вид укрытия, где летом ткнут крестьянки' (Dumistrăţel 1990, 221). Уязвимые стороны этимологического решения Н. Йокля продемонстрированы нами выше: из примеров, на которых базируется его реконструкция, не могут быть приняты алб. *ragal* и др.-инд. *argala-*; добавим к этому, что и привлеченные Н. Йоклем др.-сакс. *racud* 'дом' resp. англ.-сакс. *reced* 'то же' фонетически затруднительно возвести к тому же прототипу, что ставит под сомнение реальность всего этимологического гнезда **areg-* 'verschliessen' в Pokorny I, 64.

Кроме того, отметим еще один существенный момент: перенос названия ткацкого станка на название помещения, где он находится, типологически менее регулярен, чем обратное явление. В качестве примера можно привести хотя бы слав. **stanъ*, обозначающее, помимо ткацкого станка, также и жилище (болг., с.-хорв., чеш., словц., в.- и н.-луж.); архаичность последнего значения подтверждает др.-инд. *sthānam* 'место, место пребывания', авест., др.-перс. *stāna-* 'стойка, место, стойло' (Фасмер III, 745). На наш взгляд, материал, представленный С. Думистрэчелом, полностью укладывается в предложенную нами схему семантической эволюции рум. *argea*.

Итак, материальная и семантическая преемственность рум. *argea* и античных ἄργυλλα, ἄργελλα как будто не вызывает сомнений. Дилемма заключается в следующем: признать ли рум. *argea* древнегреческим заимствованием (как в: Тохтасьев 1988, 54, правда, с отсылкой к абсолютно неправомерной этимологии Грегуара) или считать его наследием субстрата. Решение зависит от того, какую точку зрения принять в отношении этноязыковой атрибуции эфоровой глоссы ἄργυλλα и др.-макед. ἄργελλα. Поскольку обе версии представляются в достаточной степени достоверными и выбор одной из них является скорее делом вкуса, а не аргументации, необходимо заметить, что проникновение греческих заимствований в разговорную латынь балкано-дунайского региона в первые века н. э. было довольно ограниченным в силу отсутствия непосредственных широких контактов между этими народами. Взаимодействие локализовалось, главным образом, на западном побережье Понта вокруг греческих колоний — Томиса, Истрии, Каллатиса, Одессоса, Месембрии; инфильтрации же греческого населения в континентальные части Балкан были минимальны (Mihăescu 1966, 16–17). Подобное положение выразилось в очень небольшом числе лексических заимствований, которые в румынском можно рассматривать как истинные грецизмы: *broatec* 'лягушка-древесница' < βρόταχος — фонетического варианта βάτραχος 'лягушка', *frică* 'страх' (ср. алб. *frikë* 'то же') < φρίκη 'дрожь', *mic* 'маленький' < μικρός или μικός 'то же', *plai* 'горный хребет' (ср. алб. *pllajë*) < πλάγιος 'наклонный', *proaspăt* 'свежий, новый' < πρόσφατος 'недавно убитый, свежий', *spîn* 'шип' (ср. алб. *spërëkë*) < σπανός 'безбородый, колючий', *stup* 'улей' < στύπος 'колода, пень', *stur* 'столб' (ср. алб. *shtullë*) < στῦλος 'колонна', *trufă* 'надменность' < τρυφή 'презрение', *ciumă* 'заразная болезнь' < κύμα 'опухоль', *jur* 'круг, окрестность' <

γῦρος 'круг', *ciutură* 'бадя' < κοτὴλη 'миска, тарелка' (Mihăescu 1966, 59–66). Исходя из этого многие исследователи, в частности, Б. П. Хашдеу (Hasdeu EMR III, s. v. *batal*), А. Филиппиде (Philippide 1909, 142–143), И. Шиадбей (Şiadbei 1958, 179) и, с некоторой осторожностью, Х. Михэеску (Mihăescu 1966, 16), утверждали, что греческие слова проникали в балкано-дунайскую латынь не прямо из греческого, а были опосредованы фракийской языковой средой, ср. у Hasdeu EMR III, 313: "греко-фрак. *argilla/argella*". Таким образом, независимо от того, будем ли мы придерживаться греческой или палеобалканской версии, субстратный статус рум. *argea* остается вне сомнения.

Рум. *balaur*, *bălaur* ~ алб. *bullar* ~ с.-хорв. *blāvōr* ~ (до)греч. Βέλλερος ~ фрак. Βόλουρος и пр.¹⁸

Рум. *baláur*, вар. *băláur* m. 'дракон, сказочное чудовище', 'жестокий человек', 'созвездие Дракона' (DLR I/1, 450–451), 'змея' (Олтения — GDolt 5), 'крупная неядовитая змея' (Мехединц — Coșuț-Vulpe 1973, 320).

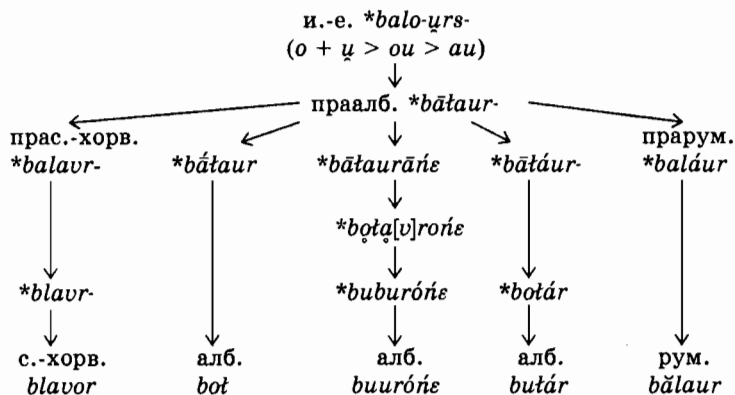
Алб. *bóllë* f. 'вид змеи, Callapetis Aesculapii', 'змея вообще' (Fjalor 42), 'толстая неядовитая змея полутораметровой длины с плоским животом; змея вообще' (Fjalor 1980, 163), *bullár* m. 'рептилия в виде змеи с вырожденными конечностями, Pseudopus apus' (Fjalor 51), 'неядовитая змея с толстым телом метровой длины, довольно вялая в движении, питающаяся улитками, мышами, птицами и пр.', 'толстый, апатичный мальчик или мужчина' (Fjalor 1980, 196).

С.-хорв. *blāvōr* 'змеевидная безногая ящерица из рода медяниц, длиной около 1 м, Ophisaurus apodus, питающаяся змеями, мышами и слизняками, в народе обычно ошибочно принимаемая за змею', вар. *бабор*, *бавор*, *балавор*, *блабор*, *блавур*, *блаор*, *блаخور*, *блор*, *брабор*, *балаур*, *блаворуша*, *блоруша*, *гавор*, *главор*, *главур* (Черногория, Герцеговина), 'вид морской рыбы' (Дубровник) (PCA I, 597), также *blāvōr* m. 'какая-то змея' (с XVI в.), *blāvūr* (RSHJ I, 427).

Близость приведенных лексем впервые была отмечена Г. Мейером (Meyer EWA, 41; до этого румынское и сербское слова сопоставил Сінас II, 7), согласно мнению которого рум. *balaur*

¹⁸ При написании настоящего раздела использовались материалы совместной работы: Калужская-Цымбурский 1991.

происходит из с.-хорв. *blavur*, а последнее — из албанского, где исходной формой было **bolvë*; само же алб. **bolvë* < лат. *bēlua*, *bēluca* 'зверь, чудовище', тогда как с.-хорв. *blavur* восходит к алб. **bolvurë* = лат. *bēlvula*. Хотя этимология Мейера вряд ли может быть признана (рум. *bălaur* предполагает с.-хорв. праформу **bъla(v)ur-*, а не **bolvur-*), тем не менее суть проблемы — наличие взаимосвязи между албанским, румынским и сербским словами — обозначена верно. Латинские истоки указанных лексем пытались найти и другие исследователи. Так, Н. Йокль (Jokl 1921, 228–233), отрицая связь с *bēlua*, возводил алб. *bollë* к лат. *boa*, *bova* 'водяная змея' (Hieronym.), предполагая для албанского развитие *boa*, *bova* > **bôya* > *bóllë* и одновременно выводя из лат. **boya* рум. *bală* 'чудовище'. Для формы *bullar*, основываясь на свидетельстве того же Иеронима о том, что *boa* пожирает детей, он предлагал прототип в виде сочетания **bola + vora* (< *vorāre* 'пожирать, проглатывать'), т. е. 'змея-пожирательница'. По мнению Йокля, из алб. аккузатива **bolā vorā* был образован ном. masc. **bolvor*, который дал серб. *blavor*, тогда как форма **bólavora* > **bólavără* > **bólaŭră* > **bolăŭra*, откуда алб. *bullar* и рум. *bălaur*. Данное построение, во многом носящее характер ad hoc, выглядит чрезвычайно искусственным. Не менее наивна и латинская этимология А. Филиппиде (Philippide 1928, 634 со ссылкой на более подробное изложение в ZrPh 1907, XXXI, 296–297), согласно которой *balaur* < *bēlua aura* 'дракон, летающий по воздуху'. Древнебалканский источник рассматриваемой группы лексем попытался реконструировать Х. Барич (Barić 1919, 3–5), представив их историю следующей схемой:

При этом первая часть сравнивалась им с др.-англ. *pōl*, др.-в.-н. *pfuol* 'лужа, болото', лит. *balà* 'болото, топь', а вторая возводилась к и.-е. **ǵor-s-* 'ползать', ср. нулевую ступень в алб. *rish* 'ползать', *rrëshajë* 'гадюка' (повторено в: Barić 1961, 23–24).

Попытки этимологических решений на корневом уровне предпринимались впоследствии неоднократно. Среди них можно упомянуть работу Вл. Георгиева (Georgiev 1965, 79), где рум. *bălaur* объяснено как субстратное слово < и.-е. *bola* (*bēla*) *udra* 'большая водяная змея' (к первой части ср. др.-инд. *bāla-m* 'сила, мощь', *bāla-* 'молодой, юный', слав. **bol'ъjъ* 'большой, лучший', сюда же дак. ЛИ *Balius*, Αρει-βολος, *Dece-balus*; ко второй — греч. ὕδρα 'водяная змея, гидра', др.-инд. *udrás* 'водяное животное' и пр.). Алб. *bollë* рассматривалось им как субстантивированное прилагательное 'большой', *bullar* < *bolar(ë)* < *bolaur(ë)*; с.-хорв. *blāvor*, *blāvur* < слав. *bŭla(v)urŭ* < рум. *bălaur*; с.-хорв. *blôr* < слав. **bŭlorŭ* < алб. гег. *bullar*, где *a* > *o*. И. И. Руссу (Russu 1970, 133–134) выводил рум. *bălaur* < **bel(ŋa)-vor-*, где **bel(ŋa)-* < и.-е. **bhel-* 'надуваться, вспухать; напаяться': греч. φάλλη 'кит', лат. *ballaena* 'то же' (заимствовано из какого-то палеобалканского языка — иллирийского, по Krahe 1955, 116), ср.-в.-н. *bullich* 'вид крупных рыб', н.-ирл. *balc* 'сильный, крепкий', валл. *balch*, др.-исл. *bolí* 'бык', швед. диал. *bal*, *bol* 'толстый; сильный', др.-исл. *ballr* 'страшный' и пр., а *-vor-* < **ǵer-* 'крутить, вертеть'. Не делая выводов относительно генезиса рум. *bălaur*, Г. Брынкуш (Brâncuș 1983, 33–34) считает, что алб. *bullar* заимствовано из зафиксированной им в аромынских селах на территории Албании формы *bular(u)*, развившейся из *bălaur* (*ă* > *u* по ассимиляции). На наш взгляд, траектория прямо противоположна: поскольку аром. *bular(u)* — локальная форма, встречающаяся только в Албании, логичнее предположить без фонетических натяжек, что ее источником является алб. *bullar*. Кроме того, Брынкуш делает малообоснованное допущение, что алб. *bollë* восходит к тому же источнику, что и рум. *bală* 'чудовище', традиционно и вполне резонно связываемому с лат. *bēllua* (Philippide 1928, 633; Meyer-Lübke REW, s. v.). Совершенно фантастична идея Б. Хашдеу (Hasdeu EMR III, 439–446), опирающегося на известное изображение дакийского знамени в виде летящего дракона на одном из рельефов Траяновой колонны и допускающего, что название государственного стяга императорского Рима (начиная с Константина I) *labarum* заимствовано у дакийцев, где оно обозначало царскую эмблему-дракона; фрако-дакийское название

отразилось, по его мнению, также в алб. *iuliber* (*vleber* 'вид змеи' — Hahn 1854, Wtb. 138). Таким образом, рум. *bălaur* < *băllaur*, трактуется им как 'flavus serpens', где *-laur* являет собой результат наложения местной дакийской и латинской форм.

Иное направление в трактовке рассматриваемых лексем было заложено К. Оштиром (Oštir 1923, 274, 298), прозорливо сопоставившим их, а также словен. *moláver* 'уж, полоз', с античным именем жертвы героя Беллерофонта — Βέλλερος и истолковавшим само имя Βελλεροφόντης как 'draconis accisor' (дальнейшее его рассуждение связано с поиском неи.-е. соответствий; ср. Николаев 1984, 30). Напомним, что и П. Кречмер считал **Bellero-* негреческим именем чудовища, в честь убийства которого назван умертвивший его герой (Kretschmer 1936, 237 f., ср. Kretschmer 1949, 92 f.). Сходного мнения, правда, без ссылок на предшественников и без новой аргументации, придерживались А. Чорэнеску (Ciorănescu 61–62), Дж. Бонфанте (Bonfante 1968, 97) и Ч. Погирк (Poghirc 1969, 328). К данной идее весьма сочувственно отнесся и Г. Зольта, заметив: "Es scheint, dass man hier einen Blick in den alten Balkanraum tun kann" (Solta 1980, 53).

Наиболее полное и аргументированное развитие означенная мысль получила в исследовании В. Л. Цымбурского (Цымбурский 1987) и в наших совместных публикациях (Калужская–Цымбурский 1988; Калужская–Цымбурский 1991; Калужская–Цымбурский 2001). В первой из упомянутых статей В. Л. Цымбурским была предпринята попытка реконструировать внутреннюю форму имени мифического противника греческого героя Беллерофонта Βέλλερος, сопоставив его не только с современными балканскими лексемами, но и с формально близкими древними топонимами Северных Балкан: фрак. Βέλλουρος — поселение в провинции Родопа выше Максимианополиса (Proc. ae. 4, 11, 7); связанное с ним византийское название фемы на западе Фракии Воλερόν; два населенных пункта, расположенных еще западнее, с одинаковыми названиями Βόλουρος (St. B. 175, 7) — один в области племени траллов в Южной Иллирии, второй — в Эпирской Феспротии, ЛИ с о. Фасос Βελλυρης (IG 12, 8, 279 aus Thasos, 3)¹⁹. Далее на основании глубинной мифо-языковой

¹⁹ Не исключено отнесение к тому же кругу и мужского ЛИ Βελλερίδης — слуги гота Саруса, жившего в V в. н. э. при Аларихе где-то во фрако-иллирийском пограничье (Pape-Benseler I, 204), а также имени антагониста Христа Βελιάρ· δράκων (Hes.), упоминаемого апостолом Павлом во Втором Послании к коринфянам (II Cor VI 15); подробнее см. Калужская–Цымбурский 2001.

реконструкции все эти слова были соотнесены с рядом и.-е. названий для камня, каменистой возвышенности: арм. *blur*, *bolur*, *bolor* 'округлый холм, tumulus', валл. *bâl* 'возвышенность, горная вершина', др.-исл. *bolllr* 'шар', *bali* (< **bholen-*) 'возвышенность на побережье или на равнине' (предложено уже в: Tomaschek II, 2, 61). Сюда же были отнесены, вопреки традиционному взгляду (Pokorny I, 120; Frisk II, 1000), греч. *φελλεύς*, *φελλός* 'каменистая местность' (Hes.), *Φελλεύς* — область в Аттике, *φελλίς γῆ* 'каменистая местность' (Poll.), *φελλός* 'пробковый дуб, *Quercus suber*', *φελλόδρυς* 'каменный дуб, *Quercus ilex*' и, наконец, *φέλλερα*: *Πετρῶδη καὶ αἰγίβωτα χωρία* 'каменистые места, козы пастбища' (Bekker 1814, 315), являющее собой полное формальное тождество вышеприведенным балканским топонимам. Вся эта совокупность была возведена к гетероклитической основе **bhel-no-*, **bhel-n-ero*/**bhln-uro-*, восстанавливаемой Покорным в связи с др.-в.-н. *bilorn* 'десна' (Pokorny I, 121), далее — к и.-е. **bhel-* 'раздуться, вспухать, выситься, расти' (Pokorny I, 120).

Для семантического обоснования указанного сближения В. Л. Цымбурский использовал серию взаимоподдерживающих косвенных аргументов, основанных на известной реконструкции индоевропейской мифологемы о поединке бога-героя (часто грозового бога) с хтоническим противником-змеем (Иванов-Топоров 1974; Гиндин 1977; к типологии ср.: Fontenrose 1959). Прежде всего, он обратил внимание на амбивалентное применение эпikleзы Βέλλερος не только к противнику и жертве Беллерофонта, но и к самому этому герою с явными чертами небесного бога-конника, истребителя чудовищ (Malten 1925, 121–160) в замечательных свидетельствах Гесихия и Евстафия: Βέλλερος: ὑπὸ Βελλεροφόντων κτανθεὶς ἢ ὁ Βελλεροφόντες 'убитый Беллерофонтом или Беллерофонт' (Hes.) и ἐν δὲ ῥητορικῷ λεξικῷ εἴρηται καὶ Βέλλερος λεγόμενος [о Беллерофонте] 'как сказано в риторическом лексиконе, называемый также Беллером' (Eusth. 632, 6). Эти сообщения побудили автора подозревать в исходной форме *βέλλερο- некий атрибут, общий для обеих борющихся сторон: разящего бога и сокрушаемого врага. Следующий импульс дало отраженное в коринфской версии мифа о Беллерофонте (Ard. II, 3, 1) имя персонажа, умерщвляемого этим героем и одновременно являющегося его родным братом: Πειρήν < **Peruān*, что сопоставимо с Πειρήνην < **Peruānā* — названием источника на вершине г. Акрокоринф, хетт. *peru*, *piṛwa* 'скала', *Pirwa* 'конный бог, почитаемый на скалах', др.-инд. *parvata* (< **peruṅto*) 'гора', слав. теоним **Perunъ* и т. д. (Гиндин 1979,

ср. Цымбурский 1984). Параллелизм имен Πειρήν ~ Βέλλερος, как относящихся к персонажам, играющим идентичную роль в мифологии Беллерофонта, дал основания соотнести последнее имя с греч. φέλλερα и пр.²⁰, а в ситуации двух противоборствующих Беллеров усмотреть отражение мотива “камень, скрывающий хтонического противника, раскалывается камнем небесного бога” (ср.: Иванов–Топоров 1974, 13 сл., 97 сл.)²¹.

Убедительное подкрепление своей реконструкции В. Цымбурский обнаружил в ирландской саге “О второй битве при Маг Туиред”, описывающей сражение между племенами богини Дану и демонами-фоморами, предводительствуемыми чудовищем Балором (*Balor*, вар. *Balur*, *Bolur*, *Bolor* — Stokes 1891), когда внук Балора бог Луг поражает своего деда ударом камня в глаз, причем, по одной из версий, отрубленная голова Балора водружается на каменный столб, который сразу же рассыпается на осколки (Rees–Rees 1961, 37). Знаменательно, что имя Балора находит отражение в кельтских названиях возвышенностей и курганов: такова реминисценция полного имени этого демона *Balor ui Neit* ‘Балор, внук Нета’ в ирландском МН *Carn ua Neit* ‘курган внука Нета’ и, особенно, др.-кельт. наименование мыса на юго-западе Британии Волэриу, Велэриу (Ptol. II, 3, 2) (O’Rahilly 1946, 59; ср.: Holder I, 374)²², соответствующее ряду приведенных выше северобалканских топонимов. В плане кельто-балканских переключек особо маркированной оказывается близость между поверьем о напоенном ядом, смертоносном глазе Балора, открывающемся лишь во время битвы и истребляющем все живое (Rees–Rees 1961, 33, 66), и албанским сказанием об огромном слепом змее Буларе (*Bullar*), прозревающим раз в году, в день Св. Георгия, и пожирающим в этот момент все на своем пути (Lambertz 1970, 467; ср.: Цивьян 1979, 203; Frasheri 1936, 36).

²⁰ Возможно, сюда же МН вблизи Коринфа Πελλερόϊς < *Βελλερίτις с адаптацией к πέλλα ‘скала’ (Kretschmer 1936, 190 f.; Will 1955, 150).

²¹ В дополнение к сказанному представляет определенный интерес сообщение Плутарха (“О женской доблести” 248с) о другом противнике Беллерофонта козе Химере, в котором явно прослеживаются весьма архаичные черты, а именно, что Химера была гора, расположенная на востоке, и летом от нее отражались солнечные лучи, приводя к возгоранию на равнине, а Беллерофонт, сообразив, в чем дело, разрубил гладкую поверхность скалы и исключил возможность преломления лучей.

²² Имя Валора, видимо, также отражено в МН *Bolarium* на территории Брабанта и в мужском ЛИ *Bälärus* из Лузитании (Holder I, 475, 335).

Основным выводом указанной работы (Цымбурский 1984) явилась мысль о возникновении рассмотренного комплекса где-то на севере Балкан и в соседних районах Юго-Восточной Европы, откуда этот миф мог с догреческими индоевропейскими племенами Балканского п-ова попасть к югу, на Истмийский перешеек, а с другой стороны, будучи заимствован протокельтскими этносами, был перенесен ими через всю Европу до берегов Атлантики. Данный тезис получил неожиданное подкрепление в материалах Рогозенского клада, найденного в 1985 г. в районе г. Враца на территории Болгарии. На сосуде № 162 этого клада представлено необычное изображение Беллерофонта, которому, помимо традиционной Химеры, противостоит еще один противник — лев-грифон со змеиной головой на хвосте и с поднимающейся над серединой спины человеческой головой (см. рис. 1, 2). В. Л. Цымбурским было выдвинуто предположение о сходстве этого уникального образа второго противника героя с предложенной реконструкцией генезиса мифа о Беллеронте, обнаруживающей в диахронии вытеснение изначального балканского противника — Беллера — аناлийской Химерой, с вероятным промежуточным этапом, когда оба поражаемых врага, балканский и малоазийский, могли существовать в рамках единого мифа (Цымбурский 1984, 197; о трактовке изображения на сосуде № 162 как мифа о Беллеронте см. также: Magazov 1986, 89–91).

Немаловажное значение для данной работы имеет анализ румынских народных представлений о балауре (*balaur, bălaur*), имя которого определенно связано с кругом рассмотренных мифологических имен и топонимов. Внешне образ балаура изобилует чертами, характерными для сказочных драконов. Обычно, особенно в стереотипных волшебных сказках, это гигантский многоголовый и крылатый змей, покрытый зеленой или золотой чешуей, летающий по воздуху, но обитающий, как правило, в воде, на дне озер и колодцев, реже — в лесах и на горах²³. Он запирает от людей источники и за их открытие требует человеческих жертв, питается человеческим мясом; балаур — неизменный противник сказочного героя (витязя или Фэт-Фрумуса)²⁴. Однако наряду с перечисленными тради-

²³ Последнее отмечено И. Мушлей: "Balaurii trăiesc la orice dealuri crunte, unde nu împlă nimică, nici pasărilor" (Muşlea 1932, 223).

²⁴ Candrea-Adămescu, 115; DLR I/1, 450–451; Bîrlea 1976, 26; Muşlea-Bîrlea 1970, 185; Şăineanu 1979, 530; Vulcănescu 1985, 525; Sbiera 1971, 404–405; Ispirescu 1969, 168.

ционными чертами в преданиях и поверьях о балауре сквозь канонический образ проступают специфические реликтовые особенности, дающие ключ к более глубокой внутренней реконструкции образа.

Прежде всего, обращают на себя внимание рассказы о происхождении балаура, которое, по одной из версий, оказывается обусловленным проглатыванием змеей камня. В определенное время года, обыкновенно весной, собирается множество змей и начинают бороться между собой. При этом они выделяют пену (*bale*²⁵), на которую принимаются дуть и дуют до тех пор, пока на ее поверхности не образуется камень (это действие называется *a fierbe piatră* 'варить камень'), чаще всего драгоценный и обладающий волшебной силой: защита от болезней и других напастей, утоление голода и жажды. Одна из змей, самая сильная, ловкая и смелая, проглатывает камень²⁶, увеличивается в размерах и, обретя крылья, улетает по воздуху за тучи (Bîrlea 1976, 23; Muşlea-Bîrlea 1970, 186; Şăineanu 1979, 531; Sbiera 1971, 404–405; DLR I/1, 450). Связь балаура с камнем прослеживается также и в некоторых других сюжетах и поверьях: например, его можно вызвать из озера, бросив туда камень (Bîrlea 1976, 24). По многочисленным свидетельствам, балаур является повелителем облаков и метателем молний, переносчиком ливня и града (Bîrlea 1976, 24–25; Sbiera 1971, 401), летящим впереди грозовых туч, ворочая и гремя булыжники и камни (Muşlea-Bîrlea 1970, 186). Весьма примечательным представляется то обстоятельство, что несмотря на преимущественно водную стихию обитания балаура, его имя в топонимике, как правило, связывается с названиями холмов и возвышенностей: таковы холм *Bălaur* в Тутове, горы и холм *Bălaur* в Бузэу, *Măgură Balaurului* (Телеорман), *Muchia Balaurului*, *Balaurul mic* или *Bălaurelui* (Бечень), *Drumul Balaurului* в горах Мехединц (Hasdeu EMR III, 446; Iordan 1952, 205; Iordan 1963, 245; Vulcănescu 1985, 446).

²⁵ С этим словом народная этимология связывает и само название *balaur* 'выделяющий слюну' (Şăineanu 1979, 530, п. 27).

²⁶ Ср. обратное действие в эпизоде албанской сказки "Guri i Gjarpnit" ("Камень змеи"), где змея в благодарность за свое спасение из огня вынимает из-под языка камень и дает его спасителю с обещанием, что этот камень принесет ему силу и богатство (Folklor Shqiptar 1966, 216).

Рис. 1

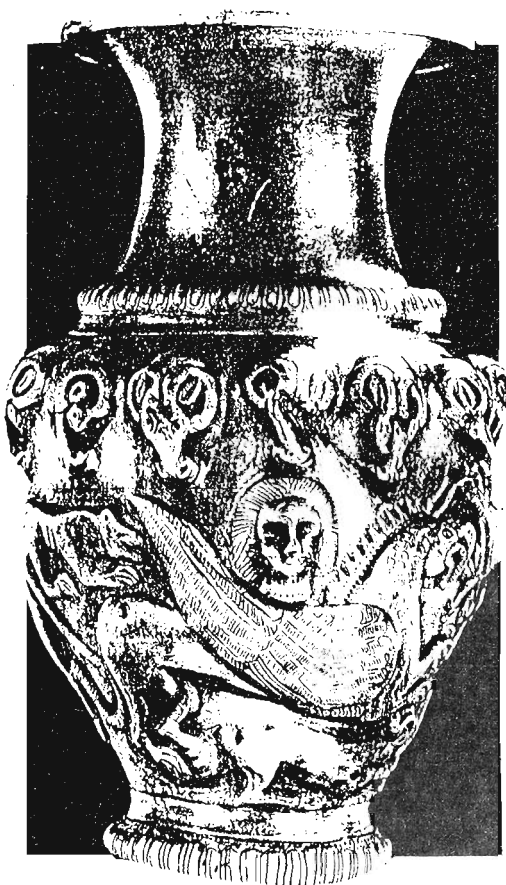

Рис. 2

Согласно альтернативной версии происхождения балаура, в него превращается змея, которая в течение 7, 9 или 15 лет никого не видела и которую не видел ни человек, ни зверь, не достигал солнечный свет. По истечении названного срока такая змея бросается в горное озеро и становится балауром (Muşlea-Bîrlea 1970, 186; Vulcănescu 1985, 525). В этой версии привлекает внимание мотив как бы “временной слепоты” (змея, не видящая и не видимая), роднящий румынского балаура с албанским буларом, прозревающим раз в году, и кельтским Балором, открывающим свой глаз только во время битвы. Обе версии рождения балаура довольно часто контаминируются: проглотившая камень змея уходит под землю на 7 и более лет, после чего, обернувшись балауром, начинает светиться как солнце (Bîrlea 1976, 23).

В то же самое время румынский материал дает основание с большей осмотрительностью отнестись к слишком прямолинейному использованию змееборческой схемы в реконструкции древнейших черт балаура и усомниться в изначальности змеиной природы его древнебалканского прообраза. Существуют данные, свидетельствующие о том, что балаур мог мыслиться не только как переродившаяся змея, но и как человек с трансформированной природой, в чем-то близкой оборотням, столь популярным в балканской низовой традиции. Так, в некоторых областях о балауре говорят как о человеке, которому от рождения предназначено существование в облике змеи, и если за 7 лет он не достигнет мощи балаура, то так и останется обычным человеком (Bîrlea 1976, 23). Особого внимания заслуживает изредка встречающееся изображение балаура в виде сильного человека, нищего или крестьянина, носящего за спиной било и два соединенных веревкой камня²⁷ (Muşlea-Bîrlea 1970, 187), а также описание его облика в виде человека с хвостом и головой крокодила, получеловека-полузмеи (Bîrlea 1976, 23). Однако чаще представление о “квазичеловеческой” природе балаура выражается в устойчивом присутствии рядом с ним весьма оригинального персонажа, называемого *şolomnari* ‘колдун, волшебник’. Это хозяин и наставник балаура, сопровождающий его в полете на грозовую тучу, человек невероятной физической силы, странствующий, подобно самому балауру, в виде нищего в грязной и рваной одежде. В своей

²⁷ Относительно роли двух камней при высечении молнии см.: Иванов-Топоров 1974, 150, 339.

сумке он носит било с двумя камнями (ср. выше) и узду из лыка, которую накидывает на балаура, заставляя его подчиниться. Всё перечисленное, а также ряд других черт шоломонара: его семилетнее пребывание под землей, обитание в лесах и пещерах, поедание человеческого мяса (Birlea 1976, 25), — наводят на мысль о том, что это скорее всего не противник, а антропоморфный двойник самого балаура. Небезынтересно отметить, что особой силой против шоломонара обладают камни (Birlea 1976, 25).

В свете сказанного представляет интерес отношение балаура к другому персонажу румынского фольклора — *змеи*, славянскому по происхождению (Mihăilă 1960, 149). В румынской традиции, как и в исходной южнославянской, *змеи* наделен человеческой внешностью и такими атрибутами, как дом, семья, человеческая речь²⁸, в то время как балаур обычно играет роль промежуточной стадии в процессе метаморфозы обычной змеи в антропоморфного *змеи*: у змеи, которую никто не видел в течение 7 лет, отпадает хвост, вырастают ноги, она высасывает молоко у целой коровы и становится балауром, а спустя еще 7 лет превращается в *змеи*²⁹. Иногда балаура смешивают со змеями и *змеи* (Birlea 1976, 26).

Исходя из вышеизложенного, представляется, что палеобалканский прототип балаура следует, скорее всего, реконструировать в качестве хтонического “каменно-горного” чудовища-великана, напоминающего не только известных великанов европейских сказок, но отчасти и хеттско-хурритского “каменного убийцу” Улликумми-Кункунуцци, слепого гиганта, аналогично балауру растущего под землей и, в конце концов, поражаемого богом грозы Тешубом (Иванов 1977, 125–140; Güterbock 1951, 4). Надо также признать, что конкретные зоо- и тератоморфные воплощения балаура, взятые вместе, подкрепляют сближение его с изображением загадочного второго противника “фракийского” Беллерофонта на упоминавшемся сосуде № 162 из Рогозенского клада, ибо из четырех существ,

²⁸ Şăineanu 1979, 530, 532; Sbiera 1971, 402–403; Birlea 1976, 458, ср. Маринов 1984; обширный материал о болг. *змеи* с богатой литературой собран в: Георгиева 1983, 80–81, 84; о серб. *змајеве-људе* в Восточной Сербии см.: Кулишић 1970, 142–143.

²⁹ Birlea 1976, 26; ср. мотив превращения змеи в змея, условием которого является “невидение” змеи людьми в течение определенного срока (Георгиева 1983, 79), а также сведение о том, что змеем становится 40-летний смок, после того как высосет корову (Маринов 1984, 146).

слитых в этой фигуре, — льва, человека, хищной птицы и змеи — черты трех последних встречаются у балаура, то раздельно, то соединяясь в причудливых комбинациях: крылатая змея, получеловек-полузмея, змей-балаур, несущий на себе человеческое существо (шоломонара). В свете румынских данных допустимо также иное объяснение парадоксального приложения эпиклезы Βέλλεροϝ и к небесному коннику Беллерофонту, и к его жертве: за этим тождеством может скрываться не просто общность орудия-атрибута сражающихся сторон, но и распределение между Беллерофонтом и его антагонистом (в коринфской версии — родным братом) различных ролей одного и того же персонажа палеобалканских поверий (“Пра-Беллера”), сочетавшего их в себе, подобно румынскому балауру. В данном случае можно думать о вторичном наложении позднейшей змееборческой схемы на материал значительно более синкретичной древнебалканской мифологии, влекущем за собой расчленение и перекомпоновку этого материала³⁰: “Пра-Беллер” распадается на разящего Беллерофонта и умерщвляемого им Беллера. Примечателен в этом смысле конфликт вышеупомянутого албанского Булара со св. Георгием: змееборец не убивает Булара, но ограничивает его власть на земле исключительно днем, посвященном этому святому (Lambertz 1970, 467; Frasherî 1936, 37). День почитания св. Георгия становится, таким образом, днем полновластия Булара-пожирателя (ср. ситуацию с двумя Беллерами).

Проделанный культурно-исторический и мифологический экскурс позволяет в новом свете взглянуть на соотношение древних (догреч. Βέλλεροϝ, фрак. Βέλλουροϝ, Βελλυρηϝ, Βόλουροϝ, Βολερόν) и современных (рум. *balaur*, *bălaur*, алб. *bullar*, *bollë*) балканских форм, а также связанных с ними южнославянских: с.-хорв. *blāvōr*, сюда же словен. *blāvor* ‘чудесная змея с алмазной короной’ (Засавье), *babor* (Истрия), *mlāvor* (Крас) (Bezljaj 1976, 25); с.-хорв. *mulāvār* ‘то же, что блавор’ (РСА 13, 268), *mulavar* ‘некий ужасный змей, о котором рассказывают люди в Новом (Винодол)’ (RHSJ VII, 147), ЛИ *Mlāvār*

³⁰ Ср. в этой связи рассуждение Т. В. Цивьян о первоначальном отсутствии оппозиции добра и зла и, соответственно, нейтрализации на этой стадии различий между Громовержцем и Змеем, когда последний трактовался как дублер Громовержца, и вытекающей отсюда легкости обмена атрибутами между Громовержцем и Змеем (Цивьян 1977, 192); о реконструкции более древнего прототипа мифа, где Змей является основным героем или одним из двух героев, см.: Иванов-Топоров 1974, 154; ср. Кёйпер 1986, 106 и сл. о природе Вишну.

(РСА 12, 676), словен. *moláver* 'змеиная болезнь, возникающая, если убитому гаду не отрезать голову' (Bezljaj 1976, 25).

В свое время, сравнивая с.-хорв. *blävōr*, алб. *bullar* и рум. *bălaur*, П. Скок (Skok 1930, 512 f.) реконструировал для *blävōr* прототип **bzlaurz* < **bolauro*- с последующим падением безударного *z* и возникновением *v* в хиатусе. Формы с начальным *m*- должны, по его мнению, продолжать прототип **mólauro*- с характерным для фракийского переходом *b* > *m*; названные **bolauro*- и **molauro*- возводились им к более древним **bolouro*- и **molouro*- на основании наличия перехода *o* > *a* в иллирийском и фракийском. В самом с.-хорв. *blävōr* Скок видел "редкий дославянский реликт на Балканах, родственный румынскому и албанскому" (Skok I, 169–170). Следуя за построением Скока, М. Дуранте (Durante 1950, 270–271) подтвердил его реконструкцию засвидетельствованными в "Териаках" Никандра названиями вида змей *μόλουρος* (Nic. Ther. 491) и *μολουρίς* (416), согласно схолиям и словарю Суды, *ἀκρίς, σίλφη* 'саранча, червь', 'маленькая лягушка'. Последнее слово, по его мнению, сохранилось в калабрийском диалекте Италии в виде *mujiurija* 'salamandra acquatica', *monarida* 'serpentello', попав туда через итало-греческие диалекты из мессапского. Обосновав тем самым древность варианта с *m*-, Дуранте обратил внимание на упомянутое название поселения траллов Βόλουρος, увидев в нем дублет того же слова с начальным *b* и возведя, вслед за Скоком, эти формы к **bolouro*-, **molouro*³¹. Отмечая удивительную прозорливость Дуранте, нельзя не указать на ряд трудностей его и Скока интерпретации, связанных с тем, что переход *o* > *a* resp. *ou* > *au* во фракийских и иллирийских диалектах должен был произойти еще в доисторическое время, между тем как сохранение более архаичного состояния в более поздних фиксациях Βόλουρος, μόλουρος выглядит абсолютно немотивированным. Скорее всего здесь, как и во множестве других примеров, *ou* отражает обычное *u*. При объяснении фонетического облика промежуточных форм **bolauro*-/ **molauro*- представляется также бесперспективной апелляция Скока и Зольты (Skok I, 170; Solta 1980, 54–55) к иллирийскому суффиксу *-aurus*, сохранившемуся в ЛИ *Arthetaurus*, *Masaurus* и Γάλαυρος, а также в имени божества *Medaurus* и в гидронимах и соответству-

³¹ В контекстемены *b*-/ *m*- ср. оригинальную трактовку П. Кречмером имени, засвидетельствованного в надписи из Пренесты: *Melerpanta* = Βελλεροφόντες (Kretschmer 1936, 238, Anm. 1).

ющих им названиях укреплений на территории Умбрии *Metaurus* и *Pisaurus* (Krahe 1929, 10, 52, 72, 147; Krahe 1925, 92, 96, 107), поскольку неясно, почему фракийское по своему статусу образование (см. ниже) было оформлено иллирийским суффиксом. Следует заметить также, что указанный сегмент может трактоваться и как однозначный, ср. др.-исл. *aurr* 'вода', греч. ἄν-αυρος 'безводный'; в этом случае приведенное иллир. *Metaurus* позволительно толковать, наряду с *Met-apa* и *Metubarbis*, как 'междуречье' (Krahe 1925, 92, ср. Mayer II, 232).

В начале 80-х годов В.Э. Орел предпринял новую попытку объяснить с.-хорв. *блăвѡр*, алб. *bullar* и рум. *bălaur* (Орел 1981). Отвергнув идею северобалканского субстрата в сербско-хорватском языке, он интерпретировал с.-хорв. *блăвѡр* как заимствование из рум. *bălaur* (при этом рум. *ă* > слав. ѣ), которое, в свою очередь, отражает албано-"южнобалканский" прототип **bēllaur* < и.-е. **b(h)ēl-laur* с гипотетическим значением 'белый камень', реконструируемый автором на основе апелляции к тому же змееборческому мифу. Подобная постановка вопроса, а именно попытка связать название чудовища с названием для камня, безусловно, заслуживает внимания. Однако не могут не вызвать настороженности некоторые фонетические и семантические обоснования предложенной этимологии. В фонетическом плане указанная гипотеза не учитывает форм с начальным *m-* (*мулăвѡр* и пр.), которые определенно не могут быть румынскими заимствованиями, равно как и сербско-хорватскими диалектными вариантами. Кроме того, включая в тот же ряд догреч. Вѣллерос, автор вынужден отнести к догомеровским временам наблюдаемое в албанском упрощение *au* > *a*, тогда как на самом деле оно датируется эпохой после албано-латинских контактов (ср. лат. *aurum* 'золото' > алб. *ar*). Наконец, вызывает возражения предложенная В.Э. Орлом интерпретация нестандартного соотношения рум. *-l-* ~ алб. *-ll-* в интервокальной позиции на фоне регулярного соответствия рум. *-r-* ~ алб. *-ll-* (ср. рум. *viezure* ~ алб. *vjedhull* и под.); ссылка на диссимиляцию *r-r* > *r-l* выглядит искусственной из-за отсутствия аналогичных примеров. Рум. *-l-* может отражать только *-ll-* (ср. лат. *caballum* > рум. *cal*), а алб. *-ll-* восходит к простому интервокальному *-l-*, либо к сочетаниям *lw*, *ln*, *ls*, но не к **-ll-*³². В этом свете вывод автора о том, что алб. *-ll-* восхо-

³² Утверждение В.Э. Орла (Орел 1981, 73), что "обычная точка зрения", согласно которой албанское *ll* может отражать *l*, "не верна и не подтверждает-

дит к удвоенному *ll, сделанный на основании сравнения алб. *bullar* с **Beller*- (Орел 1981₁, 74), противоречит фактам албанской исторической фонетики. С точки зрения семантики данное построение также не вполне удовлетворительно. В албанском и сербскохорватском языках явно доминирует конкретное зоонимическое употребление соответствующих лексем, хотя отмечены и следы мифологизации денотата, ср. албанскую сказку о Буларе, представление о нем как о злом сказочном существе (Çabej SGj IV, 19) или сербское поверье о волшебном змее блаворе, живущем в Скадарском озере, как раз на границе с Албанией (Кулишић 1970, 145, s. v. *змија*). В то же время рум. *bălaur* имеет почти исключительно мифологическую семантику³³. Следуя траектории, намеченной В. Э. Орлом (раннеалб. > рум. > с.-хорв.), пришлось бы предположить, что раннеалбанское обозначение рептилии, попав в румынский, превратилось в название крылатого, частично антропоморфного существа и лишь затем, будучи вторично перенято из румынского в сербскохорватский, вновь стало наименованием полоза.

Со своей стороны, мы бы остереглись при реконструкции древнебалканской праформы или группы праформ слишком полагаться на звуковой облик рум. *balaur/bălaur*³⁴. За ним, по-видимому, действительно скрывается, как это верно подметил В. Э. Орел, общерум. **bellaur*, которое явно испытало аналогическое воздействие со стороны нар.-лат. **bēlla* (< *bēl[ɫ]ua* 'зверь, чудовище'), отразившегося в рум. *bală* 'чудовище' (Meуer-Lübke REW, 1026; Philippide 1928, 633; Tiktin I, s. v.; иные, менее достоверные этимологии см.: Ciorănescu 60), где *a* первого слога из *ē* под влиянием *a* второго слога, ср. рум. *vară* 'лето' < лат. *vēra*, но *măr* 'яблоко' < лат. *mēlum* (Сергиевский 1952, 231–232)³⁵. Оформление конца слова (-*aur*) вероят-

ся никакими свидетельствами", не вполне понятно, поскольку этой проблеме посвящена специальная работа Х. Педерсена (Pedersen 1894), где на достоверном материале убедительно доказывается обратное.

³³ Вопреки декларации В. Орла, что его трактовка подтверждается "полным совпадением обозначаемых реалий" (с. 72).

³⁴ Заметим при этом, что форма *bălaur* выглядит более архаичной на основании данных как внешнего сравнения (фракийские формы с *e*), так и по данным старорумынской письменности, ср. древнейшую фиксацию Бълѡѡр (1517 г. — Mihăilă 1974, 74).

³⁵ Здесь уместно напомнить об ошибочности возведения к тому же лат. *bēl[ɫ]ua* и алб. *bollë* 'вид змеи', 'змея вообще' (Орел 1981₁, 74 вслед за: Meуer EWA, 41), аргументацию см. выше. На наш взгляд, алб. *bollë* 'змея' не следует

нее всего объясняется взаимным притяжением др.-балк. **bel-eros*/**belluros* и нар.-лат. **bēlla*, приведшим к возникновению квазиродственной пары **bella* : **bella-uros*, отраженной в рум. *bală* : *bălaur*. Свою роль в оформлении исхода слова могла сыграть и традиционная народно-поэтическая рифмовка *aur* — *bălaur*, по золотому цвету чешуи³⁶. Таким образом, если румынская фольклорная традиция о балауре сохранила древнейший пласт балканской мифологии, то сама по себе лексема *bălaur*, особенно в отношении своего вокализма, представляет, видимо, довольно позднее, переоформленное образование, не имеющее решающего значения для формальной реконструкции. Из сказанного следует, что базовыми для дальнейшего рассмотрения и сопоставления оказываются алб. *bullar*, с.-хорв. *блăвѡр* и *мулăвѡр*, а также приведенные выше древнебалканские формы: (до)греч. Βέλλερος, фрак. Βέλλουρος, Βελλυρης, Βόλου

отделять от *bol(ŋe* 'testiculi' (кстати, у Leotti 52 они трактуются как одна лексема) < **bhēl-n-* (ср. греч. φάλλος 'penis', лат. *follis* 'кожаный пузырь' и пр. — Pokorny I, 120; подробнее о *bol(ŋe* см.: Orel 1987, 67–68). Сюда же следует отнести алб. *bullare* 'толстая, вялая девушка или женщина' (Fjalor 1980, 197), *bullafiq* 'толстый, с надутыми щеками' (Fjalor 1980, 196; DSh IV, 366 — Эльбасан, Влѣра), *bulledër* 'большой гриб в форме лошадиного копыта, растущий на стволе дерева и используемый для изготовления трута', 'рослая, полная женщина' (Fjalor 1980, 51; DSh IV, 366 — Шпати), *bullungë* 'опухоль от удара на голове или теле животного или человека' (Fjalor 51; Dh IV, 366 — Шпати, Эльбасан), *bullminë* 'толстая некрасивая женщина' (DSh IV, 366 — Эльбасан), *bullshutër* 'репейник' (DSh IV, 366 — Косово), *bolloboçkë* 'крупный, полный' (DSh IV, 360 — р-н Корчи) — в конечном счете, все к тому же и.е. **bhel-* 'распухать, расти'. В последнее время В. Л. Цымбурским высказано предположение, основывающееся на старой и незаслуженно забытой этимологии И. Шмидта (Schmidt 1875, 229, 347), сопоставившего лат. *bēllua* с греч. φάλλη 'кит', о том, что лат. *bēllua* и алб. *bollë* являют собой впечатляющий пример албаноязычной изоглоссы. Со стороны семантики данное сближение оправдано преимущественно отнесением *bēllua* к крупным животным или чудовищным существам, см. рубрики в ThLL III, 1860–1861 (s. v. *bēllua*): *spectatim de bestiis immunibus vastisque; crocodilus, serpens, draco; monstra varia; lupus, aper, sarpe de aquatibus; κῆτος*. В плане фонетики деаспирация **bh-* объясняется выравниванием с близким по смыслу **bel-* 'мощный, большой': др.-инд. *bala-* 'сила', греч. βέλτρος 'наилучший', слав. **bolyъ*, лат. *dē-bilis* 'слабый' (Pokorny I, 91); при этом и в самой латыни наличествует переключка между *dē-bilis* < **dē-belis* 'бес-сильный' и *bēllua* 'сильный, большой зверь'. Достоверность сближению лат. *bēllua* (> рум. *bală*) < и.е. **b(h)ēl(n)-uā* и алб. *bollë* < **bhēl-nā* или **bhē(n)-uā* придает идентичность огласовки в ступени *v̥ddhi*. Иную трактовку *bēllua* < **dhues-* 'дыхание' см.: Walde–Hofmann 102.

³⁶ Ср.: *Și un șerpe mare balaur / Maică, Cu capul de aur ... Șearpe balaur / Cu coadă de aur ... Al unui spurcat balaur / Șearpe cu coarne de aur ... Fă-te laur balaur / Cu solzii de aur ...* в румынских балладах (Hasdeu EMR III, 438).

ρος, Волерόν вместе с ρόλουρος³⁷ у Никандра. Сразу оговоримся, что кажущиеся отношения словопроизводности между *bollë* и *bullar*³⁸ являются не более чем результатом вторичного сближения. Сегмент *-ar* в *bullar* не может трактоваться как тождественный албанскому суффиксу *-ar* < лат. *-arius*, обладающему исключительно агентивной семантикой (Воронина-Грошева 1987, 202–232).

На наш взгляд, имеются серьезные как формальные, так и семантические основания настаивать на восточнобалканском происхождении данного гнезда лексем. Чередование *b/m* очень хорошо документировано для фракийского региона, ср.: теоним Βενδῖς ~ Μενδῖς < **bhendh-* 'соединять, связывать', ΜΗ Βάστερα ~ Μάστερα, 'Αβυδών ~ 'Αμυδών, Δόβηρος ~ *Domeros*, ΓΗ Μάργος ~ Βάργος (совр. Моравя), Τιβίσκος ~ Τιμήσις (совр. Тимиш) и т. п. (Дечев 1952, 23; специально: Poghirc 1963), однако оно совершенно нехарактерно для западных, иллирийских областей, что и заставляет думать о первоначальном возникновении пары **boluros*/**moluros*, рефлексy которой представлены на территории современной Югославии, гораздо восточнее — где-то во фракийском регионе. Данная гипотеза вполне подтверждается, если мы обратим внимание на конкретное географическое распределение древних родственных имен во Фракии. Они появляются в областях, охватывающих Халкидику (Волерόν³⁹, Βελύρης на Фасосе) и Родопы (ΜΗ Βόλουρος), т. е. западную периферию фракийского мира, граничащую с Македонией, Пеонией и Дарданием. Показательно, что и Рогозенский клад с вероятным изображением "Пра-Беллера" найден в северо-восточной

³⁷ В свете сказанного выше относительно продолжений и.-е. **bhel-* (греч. φαλλός, алб. *bol[l]e* и пр.), а также мены *b-/m-*, характерной для восточнобалканского ареала, может получить новую интерпретацию засвидетельствованная Гесихием форма ρόλουρις αἰδοῖον, которую мы предлагаем рассматривать как восточнобалканский (фракийский) рефлекс того же корня, а толкование ρόλις οὐρῶν 'с трудом мочающийся', данное автором словаря, — как относительно позднее народно-этимологическое переосмысление.

³⁸ Подобное мнение высказано, например, в: Çabej SGj III, 205; Çabej SGj IV, 278, где *bollë* < лат. гапакса *bolea* 'Salamandra' (Walde-Hofmann I, 110), ср.: Çabej 1976₁, 283–285, где в качестве формы, наиболее близкой к рум. и с.-хорв., приводится алб. диал. *blaurojë* 'большая змея желтого цвета'; однако последнее, на наш взгляд, следует однозначно расценивать как заимствование из сербскохорватского с албанским суффиксальным оформлением.

³⁹ См. фундаментальное исследование о феме Волерόν, локализирующее ее в западной части Фракии, в районе между границей Македонии и Стримоном (Κυριακίδου 1939).

части Верхней Мёзии, между Дарданией и Дакией (сейчас это область, где сходятся территории Болгарии, Югославии и Румынии). По-видимому, первоначально традиция о “Пра-Беллере” могла бытовать в иллиро-фракийском пограничье от Халкидики до Верхней Мёзии, откуда соответствующие представления и выражающие их слова могли быть в различное время занесены на юго-запад — в Иллирию и Эпир, через Паннонию — к кельтам, а через Эгейскую Фракию и Македонию с какой-то из волн мигрантов — и в греческие области Балканского п-ова. Приведенные соображения прямо подтверждаются тем обстоятельством, что ΜΗ Βόλουρος обнаруживается в области расселения траллов, исконно фракийского племени, по свидетельствам античных авторов, передвинувшегося частично на запад — к берегам Ионийского моря (видимо, они же занесли этот топоним и в Феспротию), частично на восток — в Анатолию (Tomaschek I, 56–58). Добавим ко всему сказанному, что взаимное соотношение древнебалканских форм с чередованием простого и удвоенного *-l-*, находящееся в точном соответствии с изменением качества корневого гласного (*-ell-/-ol-*), надежнее всего объясняется как сугубо фракийская рефлексия продолжений **bhelnu/ero-* resp. **bh̥l̥nu/ero-* (ср. фрак. ΜΗ Κελλαί, *Syra-cella* и под. < и.-е. **g^welnā* ‘вода’: др.-инд. *jalá* ‘то же’, нем. *Quelle* ‘источник’ (Георгиев 1977, 83, 95), и — с другой стороны — фрак. βόλινθος ‘дикий бык’ < **bh̥l̥n-ent-*, ср. нем. *Bulle* (Георгиев 1977, 12). Заметим попутно, что рефлексы с *-ol-* тяготеют к западным областям, в то время как отражения с *-ell-* локализуются на востоке. Весьма знаменательными, учитывая все сказанное относительно как первоначальной географической приуроченности, так и “каменно-горной” семантики рассматриваемого гнезда лексем, являются такие топонимы с территории Греции, как Μολορίς (πέτρα), Μολούριον — скала в Мегарах, с которой Ино бросилась в море, а также ЛΙ Μόλουρος, вар. Μόλουρος — сын Арисбы (Pape-Benseler I, 941), вновь недвусмысленно отсылающие нас к фракийским областям.

Относительно плана содержания думается, что засвидетельствованная семантика албанского, сербскохорватского и словенского слов может быть объяснена как результат вырождения мифологических смыслов, в развернутом виде сохранившихся в консервативной румынской традиции. В этой связи интересно приглядеться к тому, какие именно виды рептилий обозначаются данными словами. Составитель схолий к Териакам Никандра по поводу слов ἀκοντία ἤδὲ μόλουροι указывает:

Ἄκοντία δ' οἱ κατὰ τὰ ἀκόντια διατρέχοντες. Ἄλλα δὲ ζῶα εἰσὶν οἱ ἀκόντια καλούμενοι διὰ τὸ ὀρμᾶν ὡσπερ τὰ ἀκόντια, ἐπὶ τοῦτοις δ' οἱ τυφλῶτες τουτέστιν οἱ καλούμενοι τυφλίνοι οἱ ὡς Ἀπολλόδωρος φησὶν ὄφεις εἰσὶν, οὔτοι δὲ πατοῦμενοι ἡρεμοῦσιν (Schol. ad Nic. 491) “Ἄκοντία — пробегающие словно копья. Но есть другие животные, называемые ἀκόντια из-за того, что несутся словно копья, а здесь слепоглазые (τυφλῶτες), называемые слепунами (τυφλίνοι), каковые, как сообщает Аполлдор, являются змеями и они, питаясь, пребывают в состоянии покоя”. С приведенными сведениями следует сопоставить данные о ближайшем родстве с.-хорв. *blāvōr* ‘полоза-желтопузика, *Ophisaurus arus*’ с ящерицами-медяницами (и те, и другие входят в семейство панцирных веретениц — крупных змеевидных безногих ящериц — Жизнь животных 1969, 302), называемыми в народе *slēpūhu* (РСА 13, 268), ср. русск. *слепень* ‘медяница, небольшая змейка, вернее безногая ящерка, *Anguis fragilis*’ (Даль IV, 229), болг. *слепок*, *слепоок* ‘змея, *Anguis fragilis*; слепой смок; медяница’ (Геров 5, 199), диал. *слепок* ‘змея, которая видела только в пятницу и субботу, *Anguis fragilis*’ (БД V, 238), укр. диал. *сл’іпак* ‘уж’ (При- и Закарпатье — Архив КДА), блр. *слепень* ‘род змеи, действующей как бы по обонянию’ (Носович 593). С перечисленными “слепыми” названиями на мифологическом уровне соотносятся временная слепота находящейся под землей змеи при превращении ее в балаура, слепота Булара из албанской сказки, а также важное сообщение Г. Брынкуша (Brincuş 1967, 493–494) о том, что в арумьских диалектах на территории Албании им обнаружено слово *bular(u)* (явное заимствование из албанского, вопреки мнению автора, см. выше), обозначающее ‘рыжих змей с закрытыми глазами, которые не видят’. В то же время оба вида пресмыкающихся, называемых в Албании словом *bullar*, а в Югославии *blāvōr* или *mulāvār*, обладают другой примечательной особенностью: они сохраняют рудименты задних конечностей в виде сосочков по краям анального отверстия (Жизнь животных 1969, 301). Если вспомнить, что, согласно румынским преданиям, метаморфоза змеи в балаура на начальной стадии выражается вырастанием у нее ног, а также свидетельство о том, что у балаура ноги спрятаны под кожей и начинают появляться, когда его кто-то одолевает или отрубает ему голову (Sbiera 1971, 404), то легко вычленить те имплицитно заложенные критерии, в соответствии с которыми к реальным рептилиям прилагались имена змееобразных чудовищ: по признаку слепоты и намечающих-

ся конечностей они могли соотноситься с образом змеи, готовящейся стать драконообразным существом. Данную гипотезу прямо подтверждает один мотив албанского фольклора, находящийся ближайшими аналогиями в румынских представлениях о возникновении балауров. Это рассказ о том, как невидимый людьми в течение 15 лет *bullar* через ступень *rrëshajë* (*rrshaje*, *errshaj*) 'гадюка' превращается в сказочного дракона *kuçedra* (Lambertz 1970, 467). Албанская цепочка *bullar* > *rrëshajë* > *kuçedra* изоморфна рум. *șarpe* > *bălaur* > *zmeu* (ср. показательное замечание Л. Шэйняну, что "в албанских сказках *bălaur* носит название *kuçedra*" — Şăineanu 1970, 532) с той разницей, что в первом случае начальное звено представлено не просто змеей, а буларом — существом, как бы своим внешним видом предназначенным для подобных превращений. Дополнительным примером "рептилизации" основного мифологического значения в периферийных областях могут служить сведения, что слово *bălaur* в Молдове применялось к какой-то "очень крупной желтой змее" или к "очень большой змее с желтой головой", а также представление о Бессарабии в древности как о "земле балауров, т. е. больших и опасных змей" (Hasdeu EMR III, 437–438), ср. и значение 'крупная неядовитая змея' в уезде Мехединц (Cohuț-Vulpe 1973, 320) и 'змея' в Олтении (GDolt 5).

Главной проблемой теперь остается непосредственное совмещение древнебалканской формы вида **boluro-* с более поздней **bolauro-*, реконструируемой в качестве прообраза сербско-хорватской и албанской лексем. Мы не видим иной возможности преодолеть фонетические трудности, кроме как прибегнув к гипотезе о языке-посреднике, стоящем между древними диалектами западных Балкан и современными языками, характерной чертой которого должен быть своеобразный фонетический переход *u* > *au*. И мы действительно обнаруживаем на этой территории язык, удовлетворяющий данным географическим и лингвистическим условиям. Это бытовавший на Адриатическом побережье и островах далматинский язык, наследник западнобалканской народной латыни, наслоившейся на местные иллирийские диалекты (о территории его распространения по данным топонимики см.: Skok 1950). В нем лат. *ŷ* и *ō* в открытых слогах устойчиво отражаются как дифтонг *au*: далм. *kraučk* 'крест' < лат. *crŷce(m)*, далм. *paučk* 'орех' < лат. *pŷce(m)*, далм. *gaŷla* 'глотка' < лат. *gŷla*, далм. *nepaučt* 'плетень' < лат. *nepōte(m)* и пр. (Bartoli 1906, 334; Tagliavini

1952, 327). Совершенно очевидно, что в таком языке, как далматинский, форма типа Βόλουρος закономерно должна была дать **bolaurō-*, правильными продолжениями которого, в свою очередь, являются, соответственно, алб. *bullar* и с.-хорв. *blāvōr* < **bzlavorъ* (безударное *o*, возможно, суженное уже в далматинском, отразилось как слав. *ъ*). К сожалению, полное отсутствие сведений по истории далматинского ударения позволяет нам только предполагать, что сдвиг акцента с третьего от конца слога на второй произошел также в далматинской языковой среде (Bartoli 1906, 327). С.-хорв. *mulāvār* и словен. *molá-*ver** должны представлять рефлексы древнего **moláuro-* с сохранением места ударения (по крайней мере, на момент заимствования), на что указывал еще П. Скок (Skok 1930, 512; ср. Skok I, 169).

Нарисованная картина, несмотря на всю ее сложность, а в отдельных фрагментах и известную гипотетичность, дает, тем не менее, возможность внутренне непротиворечивого соположения и объяснения древних и современных балканских форм, а также фактов из территориально сопредельных регионов. Как было продемонстрировано, албанская, румынская и южнославянская лексемы, восходящие на самом глубоком уровне к единому источнику-прототипу, одновременно обладают совершенно индивидуальной и весьма прихотливой судьбой. Если в отношении румынского слова мы с большой долей уверенности можем говорить как о палеобалканском реликте, то албанский и южнославянский демонстрируют более сложную ситуацию, когда палеобалканский элемент опосредован западнобалкано-романской языковой средой. Последнее обстоятельство вполне укладывается в наше представление об албанском как о самостоятельном языке, близость которого с фракийскими и иллирийскими диалектами носила лишь ареальный характер.

Рум. *báltă* ~ алб. *baltë* ~ иллир. **balta* ~
фрак. *Di-baltum*, Δε-βελτός

Рум. *báltă* f. 'скопление стоячей воды, лужа, пруд'; 'стоячие воды, образуемые и питаемые разливами больших рек; болото (близ Дуная)', 'лужа, образовавшаяся после дождя; жидкость, разлитая по земле' (DLR I/1, 463-464); аром. *báltă* 'стоячая вода, лужа, пруд' (Papahagi 191); мегл. *baltă* 'тж' (Capidan 1935, 19); истр. *bâte* (Pușcariu 1926, 225).

Алб. *baltë* f. 'земля в поле или на дороге, размокшая от дождя и снега, грязь; земля, почва вообще; глина; лечебная грязь' (Fjalor 26; Fjalor 1980, 88).

В этимологической атрибуции приведенных лексем имеют место два направления. Первое интерпретирует их как дометатезные заимствования из праслав. **bolto* (наряду с *daltä*, *daltë* < **dol(b)to* и *gard*, *gardh* < **gordъ*), отражающие ранний этап развития праслав. **TorT*, **TolT* в позднепраславянских диалектах, легших в основу южнославянских языков (Miklosich 1861, 15; Cihac II, 8; Hasdeu EMR, 2401: рум. < слав., алб. < рум.; Tiktin I, 150; Treimer 1914, 392; Skok — Slavia III, 115; Weigand — BA IV, 26; Vaillant 1950, 161: "Le passage de sl. comm. **balta* 'marais' à v. sl. *blato* ... est postérieur à la venue des Slaves dans les Balkans, et les peuples voisins avaient emprunté le mot sous sa forme primitive, roumain *baltă*, alban. *baltë*, grec byzantin βάλτα"; Мельничук 1967, 52; Duridanov 1977, 691; Solta 1980, 97–99 и др.).

Другой путь представлен попытками доказать исконный древнебалканский характер румынской и албанской лексем. При этом обычно апеллируют к лат. *blatea*, *balatro* 'ком грязи' < иллир. **balta*, откуда также далм. *balta* (Brüch — Glotta 1917, VIII, 83–85; Krahe 1955, 116–117), к речному имени *Duria Bautica* < **Baltica* (Pokorny I, 119), к названию Балтийского моря *mare Balticum* (с IX в.), трактуя его как иллирийское (Bonfante — BSL 1935, XXXVI, 7–10), а также к многочисленным субстратным дороманским формам с глухим анлаутом, распространенным на обширной территории южной и юго-западной Европы: фриул. *palte* 'тина', ломб. *palta* 'грязь', беарн. *pauto*, зап.-альп. *paufa* 'тж' и пр. (исчерпывающий материал см.: Hubschmid 1954, 27; Hubschmid 1979, 345–348, где мена *b/p* объясняется влиянием семьи слов, родственных лат. *palūs* 'стоячая вода, болото', лит. *pālios* 'большое болото', лтш. *palas* 'болотистый берег моря' и под.). Слав. **bolto* resp. "иллир." **balta* находят ближайшие соответствия в др.-прусск. **balt-* 'болото', реконструируемом на основе топонимов *Namuynbalt* (вар. *Namoyumpelk*), *Peusebalt*, *Rythabalt* (Топоров ПЯ, А–D, 189–190), а также в лит. *báltas*, лтш. *balts* 'белый', названии озера *Baltina ezers* < и.-е. **bhel(ə)* 'блестящий, белый' (Pokorny I, 118–120). В означенном русле рассматривают алб. *baltë* и рум. *baltă* Berneker I, 70 (считая иллиризмом и слав. **bolto*), Rosetti 1978, 272; Poghirc 1969, 328; Russu 1970, 136–137; Mihăilă 1973, 65–66; ЭССЯ 2, 181–

182; Hubschmid 1979, 343–352; Топоров 1984, 16; Brâncuș 1983, 36–37.

Не выглядит удачной попытка связать с перечисленными формами фрак. МН *Di-baltum* у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. 31, 8, 9: *Barbari* — — — *oppidum petivere nomine Dibaltum*; локализовано в р-не Бургаса), трактуемое как ‘два болота’ (Oštir — Etnolog 1930, IV, 18; Георгиев 1958, 36; Mihăilă 1973, 65; Poghirc 1969, 328), поскольку вся совокупность приводимых Дечевым свидетельств: Δεβελτός, Δεουελτός, *Develton*, *Deultum*, Δουελτός (Detschew 122–123) — склоняет в пользу реконструкции прототипа **d(h)uel-*, ср. Tomaschek II, 2, 71: *deul-*, *devel-* < и.-е. **dh(e)uel-* ‘закрутиться, замутиться (о воде)’: греч. θολός ‘ил, тина, грязь, особенно в мутной воде’, θολώ ‘мутить’, θολерός ‘мутный, грязный’. В то же время к продолжениям и.-е. **bholto-* с большой вероятностью может быть отнесено фриг. Βελτη χωρίον Φρυγιακόν (Hes.) (Crevatin 1973, 207–214, за исключением отождествления последнего с фрак. Δεβελτός).

Резюмируя вышеизложенное в связи с проблемой генезиса алб. *baltë* и рум. *baltă*, следует констатировать, что “иллирийская” и — шире — “палеобалканская” версия покоится на косвенных и весьма расплывчатых в плане этноязыковой атрибуции данных, поэтому ее не следует принимать слишком прямолинейно. Не отрицая возможного исконного характера рассмотренных слов (особенно это касается албанского — Meyer EWA, 25; Çabej SGj I, 51–52; Çabej 1976₁ s. v.), заметим, что мысль об их славянском происхождении не может быть полностью отвергнута за недостатком решающих формальных и семантических аргументов. Часто приводимое рассуждение о том, что семантический сдвиг в балканских продолжениях лат. *palu-s*, *palu-dis* ‘болото’: рум. *pădure* ‘лес’, алб. *pyll* ‘тж’ — свидетельствует о наличии в румынском языке более древнего автохтонного названия для болота (Russu 1970, 137; Poghirc 1969, 328; Brâncuș 1983, 37), не может быть признано доказательным в силу того, что означенный процесс является достаточно универсальным, ср. некоторые рефлексy слав. **bolto*: н.-луж. *bloto* ‘грязь, болото, топь, сор’, ‘болотный лиственный лес’, русск. диал. *болото* ‘болото’, ‘лес’, блр. диал. *балота* ‘лес, чаще болотный’ (ЭССЯ 2, 180).

Рум. *bască* ~ алб. *bashkë* ~ фрак. βασσάρα ~
др.-макед. βάσκιον, βασκευτάι

Рум. *bască* f. 'овечья шерсть' (DLR I/1, 507) засвидетельствовано единожды в Psaltirea Scheiană (ed. I.-A. Candrea, Buc., 1916, II, 140): *Deștinge-va ca plo(ae)a spre bască // și ca picătură ce pică în pământu* (в Psaltirea Coresi в этом месте употреблено *lână* 'шерсть'); аром. *băscă* f. 'вся шерсть от одной овцы ..., будучи сострижена, образует *bască*, свернутое целое, тюк' (Parahagi 193); мегл. *bască di lona* 'клок шерсти' (Capidan 1935, 35), *bască* 'вся шерсть овцы, еще не остриженная' (Candrea — GS I, 35); молд. *баскэ* 'вся шерсть, состриженная с одной овцы' (Индекс молдавской части программы-вопросника ОКДА. — Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинев, 1976, 166).

Алб. *bashkë* f. 'вся шерсть, полученная при стрижке овцы; вся шерсть, покрывающая овечью шкуру, полученная при стрижке и еще не разобранная', *një bashkë lesh* 'клок шерсти' (Fjalor 30; Fjalor 1980, 110), диал. *backë* 'шерсть или лен, смотанные в тугой клубок', *backë leshi* 'клок шерсти' (FFShP 24). Слово засвидетельствовано уже у Богдани в Cuneus Prophetarum I, 68, 19: *Bashka e Gedeonit* 'Vellus Gedeonis' и 108, 15: *ka me zdripunë si shiu ndë bashkët* 'descendet sicut pluvia in vellus' (Çabej SGj I, 58; интересно, что последний пример является переводом той же фразы оригинала, что и в румынской Psaltirea Scheiana, где на этом месте употреблено *bască*).

Впервые лексемы сопоставлены Б. Хашдеу (Hasdeu EMR III, 2595) с привязкой их в духе корневой этимологии к и.-е. **va-s* (ср. лат. *vestis*) + суф. *-k-*. Данное сопоставление принято: Philippide 1928, 698; Pușcariu 1940, 178; Rosetti 1978, 272; Poghiric 1969, 336; Russu 1970, 138–139; Brâncuș 1983, 40–41.

Г. Мейер (Meyer EWA, 28) связал алб. *bashkë* и аром. *bască* с фракийским и названием одежды у жрецов Вакха: βασσάρα· χιτῶνες οὗς ἐφόρουν αἱ Θρακῆσαι Βάκχαι (Hes.); ἡ βασσάρα ὁ βολβὸς καὶ τὸ οἶδνον καὶ εἶδος αλώπεκος καὶ ἡ βάκχη (Schol. in Lycophr. 772); Βασσάρα· σημαίνει κυρίως τὴν Βάκχην· — — λέγεται βάσαρος ἡ αλώπηξ κατὰ Ἠρόδοτον ὑπὸ Κυρηναίων; Βασσαρίδες· αἱ Βάκχαι (Etym. M.) и лидийским свидетельством βασσάρα: Λυδῶν δὲ χιτῶν τις βασσάρα [βάσσαρα AS] Διονυσιακὸς ποδῆρης (Pollux 7, 59). При этом он, вслед за Лагардом, восстанавливал для фракийского праформу **barsara*, сравнивая с авест. *varəsa* 'волос', арм. *vars* 'то же', и присоединял сюда же алб. *bashkë* < **vars-kë*, что невозможно, поскольку авест. *varəsa* < и.-е. **uel-*, *uelə-* 'волосы, шерсть' (ср. др.-инд. *válsa-* 'росток, ветка', слав. **volъ* и пр. — Pokorny I, 1139).

Э. Чабей (Çabej SGj I, 58) предложил объяснение, исходя из предполагаемого им родства *bashkë* с алб. диал. *barukë* 'то же' на основании тождества выражений: *një bashkë lesh* 'клок шерсти' = *një barukë lesh*. Исходя из этого, он вычленил корневую часть **bar-* (т. е. *bashkë* < **bar-shkë* < **bhor-skā*), родственную греч. φάρσος 'кусочек, часть', др.-ирл. *berre* 'короткий', *berraim* 'стригу', др.-в.-н. *brestan* 'разбивать, ломать'.

На той же самой посылке, но с обращением к и.-е. корню **bhor-*, употребляемому для обозначения борова, основывается В. Э. Орел (Orel 1986₂, 171–172), помещая албанское слово в один круг с слав. **borvъ*, др.-в.-н. *barug*, *barh*, др.-исл. *borgr* 'боров', что вызывает некоторые сомнения, поскольку растительность на коже борова вряд ли может ассоциироваться с шерстью. Кроме того, авторы обоих вышеприведенных этимологических версий реконструируют **r* в корне, главным образом для того, чтобы объяснить факт сохранения в албанском сочетания *-sk-*, которое закономерно должно было отразиться как *-h-* (ср. алб. *njoh* 'знать' < **g'nēsk-*: греч. γι-γνώσκω, лат. *cōgnōsco*; алб. *ah* 'бук' < **oskā*: греч. ὄξύη, др.-исл. *askr* 'ясень' и пр.).

Принимая во внимание недвусмысленные свидетельства как албанских, так и румынских источников, легко видеть, что рассматриваемые лексемы употреблялись для обозначения шерсти не как самой субстанции, а, прежде всего, как формы, в которой она существует (клок, пласт, тюк). Исходя из этого, оптимальное, на наш взгляд, решение было предложено тем же Г. Мейером, в более поздней работе (Mejer 1894, 106), где он отождествил алб. *bashkë* 'клок шерсти' внутри албанского с формально тождественным гнездом слов: *bashkoj* 'соединять, связывать', *bashkë* adv. 'вместе', и далее с греч. φάσκωλος 'кожаный кошелек, сумка', лат. *fascia* 'повязка', *fascis* 'связка, пучок', ср.-ирл. *basc* 'шейная повязка' — все к и.-е. **bhasko-* 'Bund, Bündel' (Pokorny I, 111).

Важным для нас обстоятельством является то, что в эту же группу лексем закономерно включаются и засвидетельствованные у Гесихия формы, имеющие, по всей видимости, древнемакедонское происхождение: βάσκιοι· δεσμοί φρυγάνων 'связки хвоста' и βασκευταί· φασκίδες, ἀγκάλα 'охапки, вязанки' (Fick — BB 1905, XXIX, 199). Сюда же, возможно, относится начальный сегмент *basck-* в лид. *basckelkrolea*· πλησίον ἐξεθόαζε. Λυδίσι 'близко выгони, по-лидийски' (Hes.) при *κρολίαζε*· πλησίαζε θάττον 'подойди быстро' (Hes.), а также греч. φάσκος 'мох, свисающий с

дуба' (о последнем сравнении с некоторым сомнением: Frisk II, 996). Не следует исключать и возможную связь с такими фракийскими формами, как Βασκιδίθιας — эпikleза Зевса в надписи, найденной недалеко от Nicopolis ad Istrum, ЛИ *Vas-cilas*, а также названием крепости в районе Хэброса Βάσκων (Detschew 43–44).

Основным препятствием для предложенного сближения является, как уже отмечалось, незакономерная рефлексация *-sk-* в албанском. Представляется, что решение этой проблемы может быть найдено, если предположить не исконный, а заимствованный характер албанской лексемы. При этом, в соответствии с нашей гипотезой об адстратном характере древнеалбанско-палеобалканских отношений (см. Введение) и учитывая фиксацию явно близких лексем в древнемакедонском и фракийском, представляется вполне правдоподобным предположение о заимствовании из какого-либо палеобалканского языка. К отражению палеобалк. **sk* в албанском ср.: иллир. ΜΗ Σκοῦποι, *Scupi* > алб. *Shkup*, иллир. ΓΗ *Scampinus* > алб. *Shkumbini*, фрак. σκάληч 'меч' > алб. *shkallmë* 'то же'.

Рум. *bască*, к сожалению, не дает надежных оснований, позволяющих уверенно отнести это слово к категории древнеалбанских заимствований или же к непосредственным проникновениям из субстрата.

Рум. *băl, bălan* etc. ~ алб. *balash, balosh* ~
фрак. (?) βάλας ~ иллир. (?) Βάλιος, βαλιός

Среди румыно-албанских схождений, имеющих палеобалканские истоки, часто помещают и рум. *băl* adj. '(о людях) светлый, белокурый; милый, приятный', '(о животных) белой, светлой масти; пятнистый'; s. m. 'кличка домашних животных светлой масти', *bălân* adj. 'светлый (о людях)', 'рыжий с белым (о птицах)', 'кличка домашних животных белой масти' (DLR I/1, 442–443, 448), которым обычно ставят в соответствие алб. *balâsh, balôsh* m. 'домашнее животное (обычно конь или корова) с белым пятном на лбу или белыми пятнами на теле; человек со светлыми волосами' (Fjalor 1980, 86–87).

Так, уже Б. П. Хашдеу предположил, что рум. *băl* и его дериваты, равно как и алб. *balash, balosh*, а также *ballë* 'лоб' восходят к и.-е. **bhel-* 'свет, блеск; лоб' (ср. др.-инд. *bhāla-* 'лоб'); сюда же он отнес и фриг. βαλήν 'царь', т. е. 'сиятельный,

блистающий'. Рум. *bălan*, по мнению Хашдеу, продолжает дак. **balal*, сохраненное в рум. *bălai* 'белокурый, светлый' и аром. *baliu* 'лошадь с пятном на лбу' ($n < l$ по диссимиляции). При этом он подверг критике Г. Мейера (Meuer EWA, 25), который к указанному и.-е. корню возводил только алб. *ballë*, в то время как в алб. *balash*, *balosh* видел заимствование из серб. *bjelaš*. Идеи, созвучные Хашдеу, высказывал В. Богря (Bogrea 1923, 808–809), привлекая для объяснения румынских форм известный отрывок из "Войны с готами" Прокопия Кесарийского (Proc. De b. Goth. I, 18, 6), где при описании коня Велизария сказано: ... ὅς δὲ ὄλον μὲν τὸ σῶμα φαῖός ἦν τὸ μέτωπον δὲ ἅπαν ἐκ κεφαλῆς μέχρι ἐς ῥίνας λευκὸς μάλιστα. Τοῦτον [sc. τὸν ἵππον] "Ἕλληνες μὲν φαλῖον βάρβαροι δὲ βάλαν καλοῦσι... "..." все тело которого было темное, лоб же весь от верха до ноздрей совершенно белый. Его [т. е. коня] греки называли φαλίον, варвары же βάλαν". Отождествив греч. φαλίος (вар. φαλός; λευκός — Hes.) с варварским βάλας (пом. реконструирован по асс.) и отнеся их к тому же и.-е. прототипу, что и др.-инд. *bhāla*, алб. *ballë* 'лоб' и пр., Богря включил в круг родственных на индоевропейском уровне слов и рум. *bălan*, аром. *bal'u*, мегл. *bal'a* 'овца с белым пятном на лбу', алб. *balash*, *balosh*, имея в виду их субстратный статус, но без определенной этноязыковой атрибуции. В том же русле, но с генетической привязкой (поместив в списке "автохтонных фрако-дакийских элементов") трактует рум. *băl*, *bălan* Ч. Погирк (Poghirc 1969, 328), дополняя список палеобалканских соответствий именем коня Ахилла Βάλιος⁴⁰, греч. βαλίος 'пестрый, пятнистый', являющимися, как полагает автор, заимствованиями из какого-то северобалканского языка (ср. мнение Краэ об их иллирийском происхождении — Krahe 1955, 115), и др.-макед. βάλακρος = греч. φάλακρος 'лысый' — все к и.-е. **bhel-* 'блестящий, белый; лоб' (Pokorny I, 118–120)⁴¹.

⁴⁰ Βάλιος· ὄνομα τοῦ ἵππου τοῦ Ἀχιλλέως. σημαίνει δὲ καὶ τὸν ποικίλον. Εὐριπίδης "Βαλίαν Ἐλαφόν" φησιν. ἢ φάλιος τις ὢν ὁ λευκομέτωπος καὶ ὁ λευκός (Et. Magn.); сюда же фрак. ЛИ Βαλας, Βαλης, *Valius*, Βαληος и Βάλις — эпиклезы Зевса и Диониса, Βαλοία, Βαλοιον — город в Македонии, далм. МН *Baloie*, *Baloia*, возможно, вторая часть фрак. ЛИ Αρειβαλος, Βαζοβαλις, Βουβαλιον, Βουβαλον, Δεκεβαλος, Δρειβαλις и пр. (Detschew 41–42).

⁴¹ В том, что касается балканского характера Прокопиева βάλας, оба автора, видимо, молчаливо исходят из идеи В. Томашека о фракийском происхождении Велизария. Поскольку известно, что полководец времен Юстиниана Велизарий был рожден в городе Германи, расположенном в Пауталии, между Фракией и Иллириком (Proc. De b. Goth. 3, 11, 21), совр. Сапарево в верховьях Стримона, В. Томашек (Tomasek II, 2, 13) истолковал ЛИ Βελ-σάριος, *Bele-*

Это решение поддержано Г. Брынкушем (Brâncuş 1983, 133) и, без углубления в подробности, А. В. Десницкой (Десницкая 1978, 154). Другая попытка связать рум. *bălan* с палеобалканским материалом принадлежит В. Георгиеву (Георгиев 1977, 34–35), увидевшему соответствие ему в дакомиз. *Ballanstra*, названии почтовой станции между Meldia и Translites в районе современного поселка Драгоман, и истолковавшему данный топоним как **Bal(ō)ana *strava* < и.-е. **bhēl(y)ano-s *srowo-s* 'белая река' — построение, требующее слишком многих фонетических допущений ad hoc. Как исконные, возводимые к тому же и.-е. **bhel-*, нередко трактуются и приведенные выше алб. *balash, balosh*, начало чему положил сам Г. Мейер (Meyer 1894₁, 69), пересмотревший свою первоначальную славянскую этимологию. К такому же мнению склоняются Н. Йокль (Jokl 1915, 35) и Э. Чабей (Çabej SGj I, 50–51). Последний в более ранней работе (Çabej 1959, 540) соотнес с албанскими формами мес-сап. *balias, baliahi*, ЛИ *Balakrahiahi*, а также лат. название сорта винограда *balisia vitis* (к семантике ср. лат. *albus* 'сорт винограда' от *albus* 'белый').

Иное объяснение рум. *bălan* было предложено в конце прошлого века Г. Зухиром (Suchier 1894, 189), исследовавшим происхождение гапакса *bale* в сочетании *bale jumente*, употребленном саксонским герцогом Бертоальдом при виде светлых волос короля франков Клотара и зафиксированном в *Liber historiae Francorum* под 727 годом. Зухир считал указанное *bale* германским вкраплением в текст легенды, родственным *βάλαν* из текста Прокопия (см. выше), которое он интерпретировал как готское (ср. Lehmann-Feist 59). К отражениям данной германской лексемы в соседних языках им отнесены позднелат. *balane* в выражении *de equo badeo et balane* из эпиграммы Энодия (ок. 500 г. н. э.) и ст.-франц. *balanie* adj., содержащееся в фрагменте текста (1354 г.) *on roncin bron, la teste balanie*, а также интересующее нас рум. *bălan*. Гипотезу о германском происхождении рум. *băl, bălan* безоговорочно поддержал Р. Лёве (Loewe 1904, 299–302), считая их примером ранних заимствований из балканогерманского. Сочувственно принял ее А. Филиппиде (Philippide 1928, 698–699), не отвергая, тем не менее, и возможности древнебалканского генезиса; германской гипотезы придерживался и А. Росетти (Rosetti 1978, 242).

sarius на фракийской почве: к первой части ср. фрак. ΜΗ Βελε-δίνα, Βηλα-στούραι, ко второй — ЛИ Κορο-σαρίη при др.-инд. *śāru* 'стрела'.

Изложенные этимологические версии вызывают существенные возражения формального порядка, а именно: 1) отсутствие закономерной ротациации интервокального *-l-* в румынском и, соответственно, веляризации его в албанском (ср. правильный рефлекс в алб. *ballë*); 2) отсутствие перехода сочетания *-an > -in* в румынском (ср. лат. *veteranus* > рум. *bătrîn* и под.). На этом основании этимология Г. Зухира и Р. Лёве была отвергнута В. Мейером-Любке (Meyer-Lübke 1904, 594–595), высказавшимся в пользу славянской гипотезы. И. Шиадбей (Şiadbei 1958, 193–194), возражая А. Филиппиде и его предшественникам, отмечал, что во времена Велизария (умер в 565 г. н. э.) указанные фонетические процессы еще не произошли, и поэтому *bālan* попало к румынам не от готов, а от германских племен, пришедших на Балканы в более позднее время, скорее всего от гепидов или лангобардов, что также весьма гипотетично. Заметим еще, что βάλαν, употребленное Прокопием, является аккумулятивом (чистая основа βαλα-) и в силу этого не может рассматриваться как точное соответствие рум. *bālan*. Если все же предположить, что рум. *bāl* является продолжением βάλα- (будь оно фракийским или готским), то совершенно невозможно объяснить, почему ударное *a* трансформировалось в *ă*.

Не менее авторитетная традиция, которой, вслед за Ф. Миклошичем (Miklosich 1861, 16), придерживались А. Чихак (Cihak II, 6), авторы Академического словаря (DLR I/1, 443), А. Чорэнеску (Ciorănescu 60) и др., возводит рум. *bāl* и его производные к слав. **bělъ*. Д. Гэмулеску (Gămulescu 1974, 85) считал *bāl* сербским заимствованием, что невозможно фонетически. К идее о славянском происхождении румынских и албанских слов обратился и В. Э. Орел (Орел 1985, 133–134), мотивировав свой вывод тем, что албанские и восточнороманские формы образуют достаточно точные параллели к некоторым производным слав. **bělъ* (алб. *balosh*, рум. *băloş* ~ слав. **bělošъ*; алб. *baluësh* ~ слав. **běluša*; алб. *balik* ~ слав. **bělikъ*; алб. *balish* ~ слав. **běličьka*; алб. *bal*, рум. *bāl* ~ слав. **bělъ*). При этом автор полагает, что заимствование произошло “из таких ю.-слав. диалектов, где слав. *ě* развился в открытый гласный типа *ă > 'a*, ... из тех поздних праславянских диалектов, на основе которых формировались болгарские и македонские говоры” (с. 134). Что касается передачи слав. **ě* посредством алб. *a*, то здесь заключение Орла представляется вполне справедливым, ср. исчерпывающий материал, приводимый А. М. Селищевым (Се-

лицев 1931, 295–298). Трудности возникают при объяснении рум. *ă* в *băl*, поскольку регулярным отражением ударного *ě* болгарского типа в славянских заимствованиях в румынском является *ea* или *a* (последнее после веляризованных губных согласных): рум. *deal* 'холм' < слав. **děľъ*, *hrean* 'хрен' < **xrěňъ*, *leac* 'врач' < *lěkъ*, *nevastă* 'жена' < **nevěsta*, *romană* 'милостыня' < **roměňъ* и пр. Особенно примечательны в этом плане названия двух сел в уезде Мехединц: *Bala de jos* и *Bala de sus*, засвидетельствованные в документе 1415 г. в форме Бѣла (Петрович 1958, 20). Изменение рум. *a* (в том числе и из слав. *ě*) > *ă* в предударной позиции в таких образованиях, как *bălân*, *bălăș*, *bălâi* и пр., вполне закономерно (ср. *dăltă* ~ *dăltuș*, *dăltuță*, *nevastă* > *nevăstăică*, *nevăstăuță* и т. п.), однако попытка объяснить рум. *băl* как обратное образование от *bălan* (Philippide 1928, 699; Клепикова 1974, 65) не представляется убедительной в силу отсутствия аналогий в румынском. На наш взгляд, в данном случае следует обратить внимание на развитие проторум. *ę* (< лат. *ē*, *ĭ*) > рум. *ă* в положении после губных согласных перед слогом с гласными заднего ряда: лат. *pīlus* 'волос' > рум. *pâr*, лат. *mēlum* 'яблоко' > рум. *măr*, лат. *video* 'вижу' > рум. *văd*, лат. *fētus* 'потомство' > рум. *făt* (Сергиевский 1952, 233; ILR 1978, 136; ср. Ivănescu 1980, 331). Поскольку данный процесс имел место сравнительно поздно (Г. Ивэнеску относит его к периоду "româna primitivă", т. е. после прихода славян — Ivănescu 1980, 267–284; Бурсье считает terminus post quem отделение арумынского и мегленского, т. е. IX в. — Бурсье 1952, 121, 473–474), то в наиболее ранних славянских заимствованиях, древнейший пласт которых относят к VI в. (Ker-d'o 1982, 145 с литерат.), слав. **ě* мог быть воспринят как артикуляционно близкий проторум. *ę* и в тождественной позиции (после начального *b* и перед слогом с **ъ*) подвергнуться аналогичной трансформации.

Другим аргументом в пользу славянского происхождения румынских и албанских лексем с корнем *băl-*, *bal-* остается уже отмечавшийся словообразовательный параллелизм между ними и славянскими формами. Хотя мы и отдаем себе отчет в том, что он может являться результатом не только заимствования, но и самостоятельного развития внутри албанского и румынского, поскольку соответствующие славянские суффиксы были достаточно продуктивны в этих языках (Pascu 1916; Xhuvani-Çabej — Çabej SGj, III), тем не менее массовый характер при-

водимого ниже материала дает некоторые основания видеть здесь не случайное совпадение.

Слав. **běľь*: болг. *бял*, диал. *бел*, с.-хорв. *бѣо*, *био*, словен. *běl* и пр., все в значении 'белый, светлый' (ЭССЯ 2, 79) ~ рум. *băl* adj. '(о людях) светлый, белокурый; приятный, милый; (о животных) белой, светлой масти; пятнистый', s. m. 'кличка домашних животных светлой масти' (DLR I/1, 442-443), мегл. *bal'* 'с белым пятном на лбу (об овце)' (GS III, 186), аром. *bal'їй* 'кличка лошадей и собак пестрой масти, особенно с пятнами на голове' (Parahagi 191) ~ алб. *bal* m. 'собака с белыми пятнами; охотничья, пастушья собака' (Fjalor 24), 'белое пятно на голове или на теле домашних животных; домашнее животное с белыми пятнами' (Fjalor 1980, 86-87), сюда же *balo* m. 'собака белой окраски' (DSh V, 256 — р-н Корчи).

Слав. **běla*: болг. *Бѣла* 'кличка животного с белой шерстью; женское имя' (Геров I, 95), словен. диал. *běla* 'белая (об овце)' (ЭССЯ 2, 79) ~ рум. *bălă*, *bală* adj., s. f. от *băl* (DLR I/1, 443), *bălă* 'белая овца' (Вылча, Турда), *bale* 'овца' (Зап. Румынские горы), *bală* 'тж' (Пэрынг) (Клепикова 1974, 64 с литерат.); мегл. *bal'a* 'овца с белым пятном на лбу' (GS I, 31) ~ алб. *balë* adj. 'о лошади или овце с белыми отметинами на лбу', s. f. 'барсук' (Fjalor 25), 'корова с белым пятном на лбу' (FFShP 26 — Косово), 'черная овца с белыми пятнами' (DSh V, 256 — р-н Корчи).

Слав. **bělašь*: с.-хорв. *bjělāš* 'лошадь светлой масти' (RHSJ I, 380; Skok I, 68), русск. диал. *беляш* 'рыба, идущая стаями из Каспийского моря в реки весной во время нереста' (СРНГ 2, 241 — астрах.) ~ рум. *bălăș* m. (Hasdeu EMR III, 420), 'овца с белой шерстью и бело-желтой мордой' (Клепикова 1974, 64 — Куртя-де-Арджеш) ~ алб. *balāsh* m. 'конь с белым пятном на лбу' (Fjalor 25), 'бык с белым пятном на лбу', 'белая масть быка' (Клепикова 1974, 65 — Мюзекия).

Слав. **bělošь*: с.-хорв. *Vjeloš* 'мужское имя', 'название потока, горы', *bjeloš* 'для обозначения существ белой масти (овцы, козы)', чеш. *běloš* 'белый камень', словц. *beloš* 'белый конь' и пр. (ЭССЯ 2, 74-75), ср. русск. диал. *белóша* 'ход рыбы стаей во время нереста' (СРНГ 2, 227), *белошій* 'белки глаз; глаза', *белóшка* 'вид растения' (там же) ~ рум. *bălós* m. 'белой масти' (Ciogănescu 60) ~ алб. *balósh* m. 'то же, что *balash*' (Fjalor 26), 'собака или лошадь с белым пятном на лбу' (FFShP 27), 'бык с белым пятном на лбу' (DSh V, 256 — р-н Корчи).

Слав. **běloнь*/'а: с.-хорв. *Белоња* 'кличка белой коровы', *белоња*, *бијелоња* 'животное белой масти', словц. *beloň* 'белый вол'

(Клепикова 1974, 61), ср. русск. *Белонька* 'кличка коровы белой масти' (СРНГ 2, 223 — онеж.; к реконструкции **bělonь/a* ср.: SP 1, 133) ~ рум. *băloi* m. 'кличка белого быка' (DLR I/1, 461), *băloi* 'тж' (DLR I/1, 443) (-*ni*- в интервокальной позиции > *i*, то же в албанском) ~ алб. *baloj* m. 'белый бык', *balojë* f. 'корова с белым пятном на лбу' (FFShP 26 — Гьилан), *balója* 'белая корова' (Fjalor 25), *baloj* 'бык' (Клепикова 1974, 65 — Люра).

Слав. **běluša*: болг. диал. *белуша* 'белая овца', с.-хорв. *белуша* и пр. 'названия сортов белого винограда и белых слив', чеш. диал. *beluša* 'теленки', 'кличка собаки', словц. *běluša* 'белая корова' (ЭССЯ 2, 78), ср. укр. диал. *білушка* 'белая слива' (ЕСУМ 1, 195), гуцул. *biluša* 'белая овца', *bilusza* 'белая корова', *біл'ушка* 'овца (ласк.)', закарп. *біл'уша*, морав. *Běluša* 'кличка коровы', словен. *běluša* 'белая корова', с.-хорв. *белуша* 'белая коза', макед. *белушка* 'белая коза, овца, корова' (Клепикова 1974, 61); ср. русск. диал. *белушка* 'корова или овца белой масти' (пск., свердл.), 'белая куропатка' (нижегор.), 'род рыбы' (вят.) и пр. (СРНГ 2, 229) ~ рум. *bălușă* f. 'кличка овцы с белой головой' (DLR I/1, 470) ~ алб. *balúshë* f. 'солнечный зайчик' (Fjalor 1980, 89), 'корова с белым пятном на лбу' (FFShP 27 — Голак), 'овца с черной головой и белым лбом' (Клепикова 1974, 65 — Кастрати), 'овца с черной мордой' (DSh III, 69 — Кельменд).

Слав. **bělwanъ/-ana* (Орел 1985, 134): укр. диал. *білан*, *біланя* 'белая корова, кобыла', 'покрытое снегом горное пастбище' (ЕСУМ 1, 195), *білан* 'белый вол', 'белый пес', *біланя* 'белая корова' (бойк.), болг. *белана* 'овца или корова, которая ведет за собой стадо', с.-хорв. *Бильана* 'кличка коровы' (Банат), *белан* 'животное белой масти', 'козел' (Клепикова 1974, 61–62 с литерат.), болг. *Беляна* 'женское ЛИ' (Геров 1, 99), русск. диал. *беляна* 'белолицая женщина', 'животное белой масти' (свердл., том., волог., яросл., перм., вят., барнаул. и т. д.), также *белянка* в том числе 'животное белой масти' (свердл., перм., нижегор., казан., пенз., калуж., твер. и т. д.) (СРНГ 2, 240–241) ~ рум. *bălân* adj. 'светлый (о людях)', 'рыжий с белым (о птицах)', 'кличка домашних животных белой масти', сюда же *Bălână* 'кобыла' (Дымбовица), *Bălănel*, *Bălănița* 'кличка белого теленка', *Bălăniț* (DLR I/1, 448), *Bălan* 'конь' (Сибиу), *bălană* 'белая овца' (Клепикова 1974, 64).

Слав. **bělwiška*: укр. бойк. *біл'ушка* 'овца', *Біл'ушка* 'кличка овцы' (Клепикова 1974, 60), русск. *белушка* 'корова, овца

или коза белой масти' (пск., свердл.), 'белая куропатка' (нижегор.), 'род рыбы' (вят.), 'название сорта груши' (брян.), 'растение *Nymphaea alba*' (ворон.), 'растение *Saxifraga meldeuca* Fisch' (иркут., сиб.), 'гриб с белой кожицей на шляпке' (волог.) (СРНГ 2, 229) - рум. *bălúșcă* f. 'растение *Ornitogallum umbellatum*' (Ciogănescu 60).

Слав. **bělul'a*: с.-хорв. *Белуља* 'кличка коровы', польск. *Białuła* 'тж' (Клепикова 1974, 63) - рум. *bălúică* (< **bělulьka*) 'кличка белой коровы' (DLR I/1, 409).

Слав. **bělalp'a*: укр. *білань* 'белая корова, кобыла' (ЕСУМ 1, 95), бойк. *білан'a* (Клепикова 1974, 63) - рум. *bălái* adj. 'белый, светлый' (DLR I/1, 446), *boi bălai* (Рэдэуц), *oile cele bălaie* (Нэсэуд), *bălaie* 'белая овца' (Марамуреш, Герла) (Клепикова 1974, 64).

Слав. **bělъсь*: макед. диал. *белец* 'водяная птица', с.-хорв. диал. *бѣлац*, *бѣлац* 'белая лошадь', *бѣлац* 'лошадь, жеребец белой масти', словен. *bêlec* 'белый (человек)', 'белый вол, белый конь', ст.-чеш. *bělec* 'белый человек' (ЭССЯ 2, 85) - алб. *balecë* 'коза с белыми пятнами на голове' (FFShP 26); об отражении слав. *ъ через алб. *e* см.: Селищев 1931, 284-286.

Слав. **bělîca*: болг. *белица* 'белая овца и пр.', с.-хорв. *bjèlica* 'животное белой масти', словен. *bělîca*, чеш. *bělîce*, словц. *belîca* и т. д. (ЭССЯ 2, 64-65, ср. Клепикова 1974, 59-60) - алб. *balicë* 'собака, сука' (Drini 1982, 26).

Слав. **bělîkъ*: болг. *белик* 'заболонь', с.-хорв. *бѣлик* 'тж' и пр. (ЭССЯ 2, 66), ср. укр. диал. *білик* 'Pieris (энт.)', 'белая собака' (ю.-зап.) (ЕСУМ 1, 95), болг. диал. *беличе* 'белая собака' (БЕР 1, 109) - алб. *balîk* m. 'собака с белыми пятнами' (Fjalor 25; DSh IV, 349 - р-н Пермета).

Слав. **bělîčьka* (Орел 1985, 134): ср. укр. (карп.) *біличка* 'кличка белой собаки', польск. диал. *beliczka* 'белая коза' (Подгалье), 'белая овца', словц. *belička* 'белая овца', с.-хорв. *beličko* 'вол белой масти, козел', болг. *беличка* 'белая овца' (Клепикова 1974, 60) - алб. *balîškë* f. 'корова или коза с белым лбом' (Fjalor 1980, 87).

Слав. **bělъka*: болг. *белка* в том числе 'белая овца', 'название животного', с.-хорв. диал. *бѣлка*, *бѣжелка* 'самка животного белой масти или с белой меткой' и пр., словен. *bělka* 'белое животное (самка)', 'белая куропатка' и под., чеш. диал. *bělka* 'белая корова или лошадь' и пр. (ЭССЯ 2, 81-82), сюда же словц. *bil'ka* 'белая овца' (Клепикова 1974, 62), русск. диал. *Бѣлко* 'кличка собаки' (вост.-сиб., симб., орл., вят.), 'прозвище

ребенка с белыми волосами' (том.) (СРНГ 2, 215) - алб. *balkë* 'корова с белым пятном' (FFShP 26).

Слав. **bělъkъ*: 'название яичного белка' (болг., макед., словен., чеш.), слов. *belko* 'светловолосый парень', 'животное (лошадь, собака) светлой масти' и пр. (ЭССЯ 2, 82-83) - алб. *balok* 'лошадь с белым пятном на лбу' (DSh III, 69 — Кельменд).

Слав. *bělašyka*: укр. диал. *білашко* 'белокурый ребенок; животное белой масти' (ЕСУМ 1, 195), русск. диал. *белáшка* 'ласковая кличка белой коровы' (Даль I, 154), *беляшка* 'кличка белой коровы' (СРНГ 2, 241 — влад.) - алб. *balashkë* 'корова с белыми пятнами', 'коза с белым лбом' (Домосилецкая 1988 — р-н Корчи).

Совокупность приведенных аргументов убеждает, как нам кажется, в большей достоверности славянской этимологии румынских и албанских слов с корнем *bāl-* resp. *bal-* по сравнению с палеобалканской и германской.

Рум. *brustur* ~ алб. *brushtull* ~ дак. *riborasta*

Рум. *brústur* m. (вар. *brústure*, *brustán*, *brostán*, *bruscán*, *bruscălán*) 'лопух, репейник (*Lappa maior*, *minor*, *tomentosa*)', '*Petasites officinalis*', '*Veronica Beccabunga*', 'капустный лист' (DLR I/1, 659); аром. *bruştir*, *bruştură* (Papahagi 220).

Алб. *brushtull* f. 'вереск', 'плющ' (Fjalor 48; Fjalor 1980, 184).

Мысль о преемственной связи между рум. *brustur* и дакийским названием репейника, отмеченном в трактате Псевдо-Апулея "О травах": *A Graecis dicitur prosopis, alii Bacchion, alii elephantosis, alii elephas, alii nefelion, Itali personacia, alii bardana, alii manifoldium, Galli betiolen, Daci riborasta* (Ps. Apuleus, *De herbis*, 36), была высказана Д. Брындзой и А. Пападополом-Калимахом (Papadopol-Calimah 1878, 40), но в силу трудности их фонетического отождествления не получила дальнейшей поддержки (см.: Poghirc 1969, 329; Russu 1970, 143; Brâncuş 1983, 48). Кроме того, как продемонстрировал Дечев (*Detschew* 558), основываясь на различиях по кодексам (*ribobasta*? в *Tomaschek* II, 1, 32; *peripobasta* в издании Аккермана 1788 г.; *peripomasta* в кодексе V, f.6^v на основании конъектуры фрагмента "*Galli peripomasta*" — "*Galli (betilolen, Daci) peripomasta*"), означенная фиксация является, скорее всего, испорченной записью греч. *περιπομαστή* от глагола *περιπομάζω*

'покрывать, прикрывать'. Мотивация подобного объяснения кроется в латинском и греческом названиях этого растения — *persōnācia* 'личина, маска' и *προσωπίδα, προσωπίον* 'тж' (Diosc. 4, 106 RV), основанных на сходстве его листьев с человеческим лицом.

Что касается иных этимологических решений, объясняющих рум. *brustur* и алб. *brushtull*, то прежде всего следует упомянуть предложенное Д. Скрибаном (Scriban — Arhiva 1932, XXXIX, 93; Scriban 199): а именно как заимствование из гот. или гепид. **burstilo*, димин. от **burst* 'колючка, иголка', ср. др.-исл. *burst*, англ.-сакс. *byrst* 'щетина'; то же — Giuglea 1944, 112–113. Более точный германский источник указал И. Попович (Popović 1960, 93, ср. Pudić 1964, 865), приведя англ.-сакс. *brystl* < зап.-герм. **brustilô*. Также заимствованием, но из слав. **brošťь* (ст.-слав. *бръщь*, болг. *брожд* 'раст. марена'), считал рум. *brustur(e)* Т. Папахаджи (Papaagi 1940), морфологически трактуя его как сингулярис, восстановленный на основе рл. *brusturi*, ср. аналогичное соображение в: Brâncuș 1983, 48.

Не менее вероятным представляется нам возведение рум. *brustur(e)* и алб. *brushtull* к слав. **brъstъ*/**brъstь*, широко представленному в южнославянских языках: болг. *брьсть*, *брьсь* 'молодые побеги, срезанные на зимний корм скоту', макед. *брст* 'молодые побеги (срезанные на корм скоту)', с.-хорв. *брѣст* 'молодые побеги', 'листва' и пр. (ЭССЯ 3, 57–58). Против исконного характера алб. *brushtull* (< и.-е. **bhrsti* — Pokorny I, 109) свидетельствует рефлексация **st-* как *sh*, вопреки ожидаемому в данной позиции *-th-*.

Рум. *buză* ~ алб. *buzë* ~ болг. *буза* ~ с.-хорв. *буѝза* ~ фрак. *Βύζας, Βυζάντιον* ~ иллир. *Veuzas, Veusas, Busio* etc.

Соответствие рум. *buză* 'губа' ~ алб. *buzë* 'то же' впервые приведено Ф. Миклошичем в списке румынских слов, которые он относил к автохтонным по происхождению (Miklosich 1861, 9), в отличие от имевшихся в то время объяснений: из лат. *basium* (Lesicon romanescu-latinescu-ungurescu-nemțescu. Buda, 1825, s. v.) или некоторых созвучных романских форм⁴². А. Чи-

⁴² Так, Diez 1853 отождествлял рум. *buză* с ст.-исп. *buz* 'губа, поцелуй в руку', сурсельв. *bitsch* 'поцелуй', энгад. *biic* < лат. **bucium*, относя сюда же швейц. *butsch*, нем. *bus* (у Лютера), в.-нем. диал. *bussel*, фриул. *bussa*, истр. *bušni* 'целовать', польск. *buzia, buziak* 'рот, поцелуй', араб. *būsa*, тур. *buse* 'по-

как (Сiнас II, 715) поместил рум. *buză* среди заимствований из албанского. Указанное сближение принято большинством специалистов и лежит в основе весьма различных, порой взаимоисключающих интерпретаций (Philippide 1928, 702; Treimer 1914, 392; Weigand 1927, 210; Giuglea 1944, 23; Rosetti 1978, 274; Poghirc 1969, 329; Russu 1970, 145–146; Brâncuș 1983, 52–53).

Рум. *búză* f. 'губа', 'край сосуда', 'вершина, кромка горы, холма и пр.', 'острие (режущего инструмента)', 'передняя часть плота' (DLR I/1, 714–715), 'передняя часть саней, где полозья загибаются кверху' (Кришана — Теана 1957, 206), также форма *budză* (Молдова и Банат — Tikin I, 248); слово засвидетельствовано с XV в.: Мирче Бѣзе (1492), Ун Бѣсъ (1495), также в топонимике: село Бѣзаци, Бѣсаціи (1470, 1492) (Mihăilă 1974, 81); широко представлено в современной топонимике: *Buza, Buza Piscului, Buza Plaiului, Buzata, Buzoi* и пр. (Jordan 1952, 4); аром. *búdză* 'губа, край', 'печаль, досада' (Paparagi 224); мегл. 'губа' (Capidan 1935, 52).

Алб. *búzë* f. 'губа', 'конец, граница', 'берег', 'начало', 'зубчатая вершина горы, отвесный склон, край пропасти', 'обломок скалы' (Fjalor 53; Fjalor 1980, 204–205; также Kristoforidi 60; Leotti, 62–63), 'пола, фалда' (Leotti, *ibid.*).

С румынской и албанской лексемами в генетическом плане обычно связывают болг. *буза* 'щека, пащека' (Геров I, 82), 'губа' (р-н Силистры — БДА IV, № 253), 'рот' (р-н Костура — БД VIII, 213), 'широкий узор на черге' (р-н Гоце Делчева — Архив БДР); макед. диал. *буза* 'губа' (PMJ I, 49; р-н Тетово — MJ X, 81, Дебар — MJ XIX, 81, Гостивар — Поповски 1970, 98), 'лицо' (долина р. Струмица — MJ XIX, 204); вост.-серб. *бўдза* (бран.) 'рот, губа', *бўза* 'рот, губа; поцелуй' (PSA II, 249, 255), кос.-мет. *бўза* 'горловина котла' (Елезовић I, 64); польск. *buzia, buziak*, вар. *busia, busiak* (ласкат. и детск.) 'ротик, губки', (ирон.) 'рот, пасть', 'личико', *busi* 'поцелуй' (SJP I, 242),

целуй'. Продолжив поиски в русле романской этимологии, Шухардт (Schuchardt 1869, 50) предположил для объяснения рум. слова контаминацию лат. *basium* и *bucca*. С. Пушкарю (Pușcariu 1905, 242) реконструировал латинский корень **bud-*, исходя из франц. *bouder* 'дуться' и исп. *buz*, что принято в: Tikin I, 248 и Scriban 211. На основании наличия у рум. *buză* значения 'вершина (горы)' Ciogănescu 119 возводил его к лат. *botum* 'холм, круглый булыжник; толстая губа' + суф. *-ză*, упуская при этом из виду, что рум. *-ză* албанского происхождения (Pascu 1916, 378–379); следует упомянуть также мнение Р. Рёслера о заимствовании из тур. *buz* 'рот, губа' (Roesler 1865, 590); о «кавказоидных» соответствиях см.: Николаев 1984, 30.

buzia, *buź*, *buzi* 'рот, губы ребенка или девушки (с оттенком ласкательности или в шутливом, иногда грубоватом употреблении)', 'лицо ребенка или женщины (обычно ласк.)', *dać buzi* 'поцеловать', *buziak* 'лицо ребенка или девушки', 'поцелуй' (Doroszewsky I, 747–748); укр. *бўзя* (дет.) 'уста, рот, ротик, лицо', *да́ти бўзи* 'поцеловать' (Гринченко I, 108); блр. *бўси* (детск.) 'поцелуй', *бўся* 'то же', *даў буси дзядзь* (Носович 39–40).

Целый ряд авторов трактует перечисленные образования как звукоподражательные. Так, Pokorny I, 103 ставит алб. *buzë* и польск. *buzia* в один ряд с н.-перс. *bōsīdan* 'целовать', ср.-ирл. *bus*, *pus* 'губа', *busók*, *pusók* 'поцелуй', нем. *Buss*, *Busserl* 'поцелуй', *bussen* 'целовать', англ. *buss* 'поцелуй', швед. *puss* 'то же', лит. *bučiūoti* 'целовать', *buč* 'звук поцелуя' < **bu*- 'Lippe, Kuss' "als Nachahmung des Kusslautes, Sprengung des saugenden Lippenverschlusses nach innen, also eigentlich verschieden von *bu-*, *bhu-* 'aufblasen' mit normaler Sprengung nach aussen". К этому мнению с небольшими вариациями склоняются: Berneker I, 104; Brückner 51; Sławski I, 52; Младенов 1941, 48; ЭССЯ 3, 103; Sadnik–Aitzetmüller I, 429–430; Kluge 114; ЕСУМ I, 283; ЭСБМ I, 424; Kořinek 1934, 194; Fraenkel I, 61; Russu 1970, 146. Г. Мейер (Meyer EWA, 57) реконструировал для алб. *buzë* праформу **bus-zë* (где *-zë* — диминутивный суффикс) и возвел ее к дескриптивному корню **buk'* (лат. *bucca* 'щека'), что, однако, не укладывается в законы албанской исторической фонетики⁴³. Некоторые исследователи пытались объяснить все славянские формы заимствованием из румынского (Capidan 1922/1923, 226–227; Łukasik 1938, 183; Niță–Armaș 1968, 77), однако география этих лексем, по крайней мере на части славянской территории — особенно это касается польского, где они распространены повсеместно и равномерно, включая Кашубы (наиболее полная сводка материала представлена в: SGP III, I (7), 165 сл., ср. MAGP XIII, № 417), и белорусского (также практически везде — ЭСБМ I, 424), — не подтверждает данного предположения.

Как представляется, более внимательный взгляд на приведенную совокупность фонетически и семантически сходных форм позволяет все же произвести их селекцию по формальным и семантическим параметрам. Наиболее существенным

⁴³ И.-е. **k*' > алб. *th*: алб. *thom* 'говорю' < **k'ēns-mi* (лат. *ce-nseo*) и др.; случаи типа *visë* 'место' < **uēik'* и *sorrë* 'ворона' < **k'orn-* имеют более надежные объяснения, см.: Jokl 1912, 192 f.; Pedersen 1900, 337; Çabej SGj II, 293–294.

моментом, препятствующим непосредственному цельнолексемному отождествлению балканских (албанской и румынской) лексем со славянскими, является следующий: каковы бы ни были этимологические интерпретации алб. *buzë* (а его индоевропейский статус как будто не вызывает сомнений), *-z-* в нем может восходить только к сочетанию **-di-*. На славянской же почве это сочетание должно было бы отразиться совсем иначе, нежели в представленном выше лексическом материале, а именно: болг. *-жд-*, польск. *-dz-*, укр., блр. *-ж-*. Другой возможный критерий, также указывающий на различные истоки северославянских и балканских лексем, заключается в степени их эмоциональной окрашенности. Действительно, польское, украинское и белорусское слова относятся к сфере экспрессивной лексики, в то время как румынское, албанское и южнославянские эмоционально нейтральны, к тому же их семантическая структура, помимо сугубо анатомических включающая и значения, связанные с более абстрактными понятиями 'края, предела', организована принципиально иначе. Сказанное позволяет заключить, что польск. *buzia*, *buziak*, укр. *буся*, блр. *буси* не следует генетически отождествлять с алб. *buzë* и рум. *buză*⁴⁴. Взаимоотношения последних с болг. *буза* и с.-хорв. *бўдза*, *бўза* будут освещены ниже.

Произведя, таким образом, разграничение дескриптивных и знаменательных лексем, перейдем к рассмотрению последних. Все попытки этимологизации исследуемого гнезда так или иначе упираются в происхождение алб. *buzë*. Н. Йокль (Jokl 1911, 11; Jokl 1923, 143, 279) сопоставил его с лит. *burnà* 'рот', болг. *бърна* 'губа', арм. *beran* 'рот', лат. *forāmen* 'отверстие, дыра' < и.-е. **bher-* 'обрабатывать острым инструментом; царапать, резать, колоть' (Pokorny I, 134–135), выстроив це-

⁴⁴ На наш взгляд, наиболее приемлемо квалифицировать польск. *buzia*, *buzia* как заимствование из нем. *Buss* 'поцелуй' и его диалектных вариантов, ср. аналогичное мнение в отношении чеш. *pusa* 'поцелуй' (Machek 500; Holub-Корещу 306), восходящего к диалектной форме с глухим анлаутом: *pussen*, *puserl* (Grimm II, 570; VII, 2278). Аналогичного происхождения, видимо, и слов. *bozati* 'целовать', *bozk* 'поцелуй'. Косвенным образом мысль о германском вкладе в данную область славянской лексики подтверждают и с.-хорв. *bušac* 'поцелуй' < нем. *Buss*, *bušati* 'целовать' < *bussen* (Schneeweis 1960, 134; иначе: Skok I, 244). Укр. *бузя*, судя по своему распространению на западе и юго-западе, а также блр. *буси*, *буся* недвусмысленно производят впечатление польских заимствований, подтверждаемое отчасти и проникновением в восточнославянские языки целиком польской конструкции *dać buzi/busi*, ср. укр. *дати бузи* и блр. *дати буси*.

почку: **bh_ɾ-dīā* > **br̥zē* > **burzē* > *buzē*. Этимология не очень убедительна по двум причинам: 1) **r̥*, на которое указывают литовская и болгарская формы, не могло отразиться как алб. *ur* (специально об этом см.: Калужская—Орел 1983, 17–19) — нулевая ступень **bher-* совершенно корректно представлена в алб. *brimë* 'дыра, отверстие' < **bh_ɾ-ma* (Роконгу I, 135 f.); 2) не вполне ясны условия постулируемого Йоклем падения **r* перед спирантами и аффрикатами: среди приводимых им примеров большинство иллюстрирует позицию перед *th*: **rt* > *rth* > *th* (алб. *qeth* 'стричь' < **kert-*: лит. *kertù*, др.-инд. *kartarī* 'ножницы'; алб. *këthenj* 'переворачивать' < лат. *convertere*); единственный пример в позиции перед *z*: алб. *gjizë* 'творог', принадлежащий, по мнению Йокля, к гнезду лат. *serum* 'сыворожка', греч. ὀρός 'то же', др.-инд. *sarā-ḥ* 'жидкий, текучий' < **ser-* 'течь, струиться', — вызывает много сомнений, прежде всего, по причине вокализма.

Другое этимологическое решение предложено Э. Чабеем (Çabej 1937, 53–54), который привел свидетельство из архаичного говора Хоти (северо-западная часть албанского языкового пространства на территории Югославии), где для обозначения губы употребляется выражение *buzë e gojs* букв. 'край рта'. На этом основании автор счел возможным заключить, что исконным значением *buzë* было 'край', 'берег', и усмотрел близость этой лексемы с топонимом Βυζάντιον, истолковав его как 'город на берегу моря', и названием реки *Busento* близ города Консенция в Калабрии (Iord. Get. 156). Впоследствии Э. Чабей менее удачно связал алб. *buzë* с нем. *Bord* 'борт корабля', *Borte* 'край, кайма', англ. *board* 'доска, борт' — все из **bh_ɾdīā* (Çabej SGj I, 86).

Несколько лет назад автором данной работы (Калужская 1985, 152–157) также была предпринята попытка этимологизации алб. *buzë*, базирующаяся на следующих отправных моментах. Согласно предположению В. Н. Топорова (Топоров 1976, 3–15), высказанному в связи с обосновываемой им гипотезой о генетической близости названий ряда мифологических персонажей (др.-греч. Πύθων 'змей, убиваемый Аполлоном', др.-инд. *Áhi Budhnyā* 'змей глубин', с.-хорв. *bǎdnyak* 'дубовое полено, колода или ветки, сжигаемые в сочельник'⁴⁵, болг. *бѣд-*

⁴⁵ Против отнесения к этой группе с.-хорв. *bǎdnyak* возражает М. Гавацци (Gavazzi 1987, 110–111), напоминая его традиционное толкование как производного от слав. **bъděti* 'бодрствовать', ср. БЕР I, 97, 37; Skok I, 127 s. v. *bdjěti*;

ник 'толстый пенёк, который горит в очаге всю ночь накануне Рождества', макед. *бадник* 'дубовые ветки, сжигаемые в сочельник', словен. *bədàn, bədənĵ* 'толстый ствол, пенёк' < и.-е. **bhudh-n-* 'дно, низ, основание'⁴⁶). К этой же группе лексем отнесено и алб. *buzm* 'толстая колода, которую сжигают на Рождество', родство которого с бадняком и пр., как в плане ритуально-обрядовом, так и формальном не вызывает у автора сомнений (ср. Плана 1975, 93–98). В свою очередь, алб. *buzm* 'большой пенёк, колода', 'толстая колода, которую кладут в огонь на Рождество', 'один из двух камней, положенных на краю очага, между которыми кладут дрова, предназначенные для сжигания' (Fjalor 1980, 207; разрядка моя. — И.К.), 'край' (ср. выражение *në buzëm të gropës = në buzë të varrit* 'на краю могилы' — Çabej SGj I, 86) довольно прозрачно соотносится с *buzë* 'губа, край', являясь производным с суф. *-m*, на что указывал уже Н. Йокль (Jokl in: Schneeweis 1925, 176), правда, основываясь на несколько иных соображениях⁴⁷; об албанском суффиксе *-m(ë)* см. также: Çabej SGj III, 256–257. Следует заметить, что полный параллелизм албанской паре *buzë - buzëm* обнаруживает рум. *buză - buzăr*, где последнее означает 'большое полено на краю очага в сыроварне', вар. *bulzar* 'большое полено, чурбан, который горит всю ночь в сыроварне' (Arnivte 1961, 21), *buzări* pl. 'два камня, положенные по краям очага, на которые накладывают дрова, чтобы они лучше горели' (Vuia 1964, 72), называемые также *çăpătiie* (от *çapăt* 'край' — Vuia 1964, 79); *budzări* 'маленькие столбики из дерева или камня, которые ставят с двух сторон очага и на них укладывают более толстые поленья' (DLR I/1, 715).

ср. ЭССЯ 3, 112 в связи с др.-русск. бдынь 'надгробный памятник' также от **bədēti*.

⁴⁶ Из апеллятивных соответствий ср.: др.-инд. *budhnā* 'дно, основание, корень и пр.', авест. *būna* 'то же', др.-греч. πυτήν 'дно и под.' (< **φυθ-*), др.-макед. *Пύβνα* < **bhudh-na*, лат. *fundus* (< **bhudh-na* через **bhunda*), др.-в.-н. *bodan*, нем. *Boden* 'земля, пол, дно' (Pokorny I, 174).

⁴⁷ Согласно своей гипотезе о происхождении алб. *buză* < *bh_ord-ĵ-a* (см. выше), Йокль сближал *buzm* с алб. *birë, brimë* 'дыра', соответственно, из **bhera* и **bhr-ma* < **bher* 'резать', трактуя его как 'отрезанный, отколотый кусок'; в том же семантическом русле построил свою этимологию и Э. Чабей (Çabej SGj I, 86–87), в соответствии с мнением которого, алб. *buzm* < *bus-m* < *butiĵo* или **butt* < и.-е. **bhau-/*bhu-* 'бить, ударять': лат. *fustis* 'дубина, палка', др.-исл. *butr* 'пенёк, колода', ср.-нем. *buzze* 'пенёк; куча', норв. диал. *butt* 'пенёк, колода' — обе этимологии в значительной мере умозрительны и содержат существенные формальные погрешности.

Исходя из сказанного, мы сочли возможным отнести к вышеприведенному и.-е. **bhudh-* 'дно и пр.' также и алб. *buzë* (< **bhudh̥i-ā*). Обоснование содержательной стороны данного сближения виделось нам в семантической истории лат. *fundus* 'дно, основание, низ и пр.' (из того же и.-е. **bhudh-*) на албанской почве, где оно развило круг значений, связанных с понятием 'края, предела, конца': *në fund të rrugës* 'в конце пути', *në fund të muajit* 'в конце месяца', *fundi fundit* 'в крайнем случае, наконец', *më së fundi*, *më në fundi* 'наконец, в конце концов', *tani së fundi* 'в последнее время, недавно', *deri në fund* 'до конца', *në fund* 'в конце', *mori fundi* 'закончилось', *fundor* 'последний, конечный, крайний' (Fjalor 131; WAD 148). Одновременно заметим, что значения 'край' и 'губа' часто оказываются сопряженными, ср. в этой связи утверждение В. А. Меркуловой (Меркулова 1967, 164): "как правило, для обозначения губ используются слова со значением 'край, выступ, нарост, морщина'", ср. типологическую параллель в общекартв. *pir* 'край' > груз. *pir* 'рот, лицо, край', мегр. *piž*, чан. *piž*, сван. *pil-*, *bil-* 'край, губа' (Климов 1964, 153). Показательны также стандартные словарные описания губы через понятие края в разных языковых традициях: "губа — края рта у человека и животного" (Даль I, 404), англ. "lip — edge of the mouth" (Onions 1966, 53).

Новый аспект в родственных связях алб. *buzë* попытался недавно вскрыть В. Э. Орел (Орел 1984₂, 49–50). Принимая в целом наше построение и исходя из него, он предложил целнолексемное соответствие для алб. *buzë*, усмотрев его в лит. *budė* (< **budiā*) 'древесная губка, гриб, трут', и генетически отождествил с последним (вслед за: Буга — Русский филологический вестник, LXVII, 1912, 233–234) лит. *budė*, *būde* 'оселок, которым острится коса', где, на его взгляд, обнаруживается комплекс значений, характерных для алб. *buzë* ('конец, край'). При этом автор не счел необходимым достоверно изложить традиционный подход к лит. *budė*, *budis* и его производному *budėlė* 'вид грибов (лисички)', надежно отождествляемым с слав. **bъdla/*bъdlo* (Berneker I, 106; Fraenkel I, 61–62; Фасмер I, 176 s. v. *блицы*) — все к и.-е. **bheu-* 'расти, увеличиваться' или к **bud-* 'пухнуть' (ЭССЯ 3, 110). По мнению Орла, перечисленные славянские формы на корневом уровне также могут быть возведены к и.-е. **bhudh-*. Сюда же он считает возможным присоединить и словц. *bdol* 'улей' < **bъdolъ* (ЭССЯ 3, 111), связывая значение последнего с семантикой продолже-

ний слав. **bъдъп-* (имеется в виду прежде всего с.-хорв. *bǎdъпак* в интерпретации В. Н. Топорова), среди которых, как он полагает, имеются и названия дупла, улья и под. Однако приводимые в подтверждение этой мысли примеры вызывают недоумение, ибо словен. *bǎdǎnj* и укр. *bǒдня* восходят к слав. **bъдъп-*, в свою очередь, являющемуся старым германским заимствованием: из н.-нем. **budinna* при д.-в.-н. *butinna* (ЭССЯ 3, 113–114, вслед за Миклошичем и Уленбеком). Не вполне внятна и аргументация автора в поддержку семантической эволюции: 'дно, низ' (и.-е. **bhudh-*) > 'край' > 'губа' (алб. *buzë*) > 'гриб' (лит. *budė*). Соположение в этой связи греч. βαφή 'погружение' и слав. *goba* 'губа, гриб', трактуемых Орлом, вслед за В. Н. Топоровым (Топоров 1979, 244 сл.), как восходящие к и.-е. основе **gmbh-*, **gombh-*, ошибочно, поскольку греч. βαφή 'погружение' (производное от βάπτω 'погружать' — Schwyzer I, 759) однозначно предполагает праформу **g^wabh-* (Pokorny I, 465, ср. Frisk I, 219 s. v. βάπτω). Несомненная близость обозначений 'губы' и 'гриба', иллюстрируемая автором на славянском материале (**goba* и **gribъ*), в рассматриваемом случае не столь очевидна, поскольку указанные семантические компоненты разнесены здесь по достаточно отдаленным языковым традициям и выстраивание их в единую последовательность не представляется правомерным. Несколько более вероятной в типологическом плане выглядит связь лит. *budė* 'оселок, которым остриется коса' с исследуемым *bhudh-* 'дно' - 'край', ср. уже упоминавшееся картв. **pir* 'край' и отыменное образование **pir-* 'отбивать косу': груз. *pir* 'отбивать косу', мегр. *pir* 'то же' (Климов 1964, 153), хотя вполне удовлетворительно и традиционное объяснение *budė* как родственного лит. *budėti* 'бодрствовать, будить' и трактуемого в смысле 'Erreger' (Fraenkel I, 62).

Переходя к характеристике палеобалканских связей алб. *buzë*, напомним, прежде всего, попытку Э. Чабея соотнести его с топонимом Βυζάντιον, *Byzantium*, засвидетельствованным начиная с Геродота (Hdt. 6, 33; 4, 78; 4, 138; полную сводку античных фиксаций см.: Detschew 94, 536); сюда же ЛИ Βύζας, Βύζης, Βύζος 'основатель Византия' (у St. В. 215, 15 в форме Γύζας, Γύζαντος в результате смешения с созвучным названием ливийского города), 'художник из Наксоса' (Paus. 5, 10, 3), 'фракийский царь' (Zonar 9, 28), 'военачальник на Крите' (IGRP I, 1511 и 1512), 'частное лицо' (ADB 34 aus Pizos, I, 13) — (Detschew 95); также ЛИ Βούζης, Βουζᾶς m. Proc. В. 1, 13, 5; 8, 9, 5; Arc. 4, 4–12; 17, 1, Theoph. Simoc. 2, 15 — Detschew

79); ЛИ Βουζαη f. (EPR 23, Nr. 26 — Detschew 536), ΜΗ Βουσαλα (ADB 34 aus Pizos III, 70 — Detschew 83). В настоящее время, базируясь на реконструкции алб. *buzë* < **bhudh-i-a*, имеется возможность наполнить это сближение новым содержанием, связав его с принципиально новым подходом к происхождению названия Византия, продемонстрированным в специальной работе В. Н. Топорова (Топоров 1978, 135–150), развивающей исследование конкретных продолжений и.-е. **bhudh*⁴⁸.

Данный топоним, равно как и имя его легендарного основателя, рассматриваются В. Н. Топоровым как фракийские *i*-производные того же корня, отраженного в с.-хорв. *bǎdњak*, др.-инд. *Āhi-Budhnyā*, греч. Πύθων. Что касается содержательных параметров, то они обосновываются констатацией факта, что “наименование мест по имени хтонических чудовищ, мифологических персонажей, связанных с нижним миром, не редкость и мотивируется как особенностями рельефа, так и представлением, согласно которому с убитым чудовищем и с местом убийства связаны процветание и богатство” (с. 148). Кроме того, название Византия, как точки, отмечающей вход в “смертоносную бездну”, сохранило, по мнению автора, память о гигантском природном катаклизме, произошедшем в этом районе, — прорыве в 4–5 тыс. до н. э. вод Черного моря в Средиземное и образовании Босфора на месте древней речной долины (ср. приводимое там же свидетельство Страбона: “Страпон высказывает мнение, что Евксинский Понт прежде не имел выхода у Византия, но реки, впадавшие в Понт, прорвали и открыли проход и вода устремилась в Пропонтиду и Геллеспонт” — Strab. I, 3, 4, а также данные палеогеологических исследований), о чем не могло не знать догреческое, в частности фракийское, население этих мест. В плане формальном В. Н. Топоров рассматривает ΜΗ Βυζάντιον и ЛИ Βύζας (сюда же и неассимилированная форма ЛИ Βύβιος в надписи из Том — Detschew 94) как фракийские соответствия греческим формам типа Πυθίας, Πύθιον, Πυθίον, Πύθιοι, эпитету Аполлона Πύθιος, наряду с Πυθαεύς, критск. Πύτιος, беот. Πούθιος (о последнем в связи с Βύβιος, но с иным объяснением см. уже: Detschew 94), при-

⁴⁸ Предшествующая этимология ΜΗ Βυζάντιον и ЛИ Βύζας, сугубо формальная и заведомо менее содержательная, принадлежит Д. Дечеву (Дечев 1952, 12), который связывает их с и.-е. **bhūg'o* ‘козел’, **bhūg'-ent* ‘козленок’: авест. *buza* ‘козел’, н.-перс. *buz*, арм. *buz* ‘ягненок’, подержана В. Георгиевым (Георгиев 1977, 176); обзор старых этимологий см.: Curtius 1879, 291 и Grasberger 1884, 100, 278; ср. также: Russu 1936, 536–554.

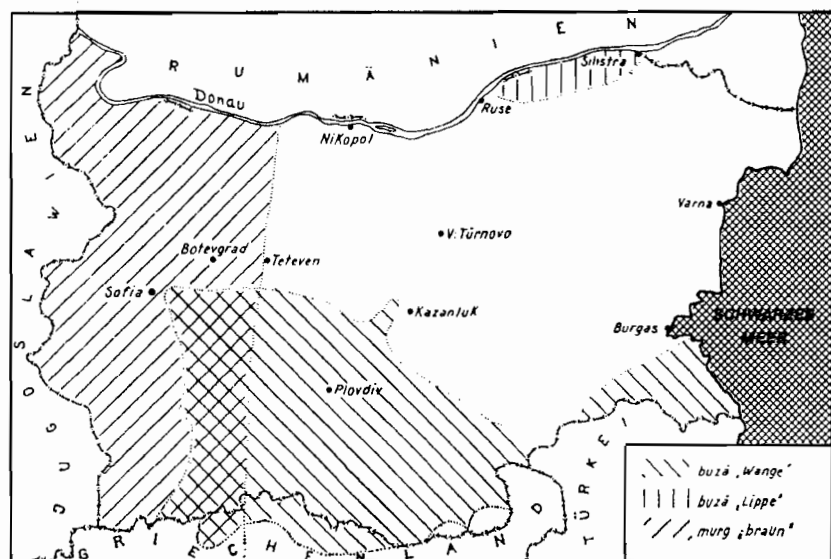
чем данное тождество подтверждается, по мысли автора, и взаимодополнительным территориальным распределением названий с Βυζ- (фракийские области) и Πυθ- (греческие); элемент -αυτ- выступает здесь в функции обозначения некоей совокупности, множественности, ср. анатол. [a]nt-.

Помимо приведенного восточнобалканского материала следует указать и целый ряд сопоставимых фактов из западных областей, а именно: иллир. *Beusas* (Бинден), *Beuzas* (Салона), ген. *Beusantis* (Ливно, Бюртемберг, Дакия — 5 фиксаций), *Busa* (Апулия), *Busia* f. (Апулия), *Busidius*, -a m., f. (Апулия, Рим), *Busio* m. (Паннония), *Buzetius*, -a m., f. (Далмация), Βουζος m. (Делос) (Krahe 1929, 21, 26–27 с подробной документацией). Перечисленным фактам давались весьма разнообразные объяснения. Так, П. Кречмер (Kretschmer 1925, 94–95) связывал локализацию иллирийских, по его мнению, ΜΗ Βυζάντιον и ΛΙ Βύζας на юго-востоке Балканского п-ова с тем, что при движении фригийцев в Малую Азию к ним примкнули какие-то иллирийские племена, в частности дарданцы, которые основали поселение и дали ему означенное имя; соотношение корневого вокализма *u* ~ *eu* толковалось им как нулевая и полная ступень дифтонга; сюда же он отнес и мессап. ЛИ *bosat*, *baostas*. Диаметрально противоположной точки зрения придерживался Д. Дечев (Detschew 94–95). Следуя известной гипотезе К. Пача (Patsch 1907, 169 f.), заключающейся в том, что западная часть Балканского п-ова до прихода иллирийцев была заселена фракийскими племенами, чьи следы обнаруживаются и в Апулии, Дечев полагал, что западнобалканские имена с основой *Buz*-, *Bus*-, *Beuz*-, *Beus*- (к тому же часть из них засвидетельствована на территории Дакии) следует связывать с остатками этого населения, сохранившимися вплоть до римского времени. Р. Катичич (Katičić 1963, 264–265) приурочивал все западнобалканские свидетельства к территории Средней Далмации, а их распространение в Дакии объяснял тем, что восковые таблички, на которых они зафиксированы, по большей части происходят от среднедалматинских пирустов. И. И. Руссу (Russu 1969, 179, 184) отделял иллиро-далм. *Beusas/Beuzas* от *Buzos*, *Buzetius* и лишь с последними соотносил фрак. Βύζας. К перечисленным западнобалканским соответствиям следует добавить и упомянутое Э. Чабеем в связи с Βυζάντιον речное название в Калабрии *Busento*, содержащее ту же суффиксальную морфему. На наш взгляд, перечисленные совпадения весьма красноречивы; особенно впечатляюще выглядит полное тож-

дество иллирийских и фракийских форм на *-ant/-ant-*, легших в основу названия Византия.

Таким образом, алб. *buzë* и *buzm* оказываются родственными целой серии палеобалканских личных имен и связанных с ними топонимов. Что касается рум. *buză*, то здесь мы не располагаем надежными формальными или содержательными критериями для однозначного отнесения его к разряду древнеалбанских заимствований или непосредственных проникновений из субстрата; в пользу последнего предположения в известной мере может свидетельствовать практически полное семантическое тождество алб. *buzm* и рум. *buzar* при разнице в морфологическом оформлении.

Относительно происхождения тождественных слов в других современных балканских языках добавим следующее. Учитывая весьма специфический ареал распространения болг. *буза* 'щeka' в южной и юго-восточной Болгарии (БДА I, № 244; II, № 248; III, № 274; см. карту 1, воспроизводимую по: Steinke 1982, 345), в частности, в архаичных родопских говорах, наиболее перспективных с точки зрения поиска фракийских вкраплений в болгарскую лексику и территориально не соприкасающихся с албанским и румынским, предположение о его субстратном фракийском происхождении выглядит довольно пра-

Карта 1

вдоподобно, ср. Steinke 1982, 343: "... für Termini, wie *buza* 'Wange', deren Verbreitung sich mit den früheren Wohnsitzen der Thraker deckt, eine Erklärung aus dem Substrat sehr nahe liegend, aber noch sprachgeschichtlich abzusichern"; ср. аналогичное мнение в: БЕР 1, 87. При объяснении семантики болгарского слова можно сослаться на филиацию значений 'край, берег' и 'щека', отраженную в русск. диал. (вост. сиб.) *щека* 'крутой берег реки', 'крутизна береговая' (Даль IV, 652). Против идеи о румынском генезисе болгарского слова — Scheludko 1927, 276–277. Небольшой ареал распространения болг. *буза* в значении 'губа' в придунайских областях восточнее Русе, несомненно, связан с относительно поздним и локальным румынским воздействием. Макед. диал. *буза* 'губа' с равной вероятностью можно трактовать как албанское или арумынское заимствование. Серб. *бу̀за* 'горловина котла' производит впечатление регионального заимствования из албанского с характерной терминологизацией значения в ремесленном жаргоне Космета (ср.: Skok I, 240; там же о возможности иллиро-фракийского происхождения, что маловероятно); вост.-серб. *бу̀дза*, *бу̀за* (Банат) заимствованы из румынского (Popović 1961, 112). Н.-греч. *πλοῦζα* 'пропасть' (Химара), 'губа, край' (Феспротия) — из арум. *budză* (Mihăescu in: Murnu 1977, 85).

В заключение настоящего этюда мы бы хотели предложить еще одно объяснение описанных фактов в духе понятия "etimologia multiplă", выдвинутого и разработанного Ал. Грауром (Graur 1954; также Coteanu-Sala 1987, 78–87), и созвучных идей В. Н. Топорова (Топоров 1981, 139–156) о "многозначной" этимологии или "полиэтимологических" словах, где "речь идет о той типичной для этимологических исследований ситуации, когда смысловая структура слова известна и может быть проверена на материале современного языка или на материале достаточного количества диагностически существенных старых текстов..., а дифференцированная этимология слова остается неясной (или не вполне ясной) в том отношении, что исследователь не знает точно, какое из значений слова (реально представленное или реконструированное) «замыкает» этимологию, делая ее законченной, дифференцированной и однозначной" (с. 139, разрядка автора. — И.К.).

Напомним, что все наше построение базируется на допущении, что исходным значением алб. *bužë* является 'край' (<'дно, низ'), затем развившееся через 'край рта' в 'губа'. Однако наряду с приведенными аргументами, подтверждающими возмож-

ность такой трансформации, имеются и другие, свидетельствующие в пользу обратного процесса, а именно: 'губа' > 'край', ср. греч. στόμα, которое "was sometimes used (through 'front') for the 'point' (Hom.) or for the 'edge' (Aesch.) of a weapon, e. g. στόμα μαχαίρας 'edge of a sword', rendered literally *ōs gladii* in the Vulgate, this again by OE *muþ suordes*", "Lat. *ōra* 'edge' and 'coast': OE *ōr* 'beginning', *ōra* 'edge, bank' (esp. in place names, cf. NE *Windsor* etc.) also Lat. *ōs*, Skt. *ās* etc. 'mouth'. Hence deriv. Sp. *orilla* 'edge' and 'shore' (of or river)" (Buck 860, 32). Если принять указанное направление семантического развития, то, соответственно, иным будет и круг генетических связей лексемы. Наиболее подходящим в этом случае как формально, так и содержательно выглядит отнесение *buzë* к гнезду и.-е. **b(e)u-/bh(e)u-* 'раздуться, пухнуть', продолжениями которого с *d*-расширителем являются и рассмотренные выше лит. *budėlė* 'грибы' (resp. *budė*), слав. **bъdъla* 'то же', а также англ.-сакс. *ruduc* 'опухоль, бородавка', ср.-англ. *podde* 'жаба', др.-ирл. *buiden* 'куча'; сюда же др.-инд. *buri-ḥ*, *buli-ḥ* 'ягодицы; женский половой орган', лит. *bullis* 'ягодицы', ср.-н.-нем. *poll* 'голова, верхушка' < **bul-no-*, греч. βύττος γυναικός αἰδοῖον — (Hes.), лат. *bucca* 'полная, надутая щека' и т. д. (Pokorny I, 98). Как убедительно продемонстрировала В. А. Меркулова (Меркулова 1967, 168), "отношения 'нечто изогнутое, выступающее' (resp. 'выпуклое, вспухшее'. — И.К.) > 'нарост, выпуклость' > 'гриб', 'губа у человека' представляют устойчивый семантический ряд"; о близости значений 'губа', 'гриб' и 'vulva' см.: Топоров 1979, 246 сл. В ином свете предстает и интерпретация палеобалканского материала — фрак. ЛИ Βύζας, иллир. *Buzos* и пр., фрак. МН Βυζάντιον. О возможности образования антропонимов от названия губы свидетельствуют греч. ЛИ Χείλας, Χείλεως, Χείλων, Χειλώνις (Pape-Benseler II, 1677), Στόμας, Στομάς, Στομανή, Στόμιος (ibid., 1444), прусск. ЛИ *Austegaw*, *Austigawdis* при *āustin* 'рот', лит. *Austigawdis* (Топоров ПЯ, А-D 173), кельт. *Bussu-maros* 'с большими губами' при ирл. *bus* 'рот, губа', возможно, также *Bussus*, *Bussullus*, -a, *Bussugnata*, *Busa*, *Busius* и др. (Holder I, 643, 646). Принимая во внимание частое использование названия губы для обозначения 'устья, залива, бухты' (ср. хотя бы русск. *уста* - *устье*, лат. *ōs* - *ōstium* 'устье', рум. *gură* 'рот' и 'устье реки'), топоним Βυζάντιον позволительно толковать как 'город в заливе, в устье'. Напомним, что Византий был основан у слияния рек Барбисесса и Кида-роса (Müller. Geogr. gr. min. II, 28A), не говоря уже о том,

что в качестве “устья” Черного моря воспринимался в древности и сам Босфор, ср. такие его наименования, как $\sigma\tau\omicron\mu\alpha$ $\tau\omicron\upsilon$ $\text{P}\acute{\omicron}\nu\tau\omicron\upsilon$ (Strab. I, 21, 2), а также словосочетания, представляющие по сути дела *figura etymologica*: $\text{B}\upsilon\zeta\alpha\nu\tau\iota\alpha\kappa\acute{\omicron}\nu$ $\tau\omicron$ $\sigma\tau\omicron\mu\alpha$ (Strab. 1, 21; 2, 125), $\tau\omicron$ $\text{B}\upsilon\zeta\alpha\nu\tau\iota\omicron\nu$ $\sigma\tau\omicron\mu\alpha$ (Strab. 1, 49) и $\tau\omicron$ $\sigma\tau\omicron\mu\alpha$ $\tau\omicron$ $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$ $\tau\omicron$ $\text{B}\upsilon\zeta\alpha\nu\tau\iota\omicron\nu$ (Strab. 2, 71–12, 563) (Pape-Benseler I, 232). Среди аналогичных образований можно привести многочисленные русские топонимы с начальным элементом *Усть-* (*Устюг, Усть-Двинск, Усть-Каменогорск*), прусск. *Austnithe* (Топоров ПЯ, А–D, 173), греч. $\text{M}\eta$ $\Sigma\tau\omicron\mu\iota\omicron\nu$ $\tau\omicron$ $\tau\omega\nu$ $\text{A}\sigma\epsilon\beta\acute{\omega}\nu$ (Plut. fluv. 5, 2 — Pape-Benseler II, 1444), нем. $\text{M}\eta$ *Münden* на р. Верра у ее впадения в Фульду, лат. *Ōstia* — портовый город в устье Тибра. Соприженность значений ‘губа’ (алб. *buzë*, рум. *buză*) ~ ‘камни на краю очага’ (алб. *buzm*, рум. *buzar*) ~ ‘устье реки’ находит подтверждение в русск. *уста* ‘рот, губы’ ~ *устье* ‘устье печи, топка’ и ‘устье реки, исток’ (Даль IV, 514).

Таким образом, мы оказываемся в ситуации выбора решения, когда каждая из предлагаемых версий имеет достаточно весомую аргументацию и трудно без колебаний отдать предпочтение одной из них.

Рум. *codru* ~ алб. *kodër* ~ иллир. *Codrione*

Рум. *codru* м. I. (повсеместно) ‘(наи)большой кусок целого (хлеба, мамалыги, сала и пр.)’, (устар., сохранилось только в отдельных областях) ‘кусок земли, поля’, ‘кусок, часть леса’; II. ‘большой, густой, старый лес, особенно лес, растущий на горах, а не на равнине’, ‘лесистая гора’, ‘холм, гора’ (DLR I/II, 633–634); последнее значение широко засвидетельствовано в старых текстах: *ca roao Ermonului ce deştinse in codrii Sionului* (Psaltirea Scheiană 132/3), *codrii giucară ca berbecii şi munţii ca mieii oilor* (ibid. 242/16), *Kodru = munte* (Anonymus Caransebisesensis) и пр., представительную сводку контекстов см.: Hasdeu CB II, 199; DLR, ibid.; аром. *codru, codur* ‘вершина горы; лес; базарная площадь; кусок хлеба’ (Parahagi s. v.); мегл. *codru* ‘кусок пирога; часть села, где собираются жители; лес’ (Capidan 1935 s. v.), истр. *codru* ‘гора’ (Hasdeu CB II, 161).

Алб. *kodër* f. ‘возвышенность, холм’ (Fjalor 220; Fjalor 1980, 838–839).

Данное соответствие, установленное и квалифицированное как автохтонное уже Ф. Миклошичем (Miklosich 1861, 10), не-

однократно привлекало внимание исследователей: Б. П. Хашдеу (Hasdeu — Columna lui Traian, 1873, 110, 244; EMR II, 289) сопоставил его с арм. *gadar* 'бугор, холм' и греч. κέβρος; Х. Барич (Barić 1919, 40) выводил алб. *kodre* < **kāždra* < и.-е. **kāzdhro-*, откуда и лат. *castrum* — построение, трудно допустимое как фонетически, так и семантически. Альтернативная этимология, согласно которой рум. *codru* и алб. *kodër* восходят к лат. *quadrum* 'четырёхугольник; четырёхугольный кусок, ломоть', была выдвинута и обоснована О. Денсушяну (Densușianu 1901, 71–72; ср. Candrea–Densusianu 59), предположившим наличие в балканской латыни фонетического варианта **quodrum*⁴⁹ и семантическое развитие 'часть' > 'часть леса' (*codru de pădure, codrul pădurii*) > 'лес' > 'гора', при этом в качестве аналогии было приведено употребление прованс. *caire* (< *quadrum*) в сочетаниях *un caire de pain* 'кусок хлеба', *un caire de ben* 'клин земли', а также такие значения слова, как 'ком земли' и 'место, зажатое между двумя оврагами, горами, лесами'. В поддержку семантического обоснования данной этимологии остроумную мысль высказал Г. Вайганд, предположив у рум. *codru* развитие значения по типу слав. **děľъ* 'часть, доля' > 'гора, холм', ср. рум. *deal* 'холм' (Weigand. — JIRS II, 217). А. Чорэнеску (Ciorănescu 217) допускал наличие обоих значений уже в народной латыни, приводя в доказательство упоминающуюся выше глоссу *codra* *кóдра quadra*, последнее с толкованиями 'τόλος' и 'τόμος' в Corpus glossar. lat. II, 165, 351. Х. Михэеску (Mihăescu 1978, 171), выстраивая аргументацию в пользу латинского происхождения рум. *codru* и алб. *kodrë*, в качестве примера перехода *a* > *o* ссылается на зафиксированные в античных надписях Балкан имена *Quodratus, Codratus, Codrato*, *Κοδράτος* и предполагает наличие в разговорной балканской латыни апеллатива *codra* в значении 'лес, вырубленный в форме четырёхугольника', причем последнее заимствовано, по его мнению, из греческого, где засвидетельствованы формы *Κόδρα* и *Κοδρίτης ἄρτος* 'panis quadratus'.

Хотя латинская этимология получила довольно широкое признание (DLR I/II, 634; Capidan — DR I, 509–510; Rosetti

⁴⁹ Данное предположение поддержал П. Скок, приведя пример развития *qua-* > *co-* в засвидетельствованном в латинской эпиграфике Балкан ЛИ *Codratus* вместо *Quadratus*, греч. *κοδράντης* < *quadrans*, *κοτρίνα* < *quadriga* (Skok — Archiv für slavische Philologie. XXXVII, 83–84), а также В. Брюх, добавивший к этому примеру вост.-нар.-лат. глоссу *codra* 'quadra' (Brüch — ZrPh LVI, 376).

1978, 109, 123; Ciorănescu 217; Çabej SGj I, 284–285⁵⁰; Solta 1980, 128–129; Naarmann 1978, 214), тем не менее сложности как формального, так и семантического порядка регулярно побуждали исследователей к поискам иных путей решения проблемы. Сомнения в правильности латинской этимологии, по крайней мере, для рум. *codru* в значении 'лес', высказаны С. Пушкарю (Pușcariu 1905, 392), считавшим его заимствованием из албанского *kodrë* (то же — Weigand 1927₁, 216), родственного арм. *katar* 'вершина, верхушка'; Г. Ивэнеску (Ivănescu 1980, 110) относил данное слово к иллиризмам в албанском и фрако-дакизмам в румынском.

Среди формальных трудностей латинской гипотезы обычно называют отражение лат. *qua-* как рум. *co-* на фоне закономерного *p*: рум. *patru* 'четыре' < лат. *quattuor*, *păresimi* < *quadragesima* 'Великий Пост', *apă* 'вода' < лат. *aqua*, *iapă* 'лошадь' < лат. *equa*; ср., однако, рум. *care* 'какой, который' < лат. *quālem*, *când* 'когда' < лат. *quandō*, *cât* 'сколько' < лат. *quantum*. Согласно Э. Бурсье (Бурсье 1952, 447), *qu* перед *a* > *c*, а в интервокальном положении — *p*; в *patru* и *păresimi* изменения, видимо, произошли в условиях сандхи. Однако даже при допущении последнего вывода остается нерешенной проблема отражения лат. *a* как рум. *o*, если только не принять гипотезу о греческом посредстве (см. выше). В том, что касается сферы семантики, возникает естественный вопрос, имеем ли мы в данном случае дело с далеко разошедшимися в пределах одной лексемы значениями или с двумя гетерогенными омонимами (к последнему склоняется Г. Райхенкрон — Reichenkron 1966, 111).

Недавно проблемы, связанные с этимологией рум. *codru*, были вновь подробно рассмотрены в специальной работе А. Поручука, где предложен ряд новых решений (Porucius 1990, 193–207). Исследователь обратил внимание на формальную близость интересующих нас современных балканских лексем с иллир. МН *Codrione*, крепостью в Южной Иллирии, упомянутой Титом Ливием (XXXI, 27, 5): *Hic metus Codrionem, satis*

⁵⁰ Он подкрепляет семантическую сторону материалом из текста Бузуку (LXXXI/2 = LXXXI/2, Efesët 2, 20): *nd atë të madh e të naltë gürë, katër kodresh*, соответствующим лат. оригиналу "*ipso summo angulari lapide*", т. е. "на самой вершине четырехугольного камня", где алб. *kodër* имеет значение 'угол' (в переводе Grigori то же место дано как *gur i qoshesë* 'угловой камень'). Кроме того, Чабей приводит диалектное свидетельство из района Гьирокастры, где *kodër* обозначает 'пространство, образуемое стоящими под углом каменными скамьями, где обычно сидели старики' (Çabej SGj, I, 285).

validum et munitum oppidum, sine certamine ut dederetur Romanis, effecit. — “Этот страх заставил *Codrionem*, достаточно укрепленную и защищенную крепость, сдаться римлянам без боя”. При этом автор реконструировал номинатив в виде *Codrio*, справедливо предположив, что от автохтонного топонима косвенный падеж был образован по продуктивной латинской модели *Scipio, -ōnis*, ср. ThLL, II-On, s. v. *Codrio* “oppidum Macedoniae”. Данный топоним поставлен им в один ряд с серией географических названий: *Colentum, Coraena, Corahias, Corinium, Conbazetas* с выделением в этой группе префиксального элемента *ko-/kon-*, ср. *Bazetas* наряду с *Conbazetas*. Далее сюда же отнесен иллиро-македонский топоним *Scodra*, представляющий, по мнению Поручука, вариант с *s-mobile*. Оба допущения вызывают большие сомнения, поскольку вычленение префикса носит сугубо формальный характер, а для и.-е. **kom-* вариантов с *s-mobile* не засвидетельствовано (Pokorny I, 612–613). Кроме того, в качестве соответствия рум. *codru* приводится имя легендарного правителя Афин, происходящего из негреческого племени кауконов, Κόβρος (Hdt. I, 147; V, 65, 76), от которого, по мнению автора, образованы также греч. ЛИ Κοδράντης и Κοδράτος (а не из лат. *Quadrans* и *Quadratus*, согласно традиционной точке зрения). Подтверждение названной связи автор видит и в обширной семье балканских личных имен: рум. *Codrat, Codru, Codrea, Codreanu, Codrescu, Codreț, Codrici, Codrin, Codrișan* и пр., болг. *Кодре*, алб. *Kodra, Kodroj, Kodrali*, — восходящих, как он считает, к древнебалканскому источнику. Исходя из предложенного членения *co-dru*, А. Поручук связывает вторую часть с алб. *dru* ‘дерево’, рум. *druete* ‘толстый, короткий ствол дерева’, толкуя все слово в целом как ‘собрание деревьев’, т. е. ‘лес’. Одновременно он разделяет генетически *codru*₁ ‘лес’ и *codru*₂ ‘кусок’, видя в последнем результат контаминации рефлекса лат. *quadrus/-a* ‘четырёхугольный кусок, ломоть’ и некоего субстратного слова, продолжающего и.-е. **ker-* ‘резать’ — предположение весьма умозрительное.

Как нам представляется, аргументация, приводимая против латинской этимологии, не является достаточной для ее пересмотра. Наличие варианта **quodrum* в балканской латыни подтверждается вполне надежными свидетельствами греческого языка и средневековых глосс. Семантическая же эволюция ‘кусок, часть’ > ‘гора’ (ст.-рум., аром., истр., алб.), как это справедливо заметил Г. Вейганд, точно копирует историю слав.

**děľъ* в южнославянских языках. Кстати, сходные явления перестройки значений латинских слов по славянским моделям весьма характерны для румынского языка, ср. хотя бы рум. *lume* 'свет', 'мир, общество, люди', развившее второе значение явно под влиянием слав. **svěťъ*. Дальнейший переход 'гора' > 'гора, поросшая лесом' > 'лес' является широко распространенной семантической универсалией, ср. слав. **gora* 'гора', 'лес' (подробно Иллич-Свитыч 1960, 224; ЭССЯ 7, 30). С другой стороны, представляется, что закрепление на Балканах значения 'гора', вероятно, не обошлось без влияния созвучного и близкого по семантике палеобалканского слова, отраженного в топонимике и антропонимике, однако доказательство данной гипотезы остается пока на уровне более или менее вероятных догадок.

Рум. *druete* ~ алб. *dru* ~ дак. Δροβητίς, *Drubeta*, *Drobeta*

Рум. диал. *druete* m. 'толстое низкое дерево' (Горж) (Pașcă—Analele Academiei Române 1884, ser. 3, III, 218), 'ствол срубленного дерева, не слишком толстый, крепкий, недуплистый' (Хацер) (Revista critică-literară, III, 123), 'кусок дерева, найденный в воде; колючка, шип, заноза' (Арджеш), (pl. *drueti*) 'круглые бревна, из которых кладут стены', 'затылочная часть хомута' (Мехединц) (Mihăilă 1973, 66); 'ствол бука длиной 1–2 м' (Градиште) (Russu 1970, 158); также *dru* 'кусок бревна длиной до 1 м; кусок дерева, используемый как противовес в колоде' (Горж) (Russu 1970, 158), 'толстое, короткое дерево; пьяный человек' (Хацер) (Brâncuș 1983, 72 со ссылкой на: Todoran R. Mic glosar dialectal, 14).

Алб. *dru*, опр. ф. *druri* m., pl. *-nj, -rë*, гег. *drû*, опр. ф. *druni, -në* 'дерево; древесина; дрова'; *dru*, опр. ф. *druja* f., pl. *-, -të* 'древесина' (Fjalor 95; Fjalor 1980, 379–380).

Сопоставивший румынскую и албанскую лексемы Г. Паску (Pascu 1916, 36; Pascu — Archivum Romanicum 1925, IX, 316) расценивал рум. *druete* как заимствование из алб. *dru*, оформленное диалектным уменьшительным суффиксом *-ete* (аналогично Philippide 1928, 712; ср. Rosetti 1978, 276); иную трактовку суффикса в качестве сингулятивного < pl. *-eți* см. в: Graur 1934, 246–249, о чем ниже подробнее; также Poghirc 1969, 330. Э. Чабей (Çabej SGj I, 142–143) видел в рум. *druete* отражение архаичной албанской формы среднего рода *drutë*,

зафиксированной у Бузуку: *Gluha e pëvutë anshtë drutë e gjel-lësë*. *Lingua placabilis, lignum vitae* (LXXXIV/2 = CIV/2. Libri e Proverbetvet 15. 4), что маловероятно фонетически. Отрицательную позицию по отношению к возможности заимствования из албанского заняли И. И. Руссу и Г. Михэилэ, без особой аргументации отстаивая мысль о непосредственно субстратном происхождении рум. *druete* (Russu 1970, 157–158; Mihăilă 1973, 66). Отметим также малоправдоподобную идею К. Дикулеску, что рум. *druete* < греч. δρυέτις 'схожий с дубом, дающим побеги после того, как его срубили' от δρῦς 'дуб' (Diculescu 1927, 482).

В начале 60-х гг. Вл. Георгиев (Georgiev 1961/62, 85–86) отождествил рум. *druete* с алб. плюралисом *drutë* и дак. МН Δρουνητίς (Ptol. 3, 8, 4), *Drubetis* (Tab. Peut. 7, 4), *Drubeta* (CIL 3, 6309; 6, 32523 a 32), *Drobeta* (CIL 3, 1579; 1209; Not. dign. or. 42, 6. 16. 24) (Detschew 158), совр. Турну-Северин в Румынии, реконструировав дак. **druveta* 'роща' < и.-е. **druu(o)* = слав. **drъva* при допущении передачи дак. *v* посредством греч. β и лат. *b*. Несмотря на всю формальную привлекательность данного сопоставления (к выпадению интервокального *v* в румынском ср. хотя бы рум. *greu* 'тяжелый' < нар.-лат. **grevem*, рум. *oaie* < лат. *ovem* 'овца'), оно вряд ли может быть признано корректным. Прежде всего, привлечение для сравнения алб. pl. *drutë* хронологически неправомерно, так как это образование заведомо более позднее, чем дакийский топоним. Кроме того, напомним, что при этимологизации албанского слова Г. Мейер (Meyer EWA, 75) избрал в качестве прямого тождества ему слав. **drъva*, реконструировав праалб. **druca*, что без возражений принимается практически всеми (Jokl 1916, 101; Pokorny I, 215; Çabej SGj I, 143). Однако данное положение представляется небесспорным в силу двух обстоятельств: 1) сочетание *u + ç* должно было отразиться в албанском как *y* (< *ū*), ср. алб. *dy* 'два' < и.-е. **duço-*; 2) албанские диалектные формы (гер. *drû*, опр. ф. *druni*), наряду с дублетной формой *dru*, опр. ф. *druja* f. < **drun-ia* и рядом производных (*i, e drunjtë* adj. 'деревянный' < **drunjos, drunishtë* f. 'дубовая роща'), недвусмысленно указывают на *n*-основу, прослеживаемую в косвенных падежах др.-инд. *dāru* 'дерево': Gen. *drūṇaḥ*, Instr. *drūṇā*, Loc. *dāruṇi* и в др.-ирл. *dron* 'твердый, крепкий, прочный'⁵¹ (Pokorny I, 214–215), а также в слав.

⁵¹ На корневом уровне алб. *dru* продолжает нулевую ступень и.-е. **derū-/ *dδru-*: греч. δρῦς, δρυός 'дуб; дерево', Δρυάς 'древесная нимфа', гом. δρῦνά pl.

**drynъ* < **drūno*, ср. др.-инд. *druṇa* 'лук', перс. *durūna* 'дуга; радуга; лук', осет. *ærdyn/ærdunæ, ænduræ* 'лук (оружие)' < 'деревянный' (ЭССЯ 5, 145); сходную точку зрения см.: Restelli — Rendiconti del Instituto Lombardo di Scienze e Lettere 89/90, 415–417; Huld 1984, 56. Утверждению Э. Чабая (Çabej SGj I, 143) о вторичном, хотя и достаточно раннем характере назализации *u* в гег. *drû* противоречит наличие ротацизма в тоскской определенной форме *druri*, говорящее в пользу исконности *n*, ср. аналогично алб. тоск. *gju, gjuri*, гег. *gjû, gjuni* 'колени' < **glun-* = др.-ирл. *glún* 'тж' (Meyer EWA, 142).

Что же касается соотношения алб. *dru* с рум. *druete*, то обнаружение в западноолтянских говорах такой формы, как *druî*, позволяет говорить о производном характере *druete* внутри самого румынского (а не дакийского, как считал Георгиев): *druî* + суф. *-eț* > **druetș* (ср. *pădure* 'лес' > *pădureț* 'лесное дерево', *copil* 'ребенок' > *copileț* 'пасынок, боковой побег' и пр.), pl. *druetși*. От последнего, воспринятого в рамках продуктивной модели sg. *perete* 'стена' ~ pl. *pereți*, видимо, и был образован сингулятив *druete*. Исходная форма *druî* позволяет реконструировать прототип **drun-î(em)* (ср. рум. *cui* 'гвоздь' < лат. *cuneu(m)*, рум. *vie* 'виноградная лоза' < лат. *vīnea*, рум. *călcîi* 'пятка' < лат. *calcāneu(m)*, возможно, рум. *plai* 'поскогорье' < ю.-слав. **planъ*), прозрачно соотносимый с др.-алб. **drun-î-a*, что дает достаточно веские основания видеть в *druî* старое албанское заимствование. В пользу этого предположения косвенно свидетельствует и терминологическая специализация значения в румынском. Отметим также, что албанская *n*-основа отражена в болг. *друн* 'дерево' (тайные говоры на юго-западе, в р-не Казанлыка, Гоце Делчева, Пирдопа) и производных: *друнаджия* 'лесоруб', *друноват* 'деревянный', *друновати* 'дрова'. Первое мы расцениваем как относительно старое проникновение, в отличие от БЕР 1, 433, где оно возведено к гег. *drun-(î)*.

'лес', др.-ирл. *drūi* 'друид', ср.-ирл. *drochta* 'бочка', *drochat* 'мост', галлором. *drūtos* 'сильный, крепкий', греч. ЛΙ Δρύτων, др.-ирл. *drūth* 'глупый', англ.-сакс. *trum* 'крепкий, здоровый', др.-в.-н., н.-в.-н. *trog*, англ.-сакс. *trog, troh*, др.-исл. *trog* 'корыто', др.-в.-н. *truha* 'сундук, ларь', норв. диал. *trygje* 'вид вьючного седла', др.-в.-н. *tručka* 'ящик', *hart-trugil* 'кизил', лит. *drūtas, driūtas* 'сильный, могучий', др.-прусск. ЛИ *Drutenne*, МН *Druthayn, Druthelaukum, druwis* 'вера' (Рокотгу I, 214–217); из вероятных палеобалканских соответствий вспоминаются фрак. ЭН 'Обрѡса и *Drugerî* букв. 'лесные жители' (Jokl 1929, 285).

Все вышеизложенное, как кажется, позволяет прийти к выводу об отсутствии прямых родственных связей между дак. Δρουβητίς, *Dru/obeta*, с одной стороны, и алб. *dru*, рум. *druī*, *druete* — с другой, что в принципе не препятствует отнесению на сугубо формальном уровне дакийского топонима к тому же и.-е. **doru-/deru-/dru-*, ср. и его трактовку В. Н. Топоровым, приведшим в качестве балтийских параллелей лит. МН *Dru-bėngis*, *Drubinga*, *Drublionių kaimas*, *Drublieknis*, лтш. *Drubeņusils*, *Dribeži*, *Drubazas* (Топоров 1973, 50–51).

Рум. *mal* ~ алб. *mal* ~ дак. *Malva*, *Malvensis* ~ иллир. *Malontum* и пр.

Рум. *mal*, *-uri* п. 'земная возвышенность немного выше холма с крутыми склонами', 'обрывистая стенка углубления в земле, край ямы', 'полоса земли вдоль линии воды, берег' (DLR s. n. VI-1, 59–61), 'глинистая почва' (GDolt 61); слово широко представлено в румынской топонимии (Jordan 1963, 32); аром. *mal* 'берег' (Parahagi s. v.); истр. *mql* 'холм' (Byhan 1899, 280).

Алб. *mal* м. 'возвышение земной поверхности, гора', 'горная местность', 'лес' (Fjalor 1980, 1052), 'лес' (Мирдита — DSh IV, 111).

Пара была идентифицирована Ф. Миклошичем (Miklosich 1861, 10) и включена во все списки румыно-албанских соответствий (Treimer 1914, 397; Philippide 1928, 720; Rosetti 1978, 278; Poghirc 1969, 331; Poghirc 1971, 176; Brîncuș 1966, 215–216; Russu 1970, 174–175; Solta 1980, 48–50; Brîncuș 1983, 90–92; Rădulescu 1981, 49–51). Б. П. Хашдеу (Hasdeu 1875, 380) привлек для сравнения с рум. и алб. *mal* и подтверждения их палеобалканского происхождения наименование области в римской провинции Дакии *Dacia Malvensis*⁵², предположив, что его позднейшим латинским эквивалентом является название области *Dacia Ripensis* в бывшей провинции Мёзии, куда Аврелиан в 275 г. эвакуировал римские войска, администрацию и население из левобережья Дуная (ср.: Kretschmer 1925, 90; Philippide 1928, 720; Jokl 1929, 285). Данное умоса-

⁵² Образована ок. 158–159 г. н. э., когда Дакия была разделена на три части: *Dacia Porolissensis*, *Dacia Apulensis* и *Dacia Malvensis*; последняя охватывала территорию совр. Зап. Баната и, возможно, часть Олтении (Кругликова 1955, 111).

ключение принял Г. Мейер (Meуer EWA, 256–257), присовокупив к дакийскому свидетельству иллирийский топоним *Dimalum*, отмеченный у Тита Ливия, и выявив родственные связи алб. *mal* с лтш. *mala* 'край, берег', ср.-ирл. *mala* 'ресница', ст.-слав. измолѣти 'eminege, ἐξέκεισθαι'⁵³. Касаясь соотношения значений румынского и албанского слов, Мейер привел в качестве точной аналогии нем. *Berg* 'гора' ~ слав. **bergъ* 'берег'. Из круга апеллативной лексики к данному гнезду также относятся: греч. *μολεῖν* 'пойти, прийти', *αὐτό-μολος* 'перебежчик', *προμολή* 'основание горы, исток реки', *μολεῦω* 'обрезать побеги у растений', ср.-ирл. *mell* 'большой шар', *mul* 'шар', др.-исл. *mól* 'вал из мелких камней, расположенный вдоль берега', лит. *malá* 'земля, область', *ramalis* 'окрестность', *jūrmala* 'морское побережье', *lygmala* 'возвышение (на краю)', лтш. *jūrmala* 'морской берег', *ramala* 'граница области', с.-хорв. *iz-mòliti* 'показаться, появиться', словен. *moliti* 'протянуть (руку)', *moléti* 'возвышаться, выступать' — все к и.-е. **mel-*, **mela-* : **mlō-* 'выступать наружу, появляться, возвышаться', **molā* 'берег' (Pokorny I, 721; Fraenkel I, 400–401).

Л. В. Куркина, реконструировавшая для праславянского этимологическое гнездо, представленное основами **mylěti*, **milati*, **moliti* со значением 'выступать, показываться из-за чего-либо'⁵⁴, приводит также субстантивные образования, сопоставимые с румынской и албанской лексемами: словен. *potót*, *móla* 'выступ, балкон, острие', *potólek* 'небольшое возвышение' (Куркина 1975, 36 со ссылкой на: Pleteršnik II, 142–143). Со своей стороны, добавим яркую восточнославянскую параллель в виде совершенно изолированного блр. (полесск.) *прымól* 'крутой берег реки' (Тур. сл. 4, 247), отражающего то же самое и.-е. **mol-*; к словообразовательной структуре ср. приво-

⁵³ Как убедительно показала Л. В. Куркина (Куркина 1975, 36), реально засвидетельствованные формы причастия наст. вр. измълѣци и имперфекта измълѣхъ, а также с.-хорв. *milati* дают основание полагать, что в словаре Миклошича, которым пользовался и Мейер, следовало бы дать в качестве заглавного слова инфинитив измълѣти, ср. СРЯ XI–XVIII вв. 6, 179: измълѣти 'выдаваться, торчать'.

⁵⁴ Против родства этих славянских форм с алб. *mal*, лтш. *mala* и пр. возражает ЭССЯ 9, 49, где для последних, вслед за Berneker II, 74, предлагается родство с **melti*, **molъ* 'молоть, тереть'; аналогичное мнение относительно др.-исл. *mól* см.: de Vries 401. Для полноты картины напомним и попытку доиндоевропейской этимологии рассматриваемого гнезда лексем, предпринятую К. Оштиром (Ostir 1928, 91), с привлечением пирен. *Malh* 'скала, утес', ибер. *Malodes mons*, баск. *malda* 'берег, возвышенность'.

дившееся выше греч. *προμόλη*. Возможно, сюда же и русск. новг. *вымол* 'исады, пристань' (Даль I, 299)⁵⁵. Здесь же уместно напомнить об остроумной попытке Г. Райхенкрона реконструировать незасвидетельствованное слав. **molъ* на основании его продолжения в рум. диал. *moalele capului* (Сев. Кришана и Семиградье) со значением 'макушка головы', ср. приводимый там же сербский топоним *Мол* между Суботицей и Новым Садом (Reichenkron 1940/1941, 161–162). К этому же славянскому наследию позволительно, как нам кажется, отнести необъяснимую с точки зрения вокализма румынскую диалектную форму *mol*, обычно произвольно трактуемую как вариант *mal* (Costin II, 129), и алб. диал. *mol* 'горное пастбище' (Мирдита — DSh IV, 111).

Чрезвычайно обильны свидетельства с корнем **mal-* (< **mol-*) в древней топонимике Балкан и прилегающих территорий. Помимо уже упоминавшихся *Dacia Malvensis* и *Dimallum* (также Δι-μόλη - совр. алб. МН *Dimale* 'Две горы' в Чамерии — Çabej 1959, 559), следует привести: дак. *Malva* — город [столица] в *Dacia Malvensis* на северном берегу Дуная, *Malianda* — обозначение Вифинии у Плиния (Plin. NH 5, 143), Μαλιεῖς, Μηλιεῖς — народ в Фессалии в районе κόλπος Μαλιακός (Strab. 1, 1, 17; 7, 32; St. B. 429, 19 etc.), Μαληνη — город в Мизии, Μαλια — город в Карию, Μαλιεύς — ликийский Демос, Μαλος, Μαλλος — киликийско-писидийский город (Detschew 283); иллир. *Malontum*, *Maluntum* (совр. *Molunat*) к югу от Рагузы, *Malata* — замок в Паннонии на пути вдоль Дуная, также остров в Сев. Далмации (совр. *Molät*), *Malavicum* — МН в Далмации, *Malvus* — в р-не Вышеграда (Mayer I, 217–218); Καπό-μαλβα — замок в Дардании (Proc. De ae. IV, 4 — Duridanov 1969, 45); иллир. ЛИ *Malabanus* в Истрии, *Malennius* — имя царя саллентинов, (?) *Maltinius* в Далмации (Krahe 1929, 71); также ГН *Malontina* в Каринтии, МН *Maletum* в Венеции, *Maleventum* в Самнии, *Malusia*, *mons Malusinus* в Норике, ЛИ Τριτύ-μαλλος, мессап. *mala-qañetas* в надписи из Лечче, gen. *malohiaihi* (Krahe 1955, 58, 101; ср. Poghirc 1969, 331, где приведено и дак. *Ad Malum* = совр. *Вудин*; Çabej SGj IV, 129). Грегуар связывал с топонимами, содержащими корень *mal-*, имя божества из Фессалии Μαλέατης и фессалийские топонимы *Maloea*, *Malloea* (Gregoire 1949, 27–29). В.П. Нерознак (Нерознак 1978, 183, 199) привлек к рассмотрению засвидетельствованные у Геси-

⁵⁵ За эту подсказку благодарю А.Ф. Журавлева.

хия: Μάλεοι ὄριοι, Μαλ.ια⁵⁶ ἀκρωτήριον τῆς Λακωνικῆς, эпитет Аполлона Μαλ[λ]όες, — и предложил считать Μάλεα (видимо, выведенное из Μάλεοι. — И.К.) “апеллятивом со значением ὄρος, ἀκρωτήριον ‘гора’, ‘вершина’”, не отличив при этом греч. ὄρος ‘граница, рубеж’ от ὄρος ‘гора’ (в действительности, Μάλειον ὄρος зафиксировано у Суды, ср. также Μάλειον ὄρος у Евстафия); там же (с. 183) дан не вполне адекватный перевод названия области *Dacia maluensis* = *Dacia ripensis* как ‘горная Дакия’ вместо ‘береговая, прибрежная’; сюда же без необходимых дополнительных комментариев (с. 199) автор отнес др.-макед. (по его мнению) Μαλειάων ὄρος (засвидетельствовано у Гомера в Od. 3, 287; 4, 515. — И.К.) и *Maloca, Malion*, к сожалению, также без ссылки на источник.

С известной долей вероятия к рассматриваемому кругу, помимо уже упомянутых топонимов, могут быть причислены некоторые названия мысов и горных вершин на территории Греции: Μαλέα (ион.), Μαλέη (эп.), Μάλεια, Μαλείη или Μαλειον, Μάλειον ὄρος, Μαλέαι, Μαλειάων ἄκρα, Μαλία и пр. — названия мыса на юго-востоке Лаконики и мыса на южном окончании о. Лесбос, Μαλόεις и Μαλλόες — эпиклеза Аполлона — покровителя стад в Митилене на Лесбосе, также гавань у мыса Μαλέα на Лесбосе со святилищем Аполлона, Μαλέας = Μάλιον, Μάλεος — мыс у гавани Феста на Крите, Μαλειών — местность в Аркадии, Μαλιαῖος κόλπος и Μᾶλιακός ὁ κόλπος, Μᾶλιεῖς — название народа в Фессалии, давшего имя заливу, Μαλιεύς — город малиев (Pape-Benseler II, 848–849 с указанием соответствующих источников и толкованиями в духе времени, например, к греч. μάλη = μασχάλη ‘подмышка, локоть’ или к μάλλος ‘клок шерсти’)⁵⁷. Небезынтересны и данные эпиграфики с противоположного берега Эгиды: Μαλε[οι] — МН в Мизии, возможно в р-не Прокоонесса, Μαλι[α] — МН в Карию, возможно в обл. Галикарнаса (ср. хетт. кл. МН *Maliya*, ГН *Maliya*, теоним *Maliya*, название горы *Malimaliya* и МН *Maliassa*), Μαλήνη — место на побережье Мизии напротив Митилены, Μαλ[ος] или Μαληνοι во Фригии, ср. Μαλός на берегу Галиса к северо-востоку от Анкары, ὁ Μάλου,

⁵⁶ Вероятно, вместо Μαλεια, ср.: Pape-Benseler II, 847.

⁵⁷ Там же приводятся многочисленные созвучные образования с территории Индии, Египта и Ближнего Востока, которые, видимо, следует трактовать иным образом, в связи с чем уместно напомнить строгое замечание Г. Мейера по поводу алб. *mal*: “Illyromanen haben das alb. Wort auch sonst in Ortsnamen als weit verbreitet finden wollen: der mit Vorliebe dazu gestellte Vorgebirgsname *Malea* ist sicher semitisch” (Meyer EWA, 257).

ὁ Μάλλου, Μαλλος в Писидии, Μαλυειη в Лидии, также эпиклеза Μητρί Μαλῆνη в надписи с неустановленным местом происхождения (Zgusta 1984, 358–361).

Довольно широк круг и внебалканских индоевропейских соответствий. Это, прежде всего, лтш. *Mal̃vis* — название реки, *Mal̃vju-ŗlava* — название луга, *M̃lveši* — название местности (Duridanov 1969, 45), трактуемые в контексте особой балкано-балтийской близости (Топоров 1984, 15; Топоров 1977, 62); сюда же лтш. ГН *M̃lta* — река, впадающая в озеро Leibāns, *M̃lta* — приток р. Рудне, *M̃lc̃enka* (< **M̃alt'̃enka*) и др., лит. ГН *Maltupuss* — все из **mel-/mol-* с расширителем *-t-* (Breibaks 1990, 47). Многочисленны кельтские свидетельства, коллекционированные Хольдером (Holder II, 394–399 с источниками): Μαλαῖος — ирландский остров (также *Malea*); *Malata* — МН в Pannonia inferior; *Malascus* — МН в окрестностях Каркассона (юг Франции); *Malauna*, *Malona* — река в Галлии, совр. *Malène*; *Malava* — название реки, совр. *Béal*; *Malbodium* вместо **Mallo-bodium* — МН в департаменте Норд (Франция), совр. *Maubeuge*; *Malia* — кельтибер. МН; Μαλίακα — МН в Астурии; *Malva* < **Malava* — название реки в деп. Луара, совр. *Mauve*; *Malvanus torrens* в деп. Приморские Альпы; а также весьма примечательное имя божества *Malvisae* в двух посвятельных надписях: In h(onorem) d(omus) d(ivinae) diabus Malvisis et Silvano Aur(elius) Verecundus ord. Brito(num) (Кельн, 188 г.) и [Ma]lvisis s(acrum) p(ro) s(alute) [im]p(eratoris) Caes(aris) M. Au[re(lii) Co]mmodi Anton(ini) [Aul]g. Pii [Fel(ícis)e]t [leg(ionis)] eiusdem [v(otum)] s(olvit) l(íbens) m(erito) (Нойкерк в окрестностях Гельдерна, 185–193 гг.).

Возвращаясь к интересующим нас алб. *mal* и рум. *mal*, отметим одну важную деталь их фонетического облика, препятствующую непосредственному возведению к палеобалканским формам, отражающим чистую основу **mal-*, а именно: *l* в них способно продолжать только сочетание *-ll-* для румынского, либо *l* + *C* (*C* = *l*, *n*, *s*, *w*) для албанского. Таким образом, на статус ближайших предшественников албанской и румынской форм могут претендовать палеобалканские топонимы с основой **mall-* resp. **malu-*.

Рум. *mázăre* ~ алб. *modhull(ë)* ~ дак. *μίζηλα*

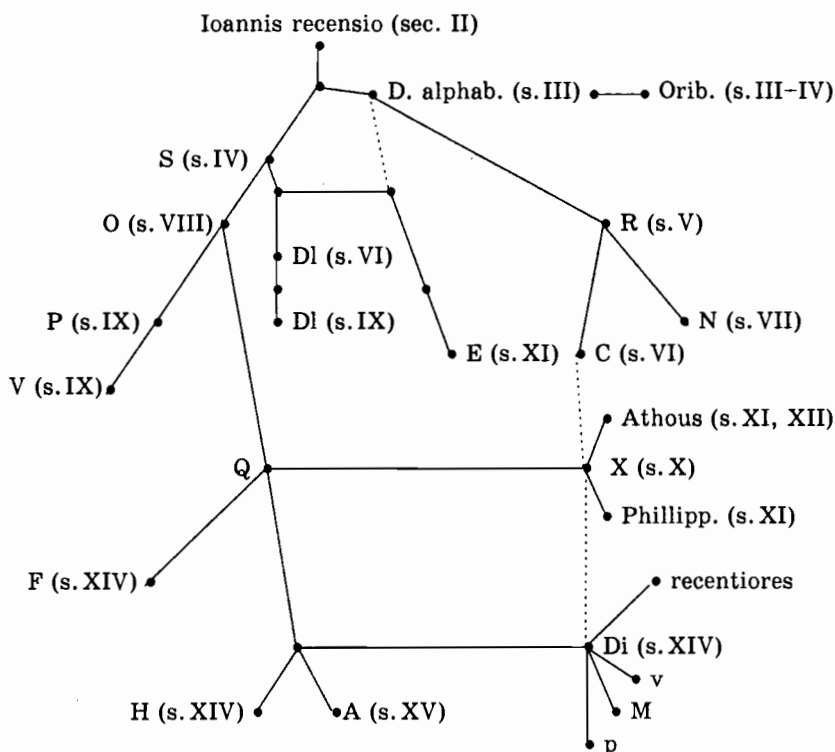
Рум. *mázăre* f. (вар. *mázare*, *măzăre*, *mázire*, *mázere*, *mázi-ne*, *mázine*, *másdere*) 'горох, *Pisum sativum*'; 'фасоль', также *mazăre alba* (Трансильвания, Банат, Марамуреш), диал. и в словосочетаниях *mazăre bixiță*, *mazăre mare*, *mazăre din bucate*, *mazăre de munte*, *mazăre de nutreț* 'названия различных видов бобовых'; диал. и *mazăre colțurată* 'бобы, *Lens culinaris*'; *mazăre turcească* 'нут, *Cicer arietinum*', *mazăre pădureață* 'душистый горошек, *Orobus niger*', *mazărea mișii* 'ярутка, трава семейства крестоцветных, *Thlapsi arvense*', также 'болезнь скота' и 'название народного танца'; *măzărică* 'название многих травянистых растений семейства бобовых: душистый горошек, вика (культурная и дикая)', 'чина, *Lathyrus tuberosus*', *măzărát* 'ветреница, *Lathyrus odoratus*', *măzărîche* 'названия различных видов вики — вьющегося растения с пурпурными или фиолетовыми цветами'; 'нут'; 'чечевица луговая', также 'град' и 'вид глистов' (DLR VI, 197–198, 334–335; ср. Tiktin II, 964); аром. *madzăre*, *madzîre* 'дикий горох' (Papaahagi s. v. v).

Алб. *modhull(ë)* f. 'вьющееся растение семейства мотыльковых, *Lathyrus arhаса*, чина, душистый горошек' (Fjalor 320), 'стручковое растение, похожее на вику, с длинным, вьющимся стеблем, растущее среди злаков, цепляясь за них, имеет мелкие, круглые семена черного цвета' (Fjalor 1980, 1160); *mollëz*, *modhë* 'Lathyrus' (Fjalor 320); также *modullë*, *motull* (Берат) 'боб' (Kristoforidi 247).

Албано-румынская пара идентифицирована Б.П. Хашдеу (Hasdeu. СВ I, 190–192), который вычленил в ней корень с конечным дентальным, родственный, по его мнению, кельт. *methur* 'пицца'. В то же самое время А. Пападопол-Калимах (Papadopol-Calimah 1881, 51) и Г. Точилеску (Tocilescu 1880, 569) связали албанскую и румынскую лексемы с известной дакийской глоссой из Лечебника Диоскорида *μίζηλα* 'Thymian', оперевшись при этом на не самую надежную фиксацию *μόζουλα* и отметив несовпадение предмета наименования. Это сближение было полностью принято Г. Вайгандом (Weigand 1927₁, 209), расценившим дак. *mozula*, *mizela*, в соответствии со своей концепцией фракийского генезиса албанского языка, в качестве источника праалб. **madzulla*, которое, в свою очередь, дало алб. *modhullë* и рум. *mazăre*. Объединяющим эти названия признаком Вайганд полагал наличие у соответствующих растений "kleiner runder Samen". Данное сопоставление не по-

лучило, однако, широкого признания по причине фонетических и семантических трудностей, см. возражения: Meyer EWA, 284–285; Philippide 1928, 720; Densusianu 1930, 406; Rosetti 1978, 279. С некоторыми оговорками принято Д. Дечевым (Deutschew 554) и Ч. Погирком (Poghirc 1969, 332), причем последний видит основную форму в фиксации μόζουλα. Для выяснения возможности установления родства современных балканских слов и дакийской глоссы представляется необходимым рассмотреть ее более внимательно.

Дак. μίζηλα 'Thymian, чабрец' зафиксирована в Лечебнике Диоскорида, жившего в Киликии в I в. н. э. (Dioscorides Pedanius: περί ὕλης ἰατρικῆς θύμος· οἱ δὲ θύμον, οἱ δὲ θύμος λευκός, οἱ δὲ ἐπιθυμῖς, οἰδὲ θύρσιον, Ῥωμαῖοι θούμουμ, Αἰγύπτιοι στέφανοι, Δάκοι μίζηλα, Θεῶσκοι μούτουκα (Diosc. III, 36, RV). Кроме названной формы в других кодексах встречаются написания μίζουλα (AH) и μόζουλα (Di). Для наглядности приведем стемму по изданию М. Вельмана (Wellmann 1898, II, 48):

Среди них наиболее значимыми для нас являются:

R = CN	C: Constantinop. Vind. 1
	N: Neapol. Vind. suppl. gr. 28
Di = Mpv	M: Matrit. pal. Reg. 44
	p: Paris 2183
	v: Marc. Ven. 271
A: Vindob. med. gr. 16	
H: Palat. 77	

Из вышеизложенной стеммы со всей очевидностью следует, что фиксации μόζουλα и μίζουла наличествуют в поздних и далеко не самых авторитетных рукописях, наиболее же старое и надежное засвидетельствование μίζηλα имеет место в Константинопольском (VI в.) и Неаполитанском (VII в.) списках.

Этимологическую интерпретацию дакийской глоссы впервые предложил В. Томашек (Tomaschek II, 27). Исходя из дальнейшего содержания текста Диоскорида, где говорится, что данное растение используют в качестве мочегонного средства (ἔστι δὲ καὶ οὐρητικόν), он связал μίζηλα с арм. *mizel-* 'suscum effundere, mingere' < и.-е. **meig'h-* 'мочить(ся)', сюда же с.-хорв. *mùžâm, mùžatu* 'мочиться' (< **mizō* : **mizjō* < **meig'hjō-*), русск. ГН *Мжа* < **Мъжа*, чеш. ГН *Mže*, укр. *мжа* 'изморось', *мжити* 'моросить', чеш. *mžíti* 'тж', голл. *miggelen* 'моросить', словен. *mzi, mæzi* 'течет', лит. *męžù, mįšti* 'мочиться', *mėžu, mėžti* 'унавоживать', лтш. *mēzu, mēzt* 'тж', др.-инд. *mēhati* 'мочится', *mēhas* 'моча', авест. *maēzaiti* 'мочится, удобряет', греч. ομείχειν 'мочиться', μοιχός 'прелюбодей', лат. *meiō, mingō* 'мочусь', др.-исл. *míga*, ср.-н.-нем. *mīgen* 'тж' (Фасмер II, 617, ср. Berneker II, 54; Pokorny I, 713). Однако подобный подход опирается на вырванное из контекста свидетельство, касающееся только одного из возможных применений растения, в то время как лечебный спектр его достаточно велик, что следует из всего пассажа: θύμος· γινώσκεται ὑπὸ πάντων. θαμνίσκιον φρυγανοειδές, φυλλαρίοις στενοῖς καὶ πολλοῖς περιειλημμένον, ἔχον ἐπ' ἄκρου κεφάλια ἄνθους (περίπλεα), πορφυρίζοντα, μάλιστα δὲ φύεται ἐν πετρώδεσι καὶ λεπτογείοις τόποις ... δύναμιν δὲ ἔχει πινόμενον μετὰ ἁλῶν καὶ ὄζου ἄγειν φλεγματῶδες κατὰ κοιλίαν. τὸ δὲ ἀφέψημα αὐτοῦ μετὰ μέλιτος ὀρθοπνοϊκοῖς καὶ ἀσθματικοῖς βοηθεῖ ἔλμινθας τε ἐξάγει καὶ ἔμμηνα καὶ δεύτερα καὶ ἔμβρυα ἄγει· ἔστι δὲ καὶ οὐρητικόν μιν γένε δὲ μέλιτι καὶ ἐκλειχθὲν εὐανάγωγα τὰ ἐκ θώρακος ποιεῖ. διαφορεῖ δὲ οἰδήματα πρόσφατα καταπλασθὲν μετ' ὄζου καὶ αἵματος θρόμβους διαλύει καὶ θύμους καὶ ἀκροχορδῶνας αἶρει καὶ ἰσχυαδικοῖς μετ' οἴνου καὶ ἀλφίτου ἐπιτεθὲν ἀρμόζει ἀμβλυποῦντας τε

ώφελεϊ ἔσθιόμενον ἐν τροφῇ. εὐχρηστον δὲ καὶ πρὸς τὴν ἐν υγείᾳ χρῆσιν ἀντὶ ἀρτύματος (Diosc. III, 36 RV, ed. Wellmann II, 48) “Тимьян: известен всем. Ветвистый кустик, обвитый многочисленными узкими листиками, имеющий на верхушке (многочисленные) багровеющие головки цветов, растет же преимущественно в каменистых и неплодородных местах ... Обладает же способностью, будучи выпитым с солями и уксусом, изгонять воспаление из желудка. А отвар его с медом помогает исправлению дыхания и астматикам, изгоняет глистов и месячные, и последы, и зародыши; является также мочегонным, а смешанный с медом и вылизанный, способствует легкому отхаркиванию из груди. Будучи намазан с уксусом, разрушает новые опухоли, рассасывает кровяные сгустки; сводит тимьян и височные бородавки, а употребленный с вином и ячменем, годится страдающим ишиасом; слабовидящим помогает, будучи добавлен в пищу. Полезен же, кроме того, и здоровым для употребления вместо приправы”.

Иной подход был предложен Д. Дечевым (Detschew 554), который основывался на том, что во многих языках тимьянчабрец получил свое название по сильному приятному запаху (ср. болг. *душица*, *душка*, с.-хорв. *dušica*), и членил слово как *μί-ζηλα*, связывая первую часть с и.-е. **mei-/mi-* ‘нежный, приятный, милый’ (слав. **milъ*, лит. *mielas, mylas* ‘милый’, др.-инд. *māyas* ‘услуга, удовольствие’, ирл. *mōith* ‘нежный’, греч. μέλον ‘приятный дар’ и пр.). Второй сегмент Дечев возводил к и.-е. **g'hel-* ‘зеленый; растение, трава’, широко представленному в палеобалканских языковых реликтах, в частности, у Диоскорида и Псевдо-Апулея: *δουώδηλα* ‘άμάρακον, кашка’ (Diosc. III, 138) ~ *diodela, ziodela* (Pseudoap. 89); *usazila* ‘lingua canina’ (Pseudoap. 97γ; по другим спискам: *azila om*, HA, *atilia V*, *usagila β*); *πριάδιλα* ‘βριωνία μέλαινα’ (Diosc. IV, 183, RV; *πριαδίλλα A*); *προπόδιλα* ‘πεντάφυλλον’ (Diosc. IV, 42 RV; *προπέδιλα N*, *προπεδουλά DiH*, *πρεπουδούλα A*) ~ *procedila* (Pseudoap. 2; *propedila Ha V*, *procila β*); *τεύδιλα* (Diosc. III, 35 RV; *τεύδειλα/N*) ~ *tanidila* ‘καλὰ μίνθη’ (Pseudoap. 91; *tavidila Cod. V, f, 12^v*); (?) *χόδελα* ‘χαμαίπιττος’ (Diosc. III, 158 RV; *ΧΟΔΕΛΑ N*; *δολεχά H*, *δοχελά Di*) ~ *doctila* (Pseudoap. 26; *dordila Orib.*, *docdila γ*, *doctila om. Ca β*); а также в фрак. ЛИ Ζηλικίνθιος, *Zelicintius*, *Zelycentius*, *Zilicentius* (Detschew 183), ср. фриг. ζέλκια· λάχανα (Hes.). При этом сам Дечев склонен толковать некоторые из последовательностей -δηλα, -διла и под. как восходящие к и.-е. **dhal-* ‘цвести’, однако подобное разделение, не основанное на

достаточных формальных и содержательных критериях, не представляется убедительным. Структурно-морфологические соображения подталкивают к заключению, что второй частью перечисленных сложений является дакийское обозначение 'травы, растения', продолжающее и.-е. **g'hel-*, что утверждал В. Георгиев (Георгиев 1977, 194–195), скомбинировав этимологии Томашека и Дечева и предложив объяснение $\mu\zeta\eta\lambda\alpha$ как композита **m(e)ig'he-[g'he]l(i)yo-m* с гаплогогией или как одноосновного образования **m(e)ig'hilo-* (Георгиев 1977, 196).

Обратимся теперь к этимологическим интерпретациям алб. *modhull(ë)* и рум. *mazăre*. В отношении последнего разброс мнений достаточно велик: от утверждений о независимом от албанского слова происхождении или "evidenter Zusammenhang mit Differenzen im einzelnen" (Solta 1980, 56) до мысли, наиболее определенно выраженной Г. Райхенкромом: "hier liegt wirklich ein rumänisches Lehnwort aus dem Albanischen vor" (Reichenkron 1966, 142; ср. Reichenkron 1958, 86–87); обзор иных точек зрения см.: Russu 1970, 175–177; Brâncuș 1983, 93–94.

Что же касается алб. *modhull(ë)*, то здесь имеется несколько известных этимологий. Так, Х. Барич (Barić 1919, 55–56) предложил сравнение с др.-инд. *māṣaḥ* 'боб', перс. *māš* 'горох', памир. *maḥ* 'тж', однако в этом случае не поддается объяснению звонкость палатального в исходе корня в албанском. Иной круг сопоставлений приведен Н. Йоклем, считавшим исходными формы с дентальным в корне слова — *modull, motull*: гот. *mats* 'пища', др.-в.-н. *maz*, англ.-сакс. и др.-сакс. *mōs* 'тж', н.-в.-н. *Mus* 'мягкая пища, каша' (< **mād-so-*), ирл. *maisse* 'пища', валл. *mesen* 'желудь' (Jokl 1923, 182–183) — все к и.-е. **mad-* 'мокрый, сырой; течь, в том числе о жире; сочный, жирный', ср. также др.-инд. *mādati* 'быть опьяненным радостью', греч. $\mu\alpha\delta\acute{\alpha}\omega$ 'расплываться', $\mu\alpha\delta\alpha\rho\acute{\sigma}$ 'жирный', лат. *ma-deo* 'быть влажным, сочным' (Pokorny I, 694–695). Внутри албанского Йокль связал рассматриваемую лексему с *manj* 'откармливать', *mazë* 'сливки', *madh* 'мамалыга'. Данное решение обнаруживает слабость как с формальной (*modull* и *motull*, несомненно, являются диалектными вариантами *modhullë*), так и с содержательной стороны. Наиболее перспективным, как будет показано ниже, нам представляется выдвинутое еще Г. Мейером (Meyer EWA, 284–285) и поддержанное Х. Педерсеном (Pedersen 1900, 335) сопоставление с лит. *māžas* 'маленький', *móžis* 'мелочь' (сюда же лтш. *mazs* 'маленький', др.-

прусск. *massais* 'меньше'), вопреки неаргументированному скепсису Френкеля (Fraenkel I, 422–423). В этом же русле лежит внешне заманчивая попытка В. Э. Орла усмотреть цельно-лексемное соответствие алб. *modhull(ə)* < праалб. **mādžul(j)a* в лит. *mažiūlis* 'младший (о ребенке)' (Orel 1987₂, 149), наталкивающаяся, однако, на серьезное расхождение в огласовке корня, что побуждает видеть здесь скорее сходный результат самостоятельного развития, нежели генуинное тождество.

На наш взгляд, более надежную перспективу в уяснении родственных связей описываемых балканских лексем открывает привлечение традиционно связываемого с приведенными балтийскими формами слав. *mězъ/ь* < **mĕg'h-os*, восстанавливаемого на основе слав. **mĕzinъjъ* 'меньший, младший', **mĕzilьсь* 'мизинец, младший сын' (ЭССЯ 18, 227–231, ср. Мартынов 1983, 77–78). Прежде всего, указанные славянские соответствия тождественны алб. *modhull(ə)* с точки зрения корневого вокализма (и.-е. **ē* > алб. *o*), тогда как балтийские параллели отражают иные ступени аблаута. Что касается содержательной стороны сближения, то в русских диалектах имеется ряд форм, обнаруживающих семантические потенции корня **mĕg'h*.⁵⁸ для называния растений: русск. костром. *мизюра* 'рябина' (видимо, по малому размеру плодов), ср. пск., твер. *мизюль* 'изюм', курск. *мизюля* 'то же', вят. *мизюра* 'изюм; мелкие пятна, крапинки' при помор. *мизюра* 'мизинец', свердл. *мизянка* 'растение *Dactylos glomerata* L., сем. злаков; ежа сборная' (СРНГ 18, 157; видимо, замена **ĕ* на *i* как в *мизинец*). Учитывая семантику продолжений и.-е. **meg'h* в балтославянском: с одной стороны, слав. 'маленький, младший', особенно 'младший ребенок в семье', лит. *mažylis* 'klein (von Kindern oder jungen Tieren)', *mažylis* 'das kleine Kind' (Kurschat A. Litauisch-deutsches Wörterbuch, II, 1970), с другой — алб. *modhull(ə)* 'чина (растение семейства бобовых)', рум. *ta-zăre* 'фасоль, горох', — нельзя не вспомнить о весьма распространенном в разных индоевропейских традициях сказочном сюжете о рождении долгожданного ребенка (обычно маленького размера — "мальчика-с-пальчик", "дюймовочки" и т. п.) или непосредственно из горошины, или в результате ее про-

⁵⁸ Мы намеренно оставляем в стороне проблему соотношения рассматриваемого корня с и.-е. **mĕg'h* 'большой' и далее — с и.-е. **mĕ-t*, **mĕ* 'считать, мерить', впервые поднятую К. Мюленбахом и Я. Эндзелином и развернутую В. А. Меркуловой (ЭССЯ 18, 129–130).

глатывания, ср. показательное имя соответствующего персонажа украинских сказок *Покатитгорошек*.

К сказанному следует добавить, что рассмотренный случай наименования растений по "мелкости" их самих или отдельных частей и плодов носит неизолированный характер, ср. использование в аналогичной функции производных слав. **malъ*: с.-хорв. *малић* 'вид сухой низкой травы', *маљак* 'тж', с.-хорв. *маљѣнка* 'сорт яблок, груш', *маљич* 'вид сосны, низкой с широким корневищем', польск. *maliczka* 'растение семейства миртовых, *leptospermum*', *malik* 'пустой лесной орех-свистун, пух *Abellana vasua*', русск. диал. (новосиб.) *маљчик* 'домашний цветок с длинными мелкими листьями' (ЭССЯ 17, 153, 156–157, 164–165, 182 со ссылками на источники); аналогично также русск. диал. (олон., горно-алт.) *мелка́ч* 'мелкий лес', (арх.) *мелкаш* 'тж', (перм.) *мѣлкое* 'огородные овощи', (екатеринб., перм.) *мелушняк* 'растение *Veronica longifolia* L.; вероника длиннолистная', (арх.) *мелчняк* 'мелкий кустарник' (СРНГ 18, 98–99, 103) и пр. На этом фоне открывается принципиально новая возможность этимологической интерпретации славянского названия кустарника *Rubus idaeus* и растущих на нем ягод — **malina*, как образования от **malъ* 'маленький' с суфф. *-ina*, ср. русск. диал. (пск.) *ма́лина* 'малое количество чего-либо; малорослый человек' (СРНГ 17, 326–327), др.-русск. *малина* 'малость, незначительность по величине' (СРЯ XI–XVII вв. 9, 14), с.-хорв. *malina* 'малое число; меньшинство; мелочь' (RSHJ VI, 417); к семантике ср. приведенное выше русск. диал. *мизюра* 'рябина'. Предложенное решение не уступает, как нам кажется, традиционной этимологии, толкующей **malina* исходя из цветового признака, в одном ряду с лит. *mėlynas* 'голубой', *mėlyna* 'пятно', лтш. *melns* 'черный', др.-прусск. *mīlinan* асс. sg. 'пятно', *melne* 'синее пятно', брет. *melen* 'желтоватый', др.-в.-н. *ana-máli* 'пятно, шрам, рубец', ср.-в.-н. *mál* 'пятно', гот. *mēla* 'письменный знак', греч. *μέλας* 'черный', *μολύνω* 'оскверняю, пачкаю', лат. *mulleus* 'красный, багряный', др.-инд. *málas*, *málam* 'грязь, нечистоты', *malinás* 'нечистый, черный' < и.-е. **mel-* 'черный, темный' (Verneker II, 12; Фасмер III, 563; БЕР 3, 627; ЭССЯ 17, 158–160). Более того, предложенный выше подход в большей мере проясняет морфологическую структуру слав. **malina*, включая его в ряд стереотипных образований: **kalina* (< **kaľъ* + *-ina*), **ežina* (< **ežь* + *-ina*), **smordina* (< **smordъ* + *-ina*), **krušina* (< **kruxъ* + *-ina*), **lěščina* (< **lěska* + *-ina*), **bъzina* (< **bъzъ* + *-ina*) и под. С точ-

ки зрения семантики показательны болг. диал. *малеле* pl. 'название ягод малины' (БЕР 3, 626), а также русск. диал. *меледа* 'о мелких предметах, ягодах': *Ноне нет крупных ягод на малиннике, все там какая-то меледа* (СРНГ 18, 95). В свете изложенного, наверное, следует уменьшить скепсис в отношении сближения П. Скоком (Skok II, 363) серб. *малина* с чак. *мѐл* 'мелкий песок' (ЭССЯ 17, 160).

Возвращаясь к непосредственно обсуждаемой здесь проблеме, следует констатировать, что генетическая связь алб. *тоdhull(ə)* (resp. рум. *mazăre*) с гнездом слав. **mězъ/ь* и далее — с лит. *mōžis, māžas*, лтш. *mazs*, представляется достаточно надежно установленной. Остается проблема поиска решения, способного прояснить соотношение современных балканских форм с дак. *μίζηλα*. При том что, на первый взгляд, они несводимы к единому формальному прототипу и, к тому же, различны семантически, исследователи интуитивно ощущали их внутреннюю взаимосвязь, ср. хотя бы мнение И. Шиадбея: "...невозможно представить, чтобы дорумынская форма [μίζηλα. — И.К.] исчезла в протороманской области, поскольку слово *та(d)zăre* 'горох' распространено сейчас и в дакорумынском, и в арумунском" (Şiadbei 1958, 184). Возвращаясь к рассмотрению фонетического облика дак. *μίζηλα*, следует напомнить, что для греко-латинских передач фракийских и дакийских языковых реликтов весьма характерна мена η/ε/ει/ι resp. *e/i*. В качестве показательного примера можно привести фракийское название вина, дошедшее в следующих записях: ζελᾶς (Choerob. 124, 11. Gaisf.), ζήλας (Cobetī excerpta e cod. Marciano 489), ζειλά (Phot. Lex.), ζίλαι· ὁ οἶνος παρὰ Θραξί (Hes.) < и.-е. **g'hēla*, ср. греч. χάλις 'неперебродившее вино', макед. κάλιθος. οἶνος (Hes.), др.-инд. *hālā* 'водка' (Detschew 180); подобные случаи могут быть легко умножены: Ζιμαρχος ~ Ζημαρχος, Κενθος ~ Κεντις ~ Κιντος, Κεδριπολις ~ Κεδρηπολις, Κοθήλας ~ *Gudila*, 'Οδησός ~ 'Οδεσός ~ *Odissos*, Ποσσεις ~ Ποσσης ~ Ποσσις (Detschew s. v. v.) и т. п. Указанное явление может быть связано как с относительно узким произношением *ē* во фракийском, так и с влиянием греческого итацизма. Исходя из сказанного, можно заключить, что *ι* в *μίζηλα* способно отражать **ē* и в принципе допустимо существование греческой фиксации этого слова в виде **μήζηλα*, продолжающей уже рассмотренное нами и.-е. **mēg'h-*. Форма типа **mēdzēla* вполне закономерно должна была развиваться в алб. *módhull(ə)* (**ē* > *o*, безударное *o* сузилось в *u*) и рум. *máză-*

Рум. *mînz* ~ алб. *mëz* ~ иллир. *Menzanas* ~ фрак. MEZENAI

Рум. *mînz* м. (вар. *mănz*, *mînț*, *mîns*) 'детеныш (мужского пола) кобылы в возрасте от нескольких недель до трех лет, жеребенок'; (устар. и рег.) 'осленок, верблюжонок'; 'эпитет ребенка (шаловливого, непоседливого) или молодого мужчины'; (рег. с собират. значением) 'мотки пряжи, свисающие по бокам ткацкого станка'; (рег.) 'било у цепя'; (Молдова) 'бревна в плоте, связанные жгутом или кожаной лентой' (DLR s. n. VI, 710–711); аром. *măndzu*, *mîndzu* 'жеребенок' (Parahagi s. v. v.); мегл. *mõnz* (Capidan 1935 s. v.).

Алб. *mëz*, *-i* м. 'жеребенок' (Fjalor 1980, 1133), рег. *mâz*, *maz* (Fjalor 295).

Уже В. Штир (Stier — KZ 1863, XI, 148) удачно отождествил албанское и румынское слова с упоминаемым Фестом именем божества у племени саллентинов в Южной Калабрии: *Sal-lentînî, apud quos Menzanae Iovî dicātus* (sc. equos) *vîvos conicitur in ignem* "Саллентины, у которых Юпитеру Мензану принося жертву (sc. лошадей) живых бросают в огонь" (Festus p. 190, ed. M. Lindsay), что с теми или иными оговорками принимается практически всеми исследователями (Densusianu 1901, 29; Philippide 1928, 723; Çabej 1936, 51–52; Pușcariu 1940, 179; Rosetti 1978, 279; Poghiric 1969, 332; Russu 1970, 180–181; Brîncuș 1966, 216–218; Brîncuș 1983, 97–100; Solta 1980, 42–44).

Г. Мейер (Meyer EWA, 276), приняв это сопоставление и реконструировав праалб. **manza* < **mandja* < **mondjo-*, связал *mëz*, вслед за Томашеком (Tomaschek — BB 1885, IX, 101), с алб. *mënd* 'сосать' < **mend-* (ср.: Pokorny I, 729) и далее — с греч. *μαστός* 'женская грудь' < **μαδ-τός* < **mnd-to-*, др.-в.-н. *manzon* м. pl. 'соски' < **mond-*, возможно, др.-инд. *māndati*, *mādati* 'течет, струится' (иначе: Pokorny I, 694–695); он квалифицировал алб. *mëz* и рум. *mînz*, равно как и романские формы (грэдн. *tants* 'бык', *mánzä* 'телка', итал. *manzo* 'бык', сард. *manzu* 'молодой бык', триест. *manza* 'молодая корова'; баэр. *manz*, *menz* 'бесплодная корова', рейн. *Minzekalb* 'телка'; сюда же энгад. *manz* 'бычок', др.-берг. *mandz* 'тж', *mandza* 'телка', корс. *mandzoni* 'кличка быка', валлон. *mõs* 'бесплодная корова', н.-в.-нем. [тирольск.] *Manz*, *Menz* 'тж' — Meyer-Lübke REW, № 5289 с иной интерпретацией < лат. **mandius* от *mandere* 'жевать', ср. Pușcariu 1905, № 1092) в качестве "ein illyrisches Alpenwort", подобно алб. *lopë* 'корова'.

Г. Краэ (Краhe 1955, 84–85, 103, 115) отнес к иллирийскому источнику лат. *mannus* 'малорослая лошадь галльской породы' (< иллир. **manda*-), добавив к этому гнезду иллир. ЛИ *Menda*, *Mandeta* и МН в Калабрии *Manduria* (Liv. 27, 15; Plin. 2, 102), Μανδύριον (St. Β. s. v.); *Mandonia* в Лукании и Μανδαραί в Македонии. В этот круг можно включить еще фрак. ЛИ Μενδας m. (р-н Византия), МН Μένδη, Μένδα, *Mendaeum*, *Mendae* — город ситонов на п-ве Паллена, Μενδαῖοι, Μίνδαῖοι — жители города, Μενδήϊς — имя нимфы, родившей п-ов Паллену от Ситона (Detschew 293–294), а также родственные кельтские формы: ср.-ирл. *menn* (**mendo*-), *mennan* 'молодое животное, теленок, жеребенок', гаэльск. *minnseach* 'козленок', валл. *mynnan* 'детеныш', корн. *min* 'козленок', брет. *menn* 'молодое животное', *menn gavr* 'козленок', возможно, также галльск. МН *Epo-manduo-durum*, брит. МН *Mandu-essedum*, баэр. ГН *Mindel* (Pokorny I, 729), ЛИ *Mendus* m. и *Menda* f. (Holder II, 549). Особняком стоит баск. *mando* 'мул', побуждая одних видеть во всей рассматриваемой группе доиндоевропейское наследие (Hubschmid 1954, 28 f. с литерат.), других (что, на наш взгляд, более вероятно) — кельтское заимствование в баскском (Treimer 1914, 406, N. 2, ср. Ernout-Meillet 558).

Вл. Георгиев (Георгиев 1977, 111–114) усматривал фракийский эквивалент иллир. *Menzanas* в последнем фрагменте известной фракийской надписи на перстне из Арабаджийского кургана (V в. до н. э.), входящего в комплекс некрополя у с. Дуванли: ΝΥΣ ΙΗ.....ΔΕΛΕ ΜΕΖΕΝΑΙ. По его мнению, поскольку данная надпись сопровождает изображение конного всадника, она должна находиться в тесной связи с содержанием рисунка, и буквенная последовательность ΜΕΖΕΝΑΙ может быть сопоставлена с иллирийской, албанской и румынской формами. Сюда же им отнесено и фрак. ЛИ Μεζαναα (Detschew, 291). Μεζεναι, которое, по Георгиеву, буквально означает "конник", является именем известного фракийского конного божества, встречающегося на множестве рельефов, найденных в восточной части Балканского п-ова. Вся надпись интерпретируется Георгиевым как "могущественный (или быстрый, животворный), помоги ... защитить, всадник". Выпадение первого ν в фрак. Μεζεναι Георгиев объясняет диссимиляторомным воздействием второго ν или позицией перед ζ, как и в алб. *mëz*. Данное построение болгарского ученого вызывает ряд возражений. Прежде всего отметим, что вышеназванный фонетический процесс (выпадение ν) не подтверждается, насколько нам известно, на-

личным фракийским языковым материалом; аналогия с албанским здесь неуместна, так как деназализация \tilde{a} является там достаточно поздним диалектным процессом (Çabej 1959₁, 553).

Кроме того, неоспорна и сама изложенная выше интерпретация надписи. Так, болгарский исследователь С. Калоянов (Калоянов 1988) предложил новое и, как нам кажется, более убедительное ее прочтение. Обратив внимание на найденные в соседнем с Арабаджийским, Башовом, кургане четыре серебряных сосуда, содержащих одну и ту же надпись: ΔΑΔΑΛΕΜΕ, а также учитывая плохую сохранность знаков в надписи на перстне, дающую возможность альтернативных прочтений (например, первый публикатор надписи Б. Филов читает интересующий нас фрагмент как Μεζηνυλί — цит. по: Detschew 291), автор предлагает следующую реконструкцию Арабаджийской надписи: ΗΥΣ ΙΗ ΔΑΔΑΛΕΜΕ ΖΗΝΑΙ. При этом оказывается, что эпиграфический материал двух соседних и, видимо, связанных между собой захоронений (не исключено, что они принадлежали родственникам) содержит одинаковую графическую последовательность ΔΑΔΑΛΕΜΕ. Сегмент ΙΗ известен и по другим фракийским надписям, в частности на фиале из с. Браничево (Георгиев 1977, 137, 138), и представляет собой, возможно, некое числовое обозначение, например, дату или год. Комплекс Ζηναί идентичен фрак. ΛΙΙ Ζηνας (Detschew 184). Таким образом, несмотря на некоторые допущения, носящие, однако, системный характер, интерпретация надписи С. Калояновым имеет очевидные преимущества. Таким образом, соотнесение фрагмента Μεζηνυσι с иллир. *Menzana*, алб. *mëz* и рум. *mînz* не может быть принято (иначе см.: Poghirc 1969, 332; Brâncuș 1983, 97).

Что касается генезиса алб. *mëz* (гер. *mâz*) и рум. *mînz*, их соотношения с иллир. *Menzanas* и другими перечисленными формами, то здесь необходимо учитывать следующие обстоятельства. Фонетический облик обоих слов позволяет реконструировать, в отличие от Мейера, однозначно восстанавливавшего для албанского ступень *o* (см. выше), праформу как с *o*-, так и с *e*-огласовкой, ср. алб. тоск. *rërë*, гер. *ranë* 'песок' < лат. *arëna*, тоск. *qëndër*, гер. *qandër* 'центр' < лат. *centrum*, тоск. *mënd*, гер. *mand* 'ум' < лат. *mëns*, *mentis*, рум. *vînt* 'ветер' < лат. *ventum* и пр. Таким образом, алб. *mëz* и рум. *mînz* могут отражать тот же прототип, что и иллир. *Menzanas*, кельт. **mendos* (Holder II, 549). Иную ступень аблаута представляют лат. *mannus*, баск. *tando* и приведенные выше романские соответствия. К сожалению, мы не располагаем более точными

фонетическими критериями для определения того, восходит ли румынская лексема к албанской, обе они — к иллирийской или все три — к какому-то общему прототипу. Косвенным указанием на более тесную близость между балканскими формами может служить их семантика — обозначение детеныша лошади, в отличие от кельтских и романских наименований детенышей крупного и мелкого рогатого скота.

Рум. *strungă* ~ алб. *shtrungë* ~ фрак. Στρούγγες

Рум. *strungă* f. 'огороженное место в загоне для овец; узкий выход из этого места, через который овцы по одной идут на дойку'; 'узкий проход в горах, дефиле, ущелье', 'щель между зубами' (DLRM 811; Tiktin III, 1520–1521); аром. *strungă* (Paparagi s. v.), мегл. *strungă* (Capidan 1935, s. v.), истр. *strungă* (CL IX, 206).

Алб. *shtrungë* f. 'узкий проход около входа в загон, каменный или плетеный, через который овцы и козы проходят после дойки; огороженное место в загоне, куда загоняют овец и коз и оттуда выгоняют по одной через узкий проход, чтобы подойти' (Fjalor 1980, 1942).

Слово распространено во всех языках и диалектах карпато-балканского ареала; исчерпывающий материал о семантике и географии лексемы собран в: Клепикова 1974, 182–201.

В. Томашек, каталогизируя фракийские местные названия, сопоставил упомянутое Прокопием (Proc. De aed. IV, 4) наименование крепости в районе Ремезианы Στρούγγες с алб. *shtrungë* (Tomashek II 2, 82). Данное отождествление, принятое целым рядом исследователей (Philippide 1925, 442–443; Poghirc 1969, 334; Russu 1970, 199–202; Дуриданов 1968, 406; Топоров 1977, 106; Brâncuș 1983, 118 и др.), при всей своей формальной привлекательности столь же мало доказуемо, сколь и опровержимо, что обусловлено семантической "пустотой" палеобалканского топонимического компонента.

Означенная лексическая группа представляет богатую почву для разнообразных этимологических построений. Кратко обозревая имеющиеся версии, отметим, прежде всего, те из них, которые исходят из понятия 'узкий, тесный' и связывают балканские лексемы с и.-е. **strenk-*, **streng-* 'тугой, стянутый, стиснутый; веревка, свертывать, стягивать' (греч. στραγγός 'скрученный', στραγγύεσθαι 'крутиться, извиваться, протискиваться', στραγγάλη 'веревка, канат', στραγγαλεύω 'задушить, удавить', στρου-

γύλος < *στραγγύλος 'скрученный' = 'круглый'; ср.-ирл. *srengim* 'тянуть, тащить', *sreng* 'канат'; лтш. *stringt* 'быть тугим, натянутым' и пр. — Pokorny I, 1036–1037; Jokl 1911, 89 (алб. < **strng-*, сюда же и лат. *stringo* 'затягивать, стягивать'); аналогично — Poghirc 1969, 334; Russu 1970, 199–202; Десницкая 1978, 156–157; Solta 1980, 39–40; Rădulescu 1981, 64–65.

Против отождествления балк. **strunga* с и.-е. **streng-* возражал Э. Хэмп (Hamp 1977, 113–117), реконструируя "протоалбаноидный" прототип **stronH-ga-*, образованный от основы **stronH-* < и.-е. **ster-* 'расширять, расстилать, простирать, рассыпать': др.-инд. *strñāti* 'сыплет, бросает', греч. στέρνωσι 'стлать', алб. *shtrinj* 'растягивать, раскладывать' (< **strñio-*), лат. *stërno* 'расстилать, распространять, разбрасывать' и пр. (Pokorny I, 1029–1030). При этом он утверждал, что **strunga* не имеет ничего общего с понятием 'узкий', а названа так по каким-то своим конструктивным особенностям либо по местоположению.

Х. Барич (AAS 1923, I, 154–155) предложил трактовать алб. *shtrungë* < и.-е. **sm̥-tronka-*: первая часть = и.-е. **sem-* 'eins, zusammen' (Pokorny I, 902–903); ко второй ср. нем. *Gedrang* 'давка, толкотня', *drängen* 'теснить, напирать', гот. *þreihan* 'тж' и пр. (Pokorny I, 1093), что приводит на память такую занятную по своей внутренней форме параллель, как слав. **sotěsĭka-*: чеш. *soutěska* 'узкое горное ущелье', словен. *sutěska* 'тж', с.-хорв. *sùtjeska* 'тж', укр. *сyмісок* 'узкая, тесная улица, узкий проход' (об этимологии и специфике последней см.: Иллич-Свитыч 1960, 227–228). Напомним также попытку связать **strunga* с и.-е. **sreu-* 'струиться, течь' (Pascu — Archivum Romanicum X, 473; Philippide 1928, 735).

Э. Чабей объяснял алб. *shtrungë* на собственно албанской почве, как deverбалив от глагола *shtroj* 'расстилать (в том числе постель)' + суф. *-ungë-*, приведя некоторые не слишком убедительные свидетельства в пользу того, что первоначальным значением лексемы было 'место для ночлега' (Çabej SGj II, 157–158; III, 291). Кроме того, существует мнение о заимствованном характере албанского и румынского слова: либо из слав. **stroga* (Weigand — JRIW 1910, XVI, 222–229; Vasmer — Rocznik sławistyczny 1909, II, 27–28), либо из ср.-греч. στρούγ-ка (Moutsos 1972, 255–265 с подробным обзором имеющихся этимологий). Обзор более старых этимологий см.: Russu 1970, 199–200; Brâncuș 1983, 118. Легко видеть, что ни одно из предложенных решений не может быть признано окончательным, а внушительное число продолжений и.-е. *(s)ter- (Pokorny

I, 1022–1033) вкупе с их семантическим разнообразием оставляет широкий простор для этимологической комбинаторики.

Наиболее продуктивной представляется нам попытка И. Дуриданова (Дуриданов 1968, 404–406) конкретизировать этимологию балт. **strunga*, найдя для него цельнолексемное балтийское соответствие: лтш. *strūoga* ‘узкий промежуток между двумя зданиями или двумя лесами’ < балт. **strangā* < и.-е. **strongā*, аблаутного варианта упомянутого выше и.-е. **streng-* (ср. Fraenkel II, 928). Особенно важным это оказывается для интерпретации таких южнославянских форм, как болг. *стрѣга* (диал. вар. *страга*, *спруга*) ‘узкий проход в загоне для овец, через который их пропускают по одной, для того чтобы подоить или постричь’, ‘тропа, по которой овцы входят и выходят из кошары’, ‘тропа в лесу, по которой обычно передвигаются дикие звери’, ‘проход в огороженное место’ (Геров 5, 272), макед. диал. *страга* ‘узкое место в кошаре или у выхода из загона, через которое пропускают овец перед дойкой’ (РМЖ III, 335), с.-хорв. диал. *strūga* ‘отверстие, дыра в заборе’, ‘вход в загон для овец’ [Черногория], ‘узкий проход в кошаре, куда переходят овцы при дойке’ [Лика], ‘дорога в горах через пролом, где можно пройти только поодиночке; отверстие для прогона овец’ [Сербия], ‘большие ворота, через которые выходят со двора’ [центр. Далмация], ‘узкое место в кошаре, к которому подгоняют мелкий скот для дойки’ [Герцеговина] (RHSJ XVI, 774). Дуриданов трактует “праужнослав.” **stroga* как очень раннее заимствование, проникшее в эти языки непосредственно из языка местного дославянского населения до появления носовых (ср. аналогичное мнение: Popović 1960, 613; Bernar 1970, 733; Бернштейн–Гиндин–Клепикова 1983, 12)⁵⁹. Прокопиево Стрѹуѣс болгарский лингвист объясняет как передачу дак. **Strunges*, в которой на романской почве *u > o*, ср. встречающийся в латинских надписях Балканского п-ова формы типа *hunc* вм. *hunc*, *nomero* вм. *numero* и под. (Mihăescu 1960, 71).

Распространенные на севере карпатского ареала формы: словц. *strunga*, чеш. (мор.) *strunga*, укр. *спрунга*, *спрунка*, польск. *strąga*, венг. *sztzunga*, *esztzunga*, *esztzunga*, *sztzunga*, равно как и засвидетельствованные на Балканах: греч. στρѹуѣс, с.-хорв. *strunga*, — проникли в эти языки и диалекты прямо или опосредованно от средневековых валашских пастухов.

⁵⁹ Если только рассмотренные факты не относятся к числу балтийско-южнославянских изоглосс, что кардинально изменило бы всю картину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что количество румыно-албанских лексических соответствий, которые можно с уверенностью отнести к наследию палеобалканского субстрата, крайне ограничено.

Сам же состав корпуса румыно-албанских соответствий весьма неоднороден и включает элементы различного генезиса: собственно палеобалканские реликты; раннесредневековые заимствования из албанского в румынский (точнее: из “раннедревнеалбанского”, по терминологии А. В. Десницкой, в “проторумынский” или “общерумынский”), предшествовавшие славянскому влиянию; относительно поздние албанизмы, занесенные в диалекты Трансильвании с какой-то переселенческой волной; латинизмы, попавшие в румынский через раннедревнеалбанское посредство; проторумынские элементы в албанском; общие романские элементы; общие славянские и тюркские заимствования.

Из этимологического анализа потенциально субстратных элементов следует, что, несомненно, наибольшей прогностической и доказательной силой обладают сопоставления с глоссами, когда можно опереться не только на формальное сходство, но и на содержательную сторону сравниваемых фактов (рум. *arġea* ~ др.-макед. ἄργελλα ~ фрак. ἄργιλος; рум. *bască* ~ алб. *bashkë* ~ др.-макед. βάσκοι, βασκευταί; рум. *mazăre* ~ алб. *modhullë* ~ дак. μίζηλα); несколько уступают им по достоверности сближения с палеобалканскими ономастическими лексемами, для которых можно более или менее надежно реконструировать их значение с помощью внутренних и внешних косвенных ресурсов (рум. *bălaur* ~ алб. *bullar* - догреч. Βέλλερος ~ фрак. Βολουρος; рум. *buză* ~ алб. *buzë* ~ фрак. Βύζας, Βυζάντιον; рум. *mal* ~ алб. *mal* ~ фрак. *Malva*, *Malvensis*, иллир. *Malontum*; рум. *mînz* ~ алб. *mëz* ~ иллир. *Jupiter Menzanas*), и, наконец, на последнем месте по степени достоверности находятся сопоставления с ономастическими единицами, тождественными только в плане выражения (рум. *codru* ~ алб. *kodër* ~ иллир. *Codrione*; рум. *strungă* ~ алб. *shtrungë* ~ фрак. Στρόγγες).

Внимательное рассмотрение материала и более детальный этимологический анализ демонстрируют также, что далеко не все предлагавшиеся в то или иное время сопоставления румыно-албанских пар с древнебалканскими языковыми фактами могут быть приняты (рум. *abure* - алб. *avull* - иллир. *Atābulos*, рум. *baltă* - алб. *baltë* - фрак. Δεβελτός, *Dibaltim*; рум. *băl, bălan* - алб. *balash, balosh* - иллир. Βαλίος, βαλίός; рум. *bască* - алб. *bashkë* - фрак. βασσάραι; рум. *brusture* - алб. *brushtullë* - дак. *riborasta*; рум. *druete* - алб. *dru* - дак. Δρουβητίς, *Drubeta, Drobeta*).

Румыно-албанские параллели демонстрируют сепаратные схождения как с иллирийскими (*Menzana, Codrione*), так и с фрако-дакийскими реликтами (μίσηλα, Στρούγγες); одновременно имеется ряд случаев, когда палеобалканская сторона представлена и иллирийскими, и фракийскими соответствиями (фрак. Βύζος, Βυζάντιον - иллир. *Beuzas, Beusas, Busio*; фрак. *Malva, Malvensis* - иллир. *Malontum*); учитывая скудость и фрагментарность материала древнебалканских языков, а также трудность однозначной этноязыковой атрибуции многих фактов, нам представляется предпочтительным употреблять по отношению к выявленным в современных языках реликтам менее обязывающие в плане этноязыковой атрибуции термины "палеобалканский" или "автохтонный".

Несомненно, что в румынском языке существуют палеобалканские элементы, не отраженные в албанском (рум. *argea*; обычно приводимая в качестве албанского соответствия диалектная форма *ragal* является, как было показано, локальным славянским заимствованием).

Выявление нескольких единичных случаев палеобалканских субстратных проникновений в южнославянские языки (с.-хорв. *blāvōr, мулāvār* — через далматинское посредство, болг. *буза*, ю.-слав. **stroga*) свидетельствует о крайне ограниченных языковых контактах, поскольку к моменту прихода славян на Балканы местные языки, видимо, уже в значительной степени были утрачены населением, воспринявшим латынь балканских провинций Римской империи.

В целом вырисовывающаяся картина носит достаточно пестрый и мозаичный характер, что свидетельствует о трудности однозначного и прямолинейного решения вопроса о палеобалканских элементах в современных балканских языках: мы вынуждены констатировать, что процессы языкового взаимодействия в балканском ареале всегда были достаточно запутанны

и характеризовались разнообразной хронотопической привязкой. Как справедливо отмечал Л. А. Гиндин, “трудно найти в Европе другой географический район, где бы проблемы субстрата были столь же актуальны и столь же осложнены, как в языковой и этнической истории Балканского п-ова” (Гиндин 1976, 48).

Тезис о том, что субстратно-адстратные отношения балканских языков в древности были весьма прихотливы, может быть проиллюстрирован одним примечательным примером. Речь идет о названиях столь традиционно значимой для Балкан сельскохозяйственной культуры, как виноград. Это, прежде всего, рум. *strugure* м. ‘виноград (ягоды)’, ‘кисть, гроздь винограда’, ‘крыжовник’, в котором, согласно прозорливой догадке В. Георгиева (Georgiev 1968, 16–17), отразилось дакийское слово, сближаемое им с греч. ῥάξ, ген. ῥαγός, ион. и позднегреч. ῥάξ, ῥωγός ‘виноград’, др.-макед. ῥάματα βοοτρύχια, σταφυλῖς. Μακεδόνες (Hes.) ‘кудри, локоны; виноградные кисти, ягоды’ < *ραγματα < *srāg-mñt-, лат. *frāgum* ‘клубника’ — все из *srāg¹. При этом *sr- > дак. *str-*, *ā > дак. *o* > рум. *u*, *-l- > рум. *-r-*; сюда же Георгиевым отнесено и лат. *racēmus* ‘виноград’ с допущением, что глухота *s* указывает на этрусское посредство. Поскольку, как мы уже говорили, разграничение фракийского и дакийского, предложенное В. Георгиевым, в настоящее время значительно устарело, представляется более приемлемым видеть в рум. *strugure* фракийский или фрако-дакийский реликт, тем более, что убедительный пример преобразования сочетания *sr- > str- обнаруживается в названии главной реки Фракии Στρυών < и.-е. *sreu-* ‘течь’, а также во фракийском наименовании Дуная Ἰστρός, *Histros*, *Hister*, *Ister* < *Isros, ср. греч. ἱερός ‘великий, священный’, др.-инд. *iśiráh* ‘сильный, крепкий, живой’. Что касается развития *ā, то для фракийского вполне надежно засвидетельствованы такие его рефлексy, как ē и ā (Георгиев 1977, 164–165). Попытка Георгиева доказать для дакийского самостоятельный и относительно поздний переход ā > ō с последующим сужением в *u* (Георгиев 1977, 206) может быть реинтерпретирована в свете поздних диалект-

¹ Все прочие этимологии рум. *strugure*: из гепид. **prubilo* ‘Traube’, из др.-греч. βοτρός, из нар.-лат. **strebulus* и пр., подробно изложенные Г. Брынкушем (Brăncuș 1983, 116–117; см. также: Şiadbei 1958, 193–194; Ciorănescu 802), равно как и его собственная: из и.-е. *srāg’hū-*, ср. алб. *shtrud* ‘клубника’, не выдерживают минимальной критики.

ных процессов во фракийском. С другой стороны, наличие в греческом варианте ῥῶξ с \bar{o} допустимо, на наш взгляд, истолковывать не как результат собственно греческого диалектного развития, а как возможное отражение одного из фонетических вариантов субстратного прототипа (о неисконном характере греческого слова см.: Boisacq 835; Frisk II, 642; Chantraine IV-1, 966²). Развитие $\bar{o} > u$, видимо, произошло уже на румынской почве, ср.: лат. *nōmen* > рум. *nime*, лат. *ōstium* > рум. *ușă* 'дверь', лат. *mōrum* > рум. *mură* 'ежевика' и под.

В то же время с названными греч. ῥῶξ, лат. *racēmus* и пр. Э. Чабеем было сопоставлено алб. *rrush* 'виноград' < **ragusi-*, идентифицированное им с античным, доримским названием Дубровника — *Ragusium* (Rav. IV, 16; Guido 114; Presb. Diocl. c. 9, 31), греко-визант. Ῥαούσιον, Ῥαούση (Konst. Porph., adm. imp. 29). При постулировании последнего тождества Чабей опирался на засвидетельствованное у Богдани (Bogdani II, 20, 6) албанское название этого города *Rush*, *Rushë*, отражающее, вкуче с византийской формой, ступени фонетической эволюции слова: спирантизацию и исчезновение интервокального *g*, афезу гласного в предударном слове и переход *s(i) > sh* (Çabej 1959₁, 558–559; Çabej SGj II, 102–103). Начальный *rr-* в албанском слове, однако, скорее указывает на исходное сочетание **sr-*, что дает возможность восстановить праформу **sragusi-*o-, отождествимую со всем рассмотренным комплексом балканских лексем.

Несомненное родство всех вышеперечисленных балканских названий винограда дает основание для реконструкции исходного корневого элемента в виде **srāg-/srōg-* (?). При этом очевидны различные пути проникновения древнего (возможно, доиндоевропейского, средиземноморского — Meillet 1908/1909, 163) термина в румынский (через фракийское посредство, преобразовавшее начальное **sr-* > *str-*) и албанский (видимо, непосредственно из языка-источника, на что указывает рефлекс **sr* в виде *rr*, как и в исконных и.-е. формах, ср. *rrymë* 'поток' < **srū-*).

² Индоевропейская этимология греч. ῥῶξ, ῥῶξ была предложена А. Карнуа (Carnou 1959, 232), который возвел их к и.-е. *uerg-*, *ureg-* 'быть наполненным соком' (Walde-Pokorny I, 289; ср. скт. *ūrjā* 'сок') и поддержана А. ван Виндекенсом (van Windekens 1986, 198–199). Однако рум. *strugure* однозначно указывает на начальный **s-*.

Подводя общий итог, позволим себе надеяться, что проделанная нами работа по систематизации имеющихся фактов, проверке их достоверности и аутентичности, ревизия ряда этимологических отождествлений и предложенные новые решения дают возможность в ином свете взглянуть на некоторые устоявшиеся воззрения касательно воздействия палеобалканских языков на современные языки Балкан, а также на взаимодействие последних между собой.

¹ Все прочие этимологии рум. *strugure*: из гепид. **prubilo* 'Traube', из др.-греч. στρόβιλος, из нар.-лат. **strebulus* и пр., подробно изложенные Г. Брынкушем (Brâncuș 1983, 116–117; см. также: Şiadbei 1958, 193–194; Ciorănescu 802), равно как и его собственная: из и.-е. *srāg'h₂*, ср. алб. *shtrud* 'клубника', не выдерживают минимальной критики.

² Индоевропейская этимология греч. ῥάξ, ῥώξ была предложена А. Карнуа (Carrou 1959, 232), который возвел их к и.-е. *uerg-*, *ureg-* 'быть наполненным соком' (Walde-Pokorny I, 289; ср. скт. *ūrjā* 'сок') и поддержана А. ван Виндекенсом (van Windekens 1986, 198–199). Однако рум. *strugure* однозначно указывает на начальный **g-*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив БДР — Български диалектологичен речник. Архив. София.
- Архив КДА — Карпатский диалектологический атлас. Архив. М.
- Барий 1921 — *Х. Барий*. Из балканског речника // *ЖФ*. 1921, 2.
- БДА — Български диалектен атлас. I–IV. София, 1964–1980.
- БЕР — Български етимологичен речник. 1–. София, 1971–.
- Бернштейн–Гиндин–Клепикова 1983 — *С.Б. Бернштейн, Л.А. Гиндин, Г.П. Клепикова*. Общекарпатский диалектологический атлас и некоторые проблемы южнославянского этногенеза // *Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1983.
- Бурсье 1952 — *Э. Бурсье*. Основы романского языкознания. М., 1952.
- Воронина–Грошева 1987 — *И.П. Воронина, А.В. Грошева*. Об албанском суффиксе *-ar* и его латинском прототипе // *Romano-Balcanica*. Вопросы адаптации латинского элемента в балканском ареале. Л., 1987.
- Врачу 1963 — *А. Врачу*. Актуальные вопросы изучения субстратных элементов румынского языка // *ЛВ*. 1963, VI.
- Врачу 1964 — *А. Врачу*. Рассуждения о дако-мизийском субстрате румынского языка // *ЛВ*. 1964, VIII.
- Врачу 1966 — *А. Врачу*. Современное состояние вопроса о субстратных элементах румынского языка (I–II) // *ЛВ*. 1966, XII, 1–2.
- Габинский 1962 — *М.А. Габинский*. Етимоложий // *ЛЛМ*. 1962, 1.
- Габинский 1962₁ — *М.А. Габинский*. Етимоложий // *ЛЛМ*. 1962, 2.
- Габинский 1969 — *М.А. Габинский*. Реферитор ла аутохтонизме // *ЛЛМ*. 1969, 3.
- Габинский 1979 — *М.А. Габинский*. Ноте етимоложико-лексиколожиче // *ЛЛМ*. 1979, 1.
- Габинский 1981 — *М.А. Габинский*. Етимоложий аутохтоне // *ЛЛМ*. 1981, 2.
- Габинский 1983 — *М.А. Габинский*. Молдаво-албаника // *ЛЛМ*. 1983, 2.
- Габинский 1984 — *М.А. Габинский*. Етимоложий–83 // *ЛЛМ*. 1984, 2.
- Георгиев 1957 — *В.И. Георгиев*. Тракийският език. София, 1957.
- Георгиев 1958 — *В.И. Георгиев*. Въпроси на българска етимология. София, 1958.
- Георгиев 1960 — *В.И. Георгиев*. Българска етимология и ономастика. София, 1960.
- Георгиев 1977 — *В.И. Георгиев*. Траките и техният език. София, 1977.

- Георгиева 1983 — *И. Георгиева*. Българска народна митология. София, 1983.
- Геров — *Н. Геров*. Речник на българския език. I–V. Пловдив, 1895–1904.
- Гиндин 1973 — *Л.А. Гиндин*. Проблемы античной балканистики. Лингвистический аспект // ВЯ. 1973, 1.
- Гиндин 1976 — *Л.А. Гиндин*. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- Гиндин 1977 — *Л.А. Гиндин*. Миф о поединке и мифология Аполлона // СБЯ. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
- Гиндин 1979 — *Л.А. Гиндин*. К возможности реконструкции фракийского языка на материале греко-римских надписей. ...“*Ἦρωξ Περκόνας* герр. *Pérkouç* // ВДИ. 1979, 3.
- Гиндин 1980 — *Л.А. Гиндин*. Ритуально-мифологический смысл X песни Одиссеи // Balcanica. М., 1980.
- Гиндин 1981 — *Л.А. Гиндин*. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. Фрако-хетто-лувийские и фрако-анатолийские изоглоссы. София, 1981.
- Гиндин–Калужская 1984 — *Л.А. Гиндин, И.А. Калужская*. О применении проспективного и ретроспективного анализа в исследовании лексики карпато-балканского региона // СБЯ. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
- Гиндин–Калужская 1987 — *Л.А. Гиндин, И.А. Калужская*. Вновь о слав. **koliba* // СС. 1987, 1.
- Гиндин–Калужская–Орел 1982 — *Л.А. Гиндин, И.А. Калужская, В.Э. Орел*. К вопросу о составе субстратного фонда языков балканского ареала // Балканские исследования. Вып. 7. М., 1982.
- Гринченко — *Б.Д. Гринченко*. Словник української мови. I–IV. Київ, 1907–1909.
- Даль — *В. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. М., 1955.
- Десницкая 1968 — *А.В. Десницкая*. Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общевалканские лингвистические проблемы // Actes du Premier Congrès International des études Balkaniques et Sud-Est Européennes VI. Sofia, 1968.
- Десницкая 1976 — *А.В. Десницкая*. О некоторых вопросах балканистики в связи с изучением карпатского лингвистического ареала // ВЯ. 1976, 3.
- Десницкая 1978 — *А.В. Десницкая*. К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.
- Десницкая 1984 — *А.В. Десницкая*. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
- Десницкая 1987 — *А.В. Десницкая*. Албанская литература и албанский язык. Л., 1987.
- Десницкая 1990₁ — *А.В. Десницкая*. О понятии вторичного генетического родства и о его значении для исследования проблем балканистики // ВЯ. 1990, 1.
- Десницкая 1990₂ — *А.В. Десницкая*. О происхождении албанского языка. (Сравнительно-исторический и социально-исторический аспекты) // ВЯ. 1990, 2.

- Дечев 1952 — Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952.
- Домосилецкая 1988 — М. В. Домосилецкая. Распространение славянизмов в албанском языке (на материале пастушеской лексики) // Лингвистические исследования 1988. Языковые единицы и методы их исследования. Л., 1988.
- Дуриданов 1968 — И. Дуриданов. Балкански етимологии // БЕ. 1968, XVIII, 4–5.
- Елезовић — Г. Елезовић. Речник косовско-метохийског дијалекта. I–II. Београд, 1932–1935.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. 1–. Київ, 1982–.
- Жизнь животных. Т. 4, ч. 2. М., 1969.
- Иванов 1977 — Вяч. Вс. Иванов. Луна, упавшая с неба. М., 1977.
- Иванов-Топоров 1974 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванчик 1991 — А. И. Иванчик. Об этнониме “киммерийцы” // Acta Associationis “Terra antiqua balcanica” VI. Serdicae, 1991.
- Иллич-Свитыч 1960 — В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // ИОЛЯ. 1960, XI, 3.
- Калоянов 1988 — С. Калоянов. Надписьт върху златния пръстен от Дуванли // Нумизматика. 1988, 1.
- Калужская 1977 — И. А. Калужская. Проблема автохтонных элементов румынского языка // СБЯ. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
- Калужская 1983 — И. А. Калужская. Из албано-румынских лексических соответствий. 1 // СБЯ. Проблемы лексикологии. М., 1983.
- Калужская 1986 — И. А. Калужская. К этимологии алб. *shkardhë* - рум. *zgardă* // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.
- Калужская 1987 — И. А. Калужская. К возможности относительной хронологизации албано-восточнороманских лексических сходжений // Античная балканистика. М., 1987.
- Калужская 1992 — И. А. Калужская. К происхождению рум. *băl*, *bălan*, алб. *balash*, *balosh* и некоторых близких форм в свете славянских параллелей // СС. 1992, 2.
- Калужская-Орел 1983 — И. А. Калужская, В. Э. Орел. Наблюдения над отражением индоевропейских слоговых сонантов в албанском языке // СБЯ. Проблемы языковых контактов. М., 1983.
- Калужская-Цымбурский 1988 — И. А. Калужская, В. Л. Цымбурский. Некоторые северобалканские данные к предыстории греческого мифа об убийце Беллера // Международный симпозиум “Античная балканистика 6”. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны. 18–22 октября 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988.
- Калужская-Цымбурский 1991 — И. А. Калужская, В. Л. Цымбурский. Греч. Βέλ-λερος, рум. *bălaur* и другие. (Из истории мифологических представле-

- ний Юго-Восточной Европы) // Acta Associationis Internationalis "Terra antiqua balcanica" VI. Serdicae, 1991.
- Калужская-Цымбурский 2001 — И.А.Калужская, В.Л.Цымбурский. Беллер помимо Беллерофонта. (Фрагмент мифологической культуры Северных Балкан и Древней Европы) // Studia classica et indo-europea. СПб., 2001 (в печати).
- Кейпер 1986 — Ф.Б.Я.Кейпер. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Клепикова 1973 — Г.П.Клепикова. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. II. *vatra* // Балканское языкознание. М., 1973.
- Клепикова 1974 — Г.П.Клепикова. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
- Клепикова 1974₁ — Г.П.Клепикова. К вопросу об изучении балкано-карпатской терминологии горного пастушества (*strunga* и родств.) // ОЛА. Исследования и материалы. 1972. М., 1974.
- Клепикова 1974₂ — Г.П.Клепикова. Болг. *бара*, *баруга* и родственные географические термины в других славянских языках // Езиковедски изследованија в памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974₂.
- Климов 1964 — Г.А.Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Кругликова 1955 — И.Т.Кругликова. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.
- Кулишић 1970 — Ш.Кулишић и др. Српски митолошки речник. Београд, 1970.
- Куркина 1975 — Л.В.Куркина. Славянские этимологии. VIII // Этимология 1973. М., 1975.
- Маринов 1984 — Д.Маринов. Избрани произведения в два тома. 2. София, 1984.
- Мартынов 1983 — В.В.Мартынов. Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- Марусенко 1963 — Т.О.Марусенко. До походження назви *бескид* // Лексикографічний бюлетень. 1963, IX.
- Мельниченко 1961 — Г.Г.Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- Мельничук 1967 — А.С.Мельничук. Значение восточнороманских языковых данных для истории древнерусского и украинского языков // Восточнославянско-молдавские языковые отношения. Кишинев, 1967.
- Меркулова 1967 — В.А.Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- Мирчев 1966 — К.Мирчев. За етимологията на една балканска дума // БЕ. 1966, XVI, 4.
- Младенов 1941 — Ст.Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Надэль 1963 — Б.Надэль. Следы фракийского субстрата в иранских диалектах Северного Причерноморья (к проблеме киммерийского языка) // Rocznik orientalistyczny. 1963, XXVI.
- Нерозник 1968 — В.П.Нерозник (Нерознак). Балканский субстрат и балкано-романские этимологии // ЛЛМ. 1968, XI, 4.
- Нерознак 1978 — В.П.Нерознак. Палеобалканские языки. М., 1978.

- Николаев 1984 — С. Л. Николаев. «Кавказоидные» элементы палеобалканского субстрата // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы. М., 1984.
- Никулицэ 1987 — И. Т. Никулицэ. Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
- Носович — И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Онишкевич СБГ — М. И. Онишкевич. Словник бойківських говірок. 1–2. Київ, 1984.
- Орел 1981₁ — В. Э. Орел. К этимологии серб. *blāvör*, рум. *balaur*, алб. *bullar* // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1981, 2.
- Орел 1981₂ — В. Э. Орел. Состав и характеристика субстратного апеллативного фонда балканославянских языков. АКД. М., 1981.
- Орел 1982₁ — В. Э. Орел. К гипотезе о фракийских реликтах в болгарской апеллативной лексике // Этимология 1980. М., 1982.
- Орел 1982₂ — В. Э. Орел. К реконструкции древнеалбанских акцентных отношений // СС. 1982, 5.
- Орел 1982₃ — В. Э. Орел. Балканские этимологии. 5. Южнослав. **сарь* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980. М., 1982.
- Орел 1983₁ — В. Э. Орел. Балканские этимологии. 2–4 // СБЯ. Проблемы языковых контактов. М., 1983.
- Орел 1983₂ — В. Э. Орел. Исконная лексика албанского языка. (Балканские этимологии. 6–13) // СБЯ. Проблемы лексикологии. М., 1983.
- Орел 1983₃ — В. Э. Орел. Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка // СБЯ. Проблемы языковых контактов. М., 1983.
- Орел 1984₁ — В. Э. Орел. Слав. **togyla* // Общеславянский лингвистический атлас. Исследования и материалы. 1981. М., 1984.
- Орел 1984₂ — В. Э. Орел. Балканские этимологии // БЕ. 1984, XXVII, 4.
- Орел 1985 — В. Э. Орел. Балканские этимологии. 14–28 // Этимология 1983. М., 1985.
- Орел 1985₁ — В. Э. Орел. К вопросу о происхождении одного славянского названия постройки // СС. 1985, 5.
- Орел 1985₂ — В. Э. Орел. Этимологические заметки по русской лексике // Общеславянский лингвистический атлас. Исследования и материалы. 1982. М., 1985.
- Орел 1986₁ — В. Э. Орел. Балканские этимологии. 110–112 // БЕ. 1986, XXIV, 4.
- Орел 1986₂ — В. Э. Орел. Южнославянский обряд защиты от тучи и его балканские истоки // Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад. 1986, XXIV, I.
- Орел 1986₃ — В. Э. Орел. Лексика неславянских языков Балкан как источник праславянской реконструкции. Славянские заимствования в албанский и восточнороманский // Этимология 1984. М., 1986.
- Орел 1988 — В. Э. Орел. О некоторых славянских и индоевропейских названиях деревьев // Этимология 1985. М., 1988.
- Петрович 1983 — Д. Петрович. О карпатолингвистическом аспекте сербохорватско-албанских лексических отношений // СБЯ. Проблемы языковых контактов. М., 1983.

- Петрович 1958 — Э. Петрович. Славяно-болгарская топонимия на территории Румынской Народной Республики // *Romanoslavica*. 1958, I.
- Плана 1975 — Ш. Плана. Бузми као албанците и Бадникот као јужните словени // *Македонски фолклор*. 1975, VIII, 15–16.
- Погирк 1963 — Ч. Погирк. Этимологические заметки // *RESEE*. 1963, I, 3–4.
- Полевой 1972 — Л. Л. Полевой. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель. (Феодальная и буржуазная историография XVII — первой половины XX вв.) // *Юго-Восточная Европа в средние века*. Кишинев, 1972.
- Поповски 1970 — А. Поповски. Македонскиот говор во Гостиварскиот крај. Гостивар, 1970.
- PMJ — Т. Димитровски, Т. Корубин, Т. Стаматоски. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. I–III. Скопје, 1961.
- РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. I–. Београд, 1959–.
- Русаков 1981 — А. Ю. Русаков. К отражению индоевропейской группы *sk', *sk в албанском // *Лингвистические исследования*. 1981. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. М., 1981.
- Русаков 1987 — А. Ю. Русаков. К вопросу о фонетической адаптации латинской лексики в албанском языке // *Romano-Balkanica*. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в Балканском ареале. JL, 1987.
- Селищев 1931 — А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931.
- Сергиевский 1952 — М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. М., 1952.
- Соболевский 1928 — А. И. Соболевский. Славяно-скифские этюды // *Известия Академии наук по Отделению русского языка*. 1928, I, 2.
- Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Пер. с франц. М., 1977.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. 1–. Под ред. Ф. П. Филина. JL, 1966–.
- СРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1–. М., 1975–.
- Топоров 1972 — В. Н. Топоров. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // *Первый симпозиум по балканскому языкознанию*. Античная балканистика. Предварительные материалы. М., 1972.
- Топоров 1976 — В. Н. Топоров. Πύθων, Άχι Βυδηνύα, βῆδνῆκ и др. // *Этимология* 1974. М., 1976.
- Топоров 1977 — В. Н. Топоров. Μοῦσα “Музы”: соображения об имени и пред- истории образа (к оценке фракийского вклада) // *СБЯ*. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
- Топоров 1978 — В. Н. Топоров. Еще раз об и.-е. *budh- (: *bheudh-). Фрак. Βυζάντων в индоевропейской перспективе // *Этимология* 1976. М., 1978.
- Топоров 1979 — В. Н. Топоров. Семантика мифологических представлений о грибах // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Топоров 1981 — В. Н. Топоров. Ведийское ṛta-: к соотношению смысловой структуры и этимологии // *Этимология* 1979. М., 1981.
- Топоров 1984 — В. Н. Топоров. Еще раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // *СБЯ*. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.

- Топоров 1985 — В. Н. Топоров. Из индоевропейской этимологии. III (1-3). Балто-балк. *kēt- и *gaur- // Этимология 1982. М., 1985.
- Топоров ПЯ — В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. М., 1975-.
- Тохтасьев 1984 — С. Р. Тохтасьев. Киммерийская топонимия. I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- Тохтасьев 1984₁ — С. Р. Тохтасьев. О передвижении согласных во фракийском языке // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к симпозиуму. М., 1984.
- Тохтасьев 1988 — С. Р. Тохтасьев. Thracica 2. ἄρῦλλα и другие // Международный симпозиум "Античная балканистика 6". 18-22 октября 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988.
- Трубачев 1960 — О. Н. Трубачев. Происхождение названий животных в славянских языках. М., 1960.
- Трубачев 1964 — О. Н. Трубачев. Славянские этимологии. 40. Слав. *gotovъ // Prace Filologiczne. 1964, XVIII, 2.
- Трубачев 1967 — О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967.
- Трубачев 1968 — О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
- Трубачев 1981 — О. Н. Трубачев. Рец. на кн.: ВЕР. Св. XV-XVII // Этимология 1979. М., 1981.
- Трубачев 1983 — О. Н. Трубачев. Illugica // СБЯ. Проблемы языковых контактов. М., 1983.
- Тур. сл. — Тураўскі слоўнік. I-V. Мінск, 1982-1987.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. I-IV. М., 1964-1973.
- Хубшмид 1969 — И. Хубшмид. Дославянские и дороманские этимологии // Этимология 1967. М., 1969.
- Цивьян 1977 — Т. В. Цивьян. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Цивьян 1979 — Т. В. Цивьян. Категория видимого-невидимого: балканские маргиналии // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Цымбурский 1984 — В. Л. Цымбурский. Гом. Πείρωσ ~ фрак. *Нрωσ ~ хетт. Piṛcaš // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984.
- Цымбурский 1987 — В. Л. Цымбурский. Беллерофонт и Беллер. (Реминисценция древнебалканского мифа в греческой традиции) // Античная балканистика. М., 1987.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1-. Мінск, 1978-.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. 1-. М., 1974-.
- Яшкін 1971 — І. Я. Яшкін. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971.

- ALR s. n. — Atlasul lingvistic român. Seria nouă. Vol. 1–7. Buc., 1956–1972.
- Arvinte 1961 — *V. Arvinte e. a.* Glosar regional. Buc., 1961.
- Barić 1919 — *H. Barić.* Albanorumänische Studien, I Teil. Sarajevo, 1919.
- Barić 1955 — *H. Barić.* Hymje në historinë e gjuhës shqipe. Prishtinë, 1955.
- Barić 1957 — *H. Barić.* Albanisch, Romanisch und Rumänisch // Godišnjak Naučnog društva NR Bosne i Hercegovine. Balkanološki Institut. 1957, I.
- Barić 1961 — *H. Barić.* Albanische und albanisch-rumänische Wortstudien // Balkanološki Institut. Godišnjak. 1961, II.
- Bartoli 1906 — *M. Bartoli.* Das Dalmatische. II. Glossare und Texte. Grammatik und Lexikon. Wien, 1906.
- Bekker 1814 — *I. Bekker, ed.* Anecdota Graeca, I. Berolini, 1814.
- Bernar 1970 — *R. Bernar.* Causes de la disparition du domaine balkanique d'un mot slave commun attesté en vieux bulgare *чпозга* 'canal, chenal, tranchée remplie d'eau fosse' // Actes du I-er Congrès International d'Études Balkaniques et Sud-Est Européennes. VI. Sofia, 1970.
- Berneker — *A. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. 1–2. Heidelberg, 1908–1913.
- Bezljaj 1976 — *F. Bezljaj.* Etimološki slovar slovenskeg jezika, 1. Ljubljana, 1976.
- Bîrlea 1976 — *O. Bîrlea.* Mică enciclopedie a poveștilor românești. Buc., 1976.
- Bogrea 1923 — *V. Bogrea.* Din nomenclatura calului // DR. 1922–23, III.
- Bogrea 1971 — *V. Bogrea.* Pagini istorico-filologice. Cluj, 1971.
- Boisacq — *E. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque⁴. Heidelberg-Paris, 1950.
- Bonfante 1968 — *G. Bonfante.* Gli elementi illirici nella mitologia greca // Archivio glottologico italiano. 1968, 53.
- Breidaks 1990 — *A. Breidaks.* Concerning the parallels between Baltic and Ancient Balkan languages // LB. 1990, XXXIII, 1–2.
- Brîncuș 1961₁ — *G. Brîncuș.* Note etimologice // SCL. 1961, XII, 1.
- Brîncuș 1961₂ — *G. Brîncuș.* Observații asupra etimonurilor albaneze din DLRM // SCL. 1961, XII, 2.
- Brîncuș 1966 — *G. Brîncuș.* Probleme ale reconstrucției elementelor lexicale autohtone în româna comună // SCL. 1966, XVII, 2.
- Brîncuș 1967 — *G. Brîncuș.* Elementele lexicale autohtone în dialectul aromân // SCL. 1967, XVII, 5.
- Brâncuș 1971 — *G. Brâncuș.* Albano-romanica I. Metoda comparației româno-albaneze // SCL. 1971, XXII, 4.
- Brâncuș 1972 — *G. Brâncuș.* Albano-romanica II. Cuvinte autohtone probabile // SCL. 1972, XXIII, 3.
- Brâncuș 1983 — *G. Brâncuș.* Vocabularul autohton al limbii române. Buc., 1983.
- Brâncuș 1995 — *G. Brâncuș.* Cercetări asupra fondului traco-dac al limbii române. (Bibliotheca thracologica VIII). Buc., 1995.
- Brückner — *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego². Warszawa, 1957.
- Buck — *C. Buck.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages². Chicago-London, 1971.

- Budimir 1954 — *M. Budimir*. Quaestio de neuris cimmericis // Глас Српске Академије наука и уметности. Одељење литературе и језика. 1954, 2.
- Byhan 1899 — *A. Byhan*. Istrorumänisches Glossar // JIRS. 1899, VI.
- Camaj 1966 — *M. Camaj*. Albanische Wortbildung. Die Bildung der ältern Nomina. Wiesbaden, 1966.
- Candrea 1930 — *I. A. Candrea*. Limba albaneza și raporturile ei cu limba română. Curs predat la Universitatea din București. Buc., 1930.
- Candrea 1931 — *I. A. Candrea*. Dicționarul limbii române din trecut și de azi. Buc., 1931.
- Candrea-Adămescu — *I. Candrea, G. Adămescu*. Dicționarul enciclopedic și ilustrat. I-II. Buc., 1931.
- Candrea-Densusianu — *I. Candrea, O. Densusianu*. Dicționarul etimologic al limbii române. Elementele latine. Buc., 1907-1914.
- Candrea-Densusianu 1906 — *I. A. Candrea, O. Densusianu*. Viața comună în munți a românilor și albanezilor reflectată în limba // Buletinul Societății filologice. 1906, II.
- Capidan 1921/22 — *Th. Capidan*. Raporturile albanoromâne // DR. 1921-22, II.
- Capidan 1922/23 — *Th. Capidan*. Raporturile lingvistice slavo-române // DR. 1922-1923, III.
- Capidan 1935 — *Th. Capidan*. Meglenoromâni, III. Dicționar megleno-român. Buc., 1935.
- Carnoy 1959 — *A. Carnoy*. Dictionnaire étymologique des noms grecs des plantes. Louvain, 1959.
- Cândea — *V. Cândea*. Transylvania in the History of Romania: an Historical Outline. London, n. d.
- Chantraine — *P. Chantraine*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. I-IV. Paris, 1968-1977.
- Chantraine 1979 — *P. Chantraine*. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1979.
- Cihac — *A. Cihac*. Dictionnaire d'étymologie daco-romane. I-II. Frankfurt s/M. 1870-1879.
- Ciorănescu — *A. Ciorănescu*. Diccionario etimológico rumano. Tenerife-Madrid, 1958-1966.
- Cohuț-Vulpe 1973 — *C. Cohuț, M. Vulpe*. Graiul din zona "Porțile de Fier", 1. Buc., 1973.
- Cordingnano — *P. Cordingnano*. Dizionario albanese-italiano e italiano-albanese. Milano, 1934.
- Coteanu-Sala 1987 — *I. Coteanu, M. Sala*. Etimologia și limba română. Buc., 1987.
- Costin — *L. Costin*. Graiul bănățean. I-II. Timișoară, 1926-1931.
- Crevatin 1973 — *F. Crevatin*. Note frigie. II: Belta // KZ. 1973, 87, 2.
- Curtius 1879 — *G. Curtius*. Grundzüge der Griechischen Etymologie. Lpz., 1879.
- Çabej 1936 — *E. Çabej*. Rumänisch-albanische Lehnbeziehungen // Revue internationale des études balkaniques. 1936, II.
- Çabej 1937 — *E. Çabej*. Mundartliches aus Italien // Glotta. 1937, 25, 1-2.
- Çabej 1957 — *E. Çabej*. Problemi i autoktonisë së shqiptarëve në dritën e emrave të vendeve // BUSHt. Seria shkencat shoqërore. 1957, 2.

- Çabej 1958 — *E.Çabej*. Rumänische und albanische Wortdeutungen // Cercetări de lingvistică. 1958, III (Supliment).
- Çabej 1958₁ — *E.Çabej*. Problemi i autohtonisë së shqiptarëve në dritën e emrave të vendeve // BUSHT. Seria shkencat shoqerore. 1958, 2.
- Çabej 1959 — *E.Çabej*. Alb. *visë* und die singularisierte Plurale in Albanischen. I // *Lingua Posnaniensis*. 1959, VII.
- Çabej 1959₁ — *E.Çabej*. Unele probleme ale istoriei limbii albaneze // SCL. 1959, X, 1.
- Çabej 1960 — *E.Çabej*. Alb. *visë* und die singularisierte Plurale im Albanischen. II // *Lingua Posnaniensis*. 1960, VIII.
- Çabej 1961 — *E.Çabej*. Rum. *crăciun* // SCL. 1961, XII, 3.
- Çabej 1964 — *E.Çabej*. Ältere Stufen des Albanischen im Lichte der Nachbarsprachen // ZB. 1964, II.
- Çabej 1965 — *E.Çabej*. Betrachtungen über die rumänisch-albanischen Sprachbeziehungen // RRL. 1965, X, 1-3.
- Çabej 1968 — *E.Çabej*. Der Beitrag des Albanischen zum Balkansprachbund // Actes du I-er Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes. VI. Linguistique. Sofia, 1968.
- Çabej 1970 — *E.Çabej*. L'illyrien et l'albanais. (Questions de principe) // *Studia albanica*. 1970, 1.
- Çabej 1972 — *E.Çabej*. Problemi i vendit të formimit të gjuhës shqipe // Studime historike. 1972, 3.
- Çabej 1974 — *E.Çabej*. Die Frage nach dem Entstehungsgebiet der Albanischen Sprache // ZB. 1974, X, 2.
- Çabej 1976 — *E.Çabej*. Rumänisch-albanische Wortparallelen // RRL. 1976, XXI, 1.
- Çabej 1976₁ — *E.Çabej*. Studime etimologjike në fushë të shqipes. II. Tiranë, 1976.
- Çabej 1976₂ — *E.Çabej*. Mbi disa isoglosa të shqipes me sllavishtën // SF. 1976, XIII, 2.
- Çabej 1987 — *E.Çabej*. Studime etimologjike në fushë të shqipes. III. Tiranë, 1987.
- Çabej SGj — *E.Çabej*. Studime gjuhësore. I-VI. Prishtinë, 1975-1977.
- Densusianu 1901 — *O.Densusianu*. Histoire de la langue roumaine. I. Paris, 1901.
- Densusianu 1924 — *O.Densusianu*. Irano-romanica. I. II. // GS. 1924. 1, 1, 2.
- Densusianu 1930 — *O.Densusianu*. Rez.: Detschew D. Dakische Pflanzennamen // GS. 1930, 4.
- Densusianu 1937 — *O.Densusianu*. Cuvinte referindu-se la locuințe primitive // GS. 1937, VIII.
- Detschew — *D.Detschew*. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1976².
- Detschew 1960 — *D.Detschew*. Charakteristik der thrakischen Sprache // LB. 1960, 2.
- Diculescu 1927 — *C.Diculescu*. Elemente vechi grecești din limba română // DR. [1924-1926]. 1927, IV, I.
- Diez 1853 — *F.Diez*. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Bonn, 1853.
- DLR — Dicționarul limbii române, publicat de Academia Română. I-. Buc., 1906-.

- DLRM — Dicționarul limbii române moderne. Buc., 1958.
- Doroszewsky — Słownik języka polskiego (pod red. W. Doroszewskiego). I-. Warszawa, 1958-.
- Drăganu 1933 — *N. Drăganu*. Români în veacurile IX-XIV pe baza toponomiei și onomastice. Buc., 1933.
- Du Nay 1977 — *A. Du Nay*. The Early History of the Rumanian Language. Lake Buff (Ill.), 1977.
- Dumistrăcel 1978 — *S. Dumistrăcel*. Semnificația primară a cuvîntului *argea*, un termen autohton referitor la construcția locuinței // Symposia Thracologica, 6. Piatra Neamț, 1978.
- Dumistrăcel 1988 — *S. Dumistrăcel*. Semnificația originară a cuvîntului *gresie* ca element autohton al vocabularului limbii române // LR. 1988, XXXVII, 3, 5.
- Dumistrăcel 1989 — *S. Dumistrăcel*. O problemă de etnoarheologie: *argeaua de țesut* în locuințe din secolele I-XI de pe teritoriul României // Revista de etnografie și folclor. 1989, XXXIV, 4.
- Dumistrăcel 1990 — *S. Dumistrăcel*. Éléments autochtones du vocabulaire dacoroumain, source pour la connaissance de la civilisation gétodace // Thracodacica. 1990, XI, 1-2.
- Dumistrăcel 1992 — *S. Dumistrăcel*. Les premières dictionnaires roumains et l'élément autochtone du vocabulaire du dacoroumain: "Anonymus Caransebesiensis" // Symposia Thracologica, 9. Buc., 1992.
- Durante 1950 — *M. Durante*. Alb. *bullar* // Ricerche linguistiche. 1950, 1, 2.
- Duridanov 1969 — *I. Duridanov*. Thrakisch-Dakische Studien. Die Thrakisch- und Dakisch-Baltischen Sprachbeziehungen // LB. 1969, XIII, 2.
- Duridanov 1974 — *I. Duridanov*. Zur Etymologie des Wortes (*hurda*) // LB. 1974, XVII, 1.
- Duridanov 1977 — *I. Duridanov*. Zur Bestimmung der ältesten slavischen Entlehnungen im Albanischen // Akten des Internationalen albanologischen Kolloquiums, Innsbruck, 1972. Innsbruck, 1977.
- Ernout-Meillet — *A. Ernout, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire de mots. Paris, 1960.
- FFRr — *A. Zymeri*. Fjalorth i fjalëve të rralla. Prishtinë, 1979.
- FFShP — *S. Drini, I. Goçi, M. Halimi, S. Gashi*. Fjalor fjalësh e shprehjesh popullore. Prishtinë, 1982.
- FHG — *C. Müller*. Fragmenta historicorum graecorum. I-V. Paris, 1841-1870.
- Fick 1905 — *A. Fick*. Hesychglossen II // BB. 1905, XXIX.
- Fjalor — Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954.
- Fjalor 1980 — Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1980.
- Folc. Olt. Munt. — Folclor din Oltenia și Muntenia. I-VIII. Buc., 1967-1978.
- Folklor Shqiptar — Folklor Shqiptar. Proza popullore. 2. Tiranë, 1966.
- Fontenrose 1959 — *J. Fontenrose*. Python. A Study of Delphic Myth and Its Origin. Berkeley-Los Angeles, 1959.
- Fr.Gr.Hist. — *F. Jakoby*. Die Fragmente der griechischen Historiker. I-III. Berlin-Leiden, 1923-1929.

- Fraenkel — *E. Fraenkel*. Litausches etymologisches Wörterbuch. I-II. Heidelberg-Göttingen, 1962-1965.
- Frasheri 1936 — *N. Frasheri*. Folklor shqiptar, I. Durrës, 1936.
- Friedwagner 1934 — *M. Friedwagner*. Über die Sprach und Heimat der Rumänen // ZrPh. 1934, LIV.
- Frisk — *Hj. Frisk*. Griechisches etymologisches Wörterbuch. I-III. Heidelberg, 1954-1972.
- Furnée 1970 — *E. J. Furnée*. Vorgriechisch-kartvelisches. Studien zum ostmediterranen Substrat nebst einem Versuch zu einer neuen pelagischen Theorie. Leuven-Louvain, 1970.
- Gabinschi 1991 — *M. A. Gabinschi*. Etimologii // Revista de lingvistică și știință literară. 1991, 3.
- Gamillscheg 1964 — *E. Gamillscheg*. Zum rumänischen Frühgeschichte // Südost-europa Schriften. 1964, VI.
- Gaster 1883 — *M. Gaster*. Stratificarea elementului latin în limba română // Revista pentru istorie, arheologie și filologie. 1883, 1.
- Gavazzi 1987 — *M. Gavazzi*. Beiträge zur balkanischen Wort- und Sachkund // ZB. 1987, 23/2.
- Gălăbov 1968 — *I. Gălăbov*. Contribution au problème des contacts bulgare-roumains au Sud du Danube // Actes du I-er Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes. VI. Sofia, 1968.
- Gămulescu 1974 — *D. Gămulescu*. Elemente de origine sîrbocroată ale vocabularului dacoromân. Buc., 1974.
- GDolt — Glosar dialectal. Oltenia. Buc., 1967.
- Georgiev 1961/62 — *Vl. Georgiev*. Dak. Δρουβητίς, *Dru/obeta(e)a* = rum. *druete* 'Holz' // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1961/1962, IV/V.
- Georgiev 1965 — *Vl. Georgiev*. Le dace comme substrat de la langue roumaine // RRL. 1965, X, 1-3.
- Georgiev 1965₁ — *Vl. Georgiev*. L'origine des termes roumains *măgură* et *pîriu* // Omagiu lui Al. Rosetti. Buc., 1965.
- Georgiev 1968 — *Vl. Georgiev*. Lingvistica balcanică și limba română. Buc., 1968.
- Gherghel 1910 — *I. Gherghel*. Zur Frage der Urheimet der Rumänen. Wien, 1910.
- Giuglea 1923 — *G. Giuglea*. Cîrmepe de limbă și viață străveche românească. Elemente autohtone (preromane), greco-latine, vechi germane // DR. 1923, III.
- Giuglea 1944 — *G. Giuglea*. Uralte Schichten und Entwicklungsstufen in der Struktur der dakorumänischen Sprache. Sibiu, 1944.
- Golab 1983 — *Z. Golab*. *Bieszczady/Beskidy*, a vestige of the Germanic Bastarnians in the toponymy of the Carpathians? // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1981-1983, V. 15.
- Grasberger 1884 — *H. Grasberger*. Studien zu den griechischen Ortsnamen. Lpz., 1884.
- Graur 1927 — *A. Graur*. Notes d'étymologie roumaine // Romania. 1927, LIII.
- Graur 1934 — *A. Graur*. Un suffix singulatif en roumain // Bulletin linguistique. 1934, II.

- Graur 1954 — *A. Graur*. Încercare asupra fondul principal lexical al limbii române. Buc., 1954.
- Gregoire 1939 — *H. Gregoire*. Rez. // *Byzantion*. 1939, XIV, 2.
- Gregoire 1949 — *H. Gregoire* (avec la collaboration de *R. Goossens* et de *M. Matrat*). Asklépios, Apollon Smintheus et Rudra. Études sur le dieu à la taupe et de dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde // *Mémoires de l'Académie Royale de Belgique. Classe des lettres et des Sciences morales et politique*. Bruxelles, 1949, XLV.
- Grimm — *J. Grimm, W. Grimm*. Deutsches Wörterbuch. I-. Leipzig, 1854-.
- Güterbock 1951 — *H. Güterbock*. The Song of Ullikumi // *The Journal of Cuneiform Studies*. 1951, 5.
- Haarman 1978 — *H. Haarman*. Balkanlinguistik (1). Areallinguistik und Lexikostatistik des balkanlateinischen Wortschatzes. Tübingen, 1978.
- Haas 1961 — *O. Haas*. Lexikalische Anklänge an slavisches in den Sprachresten Kleinasiens und Griechenlands // *Godišnjak Balkanološkog Instituta*. 1961, II.
- Hahn 1854 — *J. G. Hahn*. Albanische Studien. 1-3. Jena, 1854.
- Hamp 1957 — *E. P. Hamp*. Albanian and Messapic // *Studies presented to J. Whatmough*. London, 1957.
- Hamp 1973 — *E. P. Hamp*. Albanian *gat*, Slavic *gotovъ* and Balkan adverbials // *RRL*. 1973, XVIII, 4.
- Hamp 1975 — *E. P. Hamp*. Rum. *abur* // *RRL*. 1975, XX, 5.
- Hamp 1976 — *E. P. Hamp*. Some Romanian areal etymologies // *SCL*. 1976, XXVII, 1.
- Hamp 1976₁ — *E. P. Hamp*. *u* and *b* before *u* and next to vowel // *RRL*. 1976, XXI, 1.
- Hamp 1977 — *E. P. Hamp*. *Strunga* // *LB*. 1977, XX, 1-2.
- Hamp 1982 — *E. P. Hamp*. Thracian, Dacian and Albanian-Romanian correspondances // *Le monde thrace. II-e Congrès International de Thracologie. Paris-Roma-Montreal-N. Y., 1982*.
- Hamp 1986 — *E. P. Hamp*. Polish *bieszczad*, Ukrainian *beskyd* // *ZB*. 1986, XXII/2.
- Hasdeu 1875 — *B. P. Hasdeu*. Historia critică a românilor. Pămîntul Țarei Românești. I-II. Buc., 1875.
- Hasdeu CB — *B. P. Hasdeu*. Cuvente din bătrîni. I-II. Buc., 1878-1879.
- Hasdeu EMR — *B. P. Hasdeu*. Etymologicum magnum Romaniae. Dicționarul limbii istorice și poporoane a românilor. I-IV². Buc., 1972-1978.
- Hirt 1905 — *H. Hirt*. Die Indogermanen. I. 1905.
- Hofmann — *J. Hofmann*. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1966.
- Hoffmann 1906 — *O. Hoffmann*. Die Makedonen. Göttingen, 1906.
- Holder — *A. Holder*. Altceltischer Sprachschatz. I-III. Graz. 1961-1962.
- Holub-Kopečný — *J. Holub, F. Kopečný*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Hubschmid 1954 — *J. Hubschmid*. Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen // *Vox Romanica*. 1954, 14, 1.

- Hubschmid 1954₁ — *J. Hubschmid*. Pyrenäewörter. Salamanca, 1954.
- Hubschmid 1963 — *J. Hubschmid*. Thesaurus Praeromanicus. 1. Bern, 1963.
- Hubschmid 1964 — *J. Hubschmid*. Substrate in den Balkansprachen // Die Kultur Südosteuropas, ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen. Wiesbaden, 1964.
- Hubschmid 1979 — *J. Hubschmid*. Vorarbeiten für das rumänische etymologische Wörterbuch. 1. *baltă* // RRL. 1979, XXIV, 4.
- Hubschmid 1980₁ — *J. Hubschmid*. Vorarbeiten für das Rumänische etymologische Wörterbuch. 2. *brîu* // RRL. 1980, XXV, 1.
- Hubschmid 1980₂ — *J. Hubschmid*. Vorarbeiten für das Rumänische etymologische Wörterbuch. 3. *brînză* // RRL. 1980, XXV, 2.
- Hubschmid 1980₃ — *J. Hubschmid*. Vorarbeiten für das Rumänische etymologische Wörterbuch. 8. *burtă, burduf* // RRL. 1980, XXV, 5.
- Hubschmid 1980₄ — *J. Hubschmid*. Vorarbeiten für das Rumänische etymologische Wörterbuch. 9. *copil* // ZB. 1980, XVI.
- Huld 1984 — *M. E. Huld*. Basic Albanian Etymologies. Columbus, Ohio, 1984.
- Iliescu 1963 — *M. Iliescu*. Roum. *grapă* // Revista de filologie romanica si germanica. 1963, VII, 1.
- Iliescu 1963₁ — *M. Iliescu*. Roum. *ciută et grapă* // RRL. 1963, VIII, 2.
- ILR 1978 — *F. Dimitrescu, V. Pamfil e. a.* Istoria limbii române. Buc., 1978.
- Iordan 1952 — *I. Iordan*. Nume de locuri românești în R.P.R. Buc., 1952.
- Iordan 1963 — *I. Iordan*. Toponimia românească. Buc., 1963.
- Ispirescu 1969 — *P. Ispirescu*. Opere. I. Buc., 1969.
- Ivănescu 1980 — *G. Ivănescu*. Istoria limbii române. Iași, 1980.
- Janson 1986 — *B. Janson*. Etymologische und chronologische Untersuchungen zu den Bedingungen des Rhotazismus im Albanischen. [Studien zur klassischen Philologie. 21]. Frankfurt am Main, Bern, New York, 1986.
- Jokl 1911 — *N. Jokl*. Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung // SBAW. 1911, 168, 1.
- Jokl 1912 — *N. Jokl*. Beiträge zur albanesischen Grammatik // IF. 1912, XXX.
- Jokl 1912₁ — *N. Jokl*. Zur Vorgeschichte des Albanischen und der Albaner // Wörter und Sachen. 1912, XII.
- Jokl 1914 — *N. Jokl*. *Katun* // IF. 1914, XXXIII.
- Jokl 1915 — *N. Jokl*. [Rez. von: *G. Weigand*. Albanesisch-deutsches und deutsch-albanesisches Wörterbuch. Lpz., 1914] // IF. 1915, XXXV.
- Jokl 1916 — *N. Jokl*. Beiträge zur albanesischen Grammatik. 3 // IF. 1916, XXXVI.
- Jokl 1921 — *N. Jokl*. Vulgärlateinisches im Albanischen. Alb. *bote* grosse Schlange // ZrPh. 1921, XLI.
- Jokl 1923 — *N. Jokl*. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin-Lpz., 1923.
- Jokl 1924 — *N. Jokl*. Thrakisches // Streitberg Festgabe. Lpz., 1924.
- Jokl 1924₁ — *N. Jokl*. Albaner // Eberts Reallexikon der Vorgeschichte. 1. Berlin, 1924.
- Jokl 1926 — *N. Jokl*. Altmakedonisch-Griechisch-Albanisch // IF. 1926, XLIV, 1.

- Jokl 1929 — *N.Jokl*. Thraker. B. Sprache // Eberts Reallexikon der Vorgeschichte, 13. Berlin, 1929.
- Jokl 1931 — *N.Jokl*. Zur Geschichte des alb. Diphthongs *-ua-*, *-ue-* // IF. 1931, XLIX.
- Jokl 1934 — *N.Jokl*. Slaven und Albaner // Slavia. 1934, XIII.
- Jokl 1937 — *N.Jokl*. Ein Beitrag zur Lehre von der alb. Vertretung der idg. Labiovelare // Mélanges linguistiques offerts à Holger Pedersen. København, 1937.
- Kalleris 1954 — *J.N.Kalleris*. Les anciens Macédoniens. Étude linguistique et historique. T. 1. Athènes, 1954.
- Kaluzhskaya 1992 — *I.A.Kaluzhskaya*. The origin of Rom. *argea*: Greek or Paleobalkan? // Symposia Thracologica 9. Buc., 1992.
- Kaluzhskaya 1994 — *I.A.Kaluzhskaya*. Paleobalkan Linguistic Heritage and the Languages of the Balkan-Carpathian Area // Europa Indo-Europea. Atti del VI Congresso Internazionale di Tracologia. Roma, 1994.
- Katičić 1962 — *R.Katičić*. Die illyrischen Personennamen in ihrem südöstlichen Verbreitungsgebiet // Živa Antika. 1962, XII.
- Katičić 1963 — *R.Katičić*. Das mitteldalmatischen Namengebiet // Živa Antika. 1963, XII, 2.
- Kerd'o 1982 — *J.Kerd'o*. De despre cel mai vechi strat al elementelor lexicale slave în limba română // Zbornik Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. 1982, XXXIII.
- Kluge — *F.Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A.Götze. Berlin, 1951.
- Köderitzsch 1988 — *R.Köderitzsch*. Gedanken zur Ethnogenese der Albaner (aus sprachliche Sicht) // LB. 1988, XXXI, 3-4.
- Kopitar 1829 — *B.Kopitar*. Albanische, Walachische und Bulgarische Sprache // Jahrbücher der Literatur. (Wien). 1829, XLXI.
- Kořinek 1934 — *J.M.Kořinek*. Studie z oblasti onomatopoeje. Praha, 1934.
- Kortland 1987 — *F.Kortland*. PIE *s in Albanian // Dutch Studies in South Slavic and Balkan Linguistics. Amsterdam, 1987.
- Krahe 1925 — *H.Krahe*. Die alten Balkanillyrischen geographischen Namen. Heidelberg, 1925.
- Krahe 1929 — *H.Krahe*. Lexikon Altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929.
- Krahe 1955 — *H.Krahe*. Die Sprache der Illyrier. I. Wiesbaden, 1955.
- Kretschmer 1925 — *P.Kretschmer*. Die Protoindogermanische Schicht // Glotta. 1925, XIV.
- Kretschmer 1934 — *P.Kretschmer*. Nordische Lehnwörter im Altgriechischen // Glotta. 1934, XXII.
- Kretschmer 1936 — *P.Kretschmer*. Nochmals die Hypachäer und Alaksandus // Glotta. 1936, XXIV.
- Kretschmer 1949 — *P.Kretschmer*. Bellerophontes // Glotta. 1949, XXXI.
- Kristoforidi — *K.Kristoforidit*. Fjalor shqip-greqisht. Tiranë, 1961.
- Κυριακίδου 1939 — *Π.Κυριακίδου*. Βυζαντινά μελέται. IV. Τὸ Βολερὸν // Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρίς. Θεσσαλονίκη, 1939.

- Lahovary 1954 — *N. Lahovary*. Contributions à la linguistique ancienne de la région balkano-danubienne et la constitution de la langue roumaine // *Vox Romanica*. 1954-1955, XIV, 1-2.
- Lambertz 1970 — *M. Lambertz*. Die Mythologie der Albaner // *Wörterbuch der Mythologie*. 9. Hrsg. von H. W. Haussig. Stuttgart, 1970.
- Laureanu-Massimu — *A. T. Laureanu, I. C. Massimu*. Dicționarulu limbii române. I-II. Buc., 1871-1876.
- Lehmann-Feist — *W. Lehmann*. A Gothic Dictionary. Based on the Third Edition of *Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache* by S. Feist. Leiden, 1986.
- Leotti — *A. Leotti*. Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937.
- Liddell-Scott — *H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones*. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1948.
- Lința 1974 — *E. Lința*. Wyrazy polskiego pochodzenia w języku rumuńskim. Warszawa etc., 1974.
- Loewe 1904 — *R. Loewe*. Altgermanische Elemente der Balkansprachen // *KZ*. 1904, XXXIX.
- Łukasik 1938 — *S. Łukasik*. Polone et Roumanie. Aux confins de deux peuples et deux langues. Paris-Varsovie-Cracovie, 1938.
- Machek — *V. Machek*. Etimologický slovník jazyka českého². Praha, 1971.
- Machek 1937 — *V. Machek*. Ario-slavica // *KZ*. 1937, LXIV.
- MAGP — *Mały atlas gwar polskich*. I-XIII. Wrocław etc., 1959-1970.
- MALR — *Micul atlas lingvistic român*. I-IV. Buc., 1956-1981.
- Malten 1925 — *L. Malten*. Bellerophontes // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institutes*. 1925, XL.
- Mann — *S. Mann*. An Historical Albanian-English Dictionary. London-New York-Toronto, 1948.
- Marazov 1986 — *I. Marazov*. The Hero in the images from the Rogozen treasure // *South-Eastern Europe*. 1986, 13, 1-2.
- Mayer — *A. Mayer*. Die Sprache der alten Illyrier. I-II. Wien, 1957-1959.
- Mayrhofer — *M. Mayrhofer*. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956-1972.
- Meillet 1908/1909 — *A. Meillet*. De quelques emprunts probables en grec et en latin // *MSL*. 1908-1909, XV.
- Meyer 1892 — *G. Meyer*. Albanesische Studien. III. Lautlehre der indogermanischen Bestandteile des Albanesischen // *SBAW*. Philosophisch-historische Klasse. 1892, 125, 11.
- Meyer 1894 — *G. Meyer*. Etymologisches aus den Balkansprachen // *IF*, 1894, VI.
- Meyer 1894₁ — *G. Meyer*. Neugriechische Studien. I // *SBAW*. Philosophisch-historische Klasse. 1894. Bd. 130.
- Meyer 1895 — *G. Meyer*. Albanesische Studien. IV. Das griechisch-südrumänisch-albanische Wortverzeichniss des Kavalliotis, herausgegeben und erklärt // *SBAW*. Philosophisch-historische Klasse. 1895, 132, 12.
- Meyer EWA — *G. Meyer*. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.
- Meyer-Lübke 1904 — *W. Meyer-Lübke*. Altgermanische Elemente im Rumänischen // *KZ*. 1904, XXXIX.

- Meyer-Lübke REW — *W. Meyer-Lübke*. Romanisches etymologisches Wörterbuch³. Heidelberg, 1933.
- Mihăescu 1960 — *H. Mihăescu*. Limba latină din provincele Dunărene. Buc., 1960.
- Mihăescu 1966 — *H. Mihăescu*. Influența grecească asupra limbii române pînă în sec. al XV-lea. Buc., 1966.
- Mihăescu 1966₁ — *H. Mihăescu*. Les éléments latins de la langue albanaise // RESEE. 1966, IV, 1-2.
- Mihăescu 1978 — *H. Mihăescu*. La langue latine dans le Sud-Est de l'Europe. Buc., 1978.
- Mihăilă 1960 — *G. Mihăilă*. Împrumuturi vechi sud-slave în limba română. Buc., 1960.
- Mihăilă 1971 — *G. Mihăilă*. Criteriile determinării împrumuturilor slave în limbă română // SCL. 1971, XXII, 4.
- Mihăilă 1973 — *G. Mihăilă*. Paralele lexicale traco-româno-slave // SCL. 1973, XXIV, 1.
- Mihăilă 1974 — *G. Mihăilă*. Dicționar al limbii române vechi. (X-XVI). Buc., 1974.
- Mihăilă-Scărlătoiu 1972 — *E. Mihăilă-Scărlătoiu*. Emprunts roumains dans le lexique serbo-croate // RESEE. 1972, X, 1.
- Miklosich 1861 — *F. Miklosich*. Die slavischen Elemente im Rumunischen // DAW. 1861, XII.
- Miklosich 1871 — *F. Miklosich*. Albanische Forschungen. II. Die romanischen Elemente im Albanischen // DAW. 1871, XX.
- Miklosich 1881 — *F. Miklosich*. Rumunische Untersuchungen. I. Wien, 1881.
- Miklosich EW — *F. Miklosich*. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Mladenov 1929/30 — *S. Mladenov*. Albanisch und Thraco-Illyrisch // Balkan-Archiv. 1929/30, IV.
- Moutsos 1969/70 — *D. Moutsos*. The Origin of a Balkanism and Related Problems. κοπέλλα etc. // ZB. 1969-1970, VII, 1-2.
- Moutsos 1972 — *D. Moutsos*. The Origin of a Balkan Pastoral Term // Die Sprache. 1972, XVIII, 2.
- Moutsos 1972₁ — *D. Moutsos*. Albanian *shtrungë* and Modern Greek στρούγκα // IF. 1972, 77, 2-3.
- Moutsos 1974 — *D. Moutsos*. Two Balkan Etymologies // ZB. 1974, X, 2.
- Moutsos 1983 — *D. Moutsos*. Latin *casula* and Balkan *κασοῦλα* // ZB. 1983, XIX/1.
- Moutsos 1987 — *D. Moutsos*. Early Graeco-Slavic Contacts and the Problem of Mutual Interference // ZB. 1987, 23/1.
- Murnu 1977 — *G. Murnu*. Rumänische Lehnwörter im Neugriechischen. Mit historischen Vorbemerkungen. Buc., 1977.
- Mușlea 1932 — *I. Mușlea*. Cercetări folclorice în Țara Oașului // Anuarul Arhivei de folclor. 1932, V.
- Mușlea-Bîrlea 1970 — *I. Mușlea, O. Bîrlea*. Tipologia folclorului. Buc., 1970.
- Niculescu 1980 — *N. Niculescu*. Une histoire tendacieuse de la langue roumaine // RRH. 1980, XIX, 2-3.

- Niță-Armaș 1968 — *S.Niță-Armaș e. a.* L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves // *Romanoslavica*. 1968, XVI.
- Onions 1966 — *C.T.Onions* (ed.) *The Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford, 1966.
- Orel 1984 — *V.E.Orel*. Studies in the Albanian vocabulary // *Linguistica*. 1984, XXIV.
- Orel 1985 — *V.E.Orel*. Romanica parerga (Etimologie balcaniche 60-61) // *RRL*. 1985, XXX, 2.
- Orel 1986₁ — *V.E.Orel*. Romanica parerga // *RRL*. 1986, XXXI, 1.
- Orel 1986₂ — *V.E.Orel*. Albanica parerga. (Balkan Etymologies 101-109) // *Linguistica*. 1986, XXVI.
- Orel 1987₁ — *V.E.Orel*. Albanica parerga (Balkan Etymologies 44-59) // *ZB*. 1987, 23/1.
- Orel 1987₂ — *V.E.Orel*. Der indogermanische Akzent im Albanischen // *ZB*. 1987, 23/2.
- Ostir 1923 — *K.Ostir*. Alarodica I // *Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani. Razprave I*. 1923.
- Ostir 1928 — *K.Ostir*. Zum Voralbanischen // *AAC*. 1928, IV/1.
- Pagliario 1950 — *A.Pagliario*. Mac. ἄγγελος // *Ricerche linguistiche*. 1950, I, 1.
- Papadopol-Calimah 1878 — *A.Papadopol-Calimah*. Pedaniu Dioscoride și Luciu Apuleiu // *Analele Academiei române. Ser. I*. 1878, XI.
- Papahagi — *T.Papahagi*. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. Buc., 1963.
- Papahagi 1940 — *T.Papahagi*. Etimologii. Buc., 1940.
- Pape-Benseler — *W.Pape, G.Benseler*. Wörterbuch der griechischen Eigennamen³. I-II. Graz, 1959.
- Pascu 1916 — *G.Pascu*. Sufixele românești. Buc., 1916.
- Pascu 1916 — *Ș.Pascu*. A History of Transylvania. Detroit, 1982.
- Patsch 1907 — *C.Patsch*. Thrakische Spuren an der Adria // *Jahreshefte des Österreichische archäologische Instituts*. 1907, 10.
- Pauli 1886 — *K.Pauli*. Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos // *Altitalische Forschungen*. 1886, II.
- Pedersen 1894 — *H.Pedersen*. Die albanesischen l-Laut // *KZ*. 1894, XXXIII, 4.
- Pedersen 1900 — *H.Pedersen*. Die Gutturale in Albanesischen // *KZ*. 1900, XXXVI, 3.
- Petrovici 1966 — *E.Petrovici*. Le latin oriental, possédait-il des éléments slaves? // *RRL*. 1966, XI, 4.
- Philippide 1909 — *A.Philippide*. Un specialist român la Lipsca. Iași, 1909.
- Philippide 1925-1928 — *A.Philippide*. Originea românilor. I. Ce spun izvoarele istorice. Iași, 1925. II. Ce spun limbile română și albaneză. Iași, 1928.
- Pleteršnik — *M.Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. I-II. Ljubljana, 1894-1895.
- Poghirc 1963 — *C.Poghirc*. L'alternance m/mb/b en thrace et albanais // *LB*. 1963, VI.
- Poghirc 1969 — *C.Poghirc*. Influența autohtonă // *Istoria limbii române. II*. Buc., 1969.

- Poghirc 1971 — *C. Poghirc*. Réflexions sur les problèmes du daco-moesien // *Studia Balcanica*. 1971, V.
- Poghirc 1983 — *C. Poghirc*. *Philologica et linguistica*. Bochum, 1983.
- Pokorny — *J. Pokorny*. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. I-II. Bern-München, 1959.
- Polák 1958 — *V. Polák*. Quelques idées concernant les rapports lexicaux albanoroumains // *Omăgiu lui Iorgu Iordan*. Buc., 1958.
- Popović 1959 — *I. Popović*. Bemerkungen über die voroslavischen Ortsnamen in Serbien // *ZslPh*. 1959, XXVIII, 1.
- Popović 1960 — *I. Popović*. *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden, 1960.
- Popović 1961 — *I. Popović*. *Valacho-Serbica* // *Godišnjak Balkanološkog Instituta*. Sarajevo. 1961. II.
- Poruciu 1990 — *A. Poruciu*. *Rom. codru explicat pe teren indo-european-balcanic* // *Thrac-Dacica*. 1990, XI, 1-2.
- Pudić 1964 — *I. Pudić*. Die altgermanischen Elemente in den Balkansprachen und die Frage des sgn. Balkangermanischen // *Proceedings of the 9-th International Congress of Linguists*. The Hague-Paris, 1964.
- Puşcariu 1905 — *S. Puşcariu*. *Etymologisches Wörterbuch der rumänischen Sprache*, I. Lateinisches Element. Heidelberg, 1905.
- Puşcariu 1910 — *S. Puşcariu*. *Zur Rekonstruktion des Urrumänischen* // *ZrPh*. 1910, XXVI.
- Puşcariu 1926 — *S. Puşcariu*. *Studii istoromâne*. II. Buc., 1926.
- Puşcariu 1940 — *S. Puşcariu*. *Limba română*. I. Buc., 1940.
- O'Rahilly 1946 — *Th. O'Rahilly*. *The Early Irish History and Mythology*. Dublin, 1946.
- Rădulescu 1975 — *M. Rădulescu*. The Indo-European Cognates of Daco-Romanian "strugure" 'grape; bunch' // *JIES*. 1975, 3, 4.
- Rădulescu 1981 — *M. Rădulescu*. Daco-Romanian-Baltic Common Lexical Elements // *Ponto-Baltica*. 1981, 1.
- Rees-Rees 1961 — *A. Rees, B. Rees*. *Celtic Heritage*. London., 1961.
- Reichenkron 1940/1941 — *G. Reichenkron*. Der rumänische Sprachatlas und seine Bedeutung für die Slavistik // *ZslPh*. 1940/1941, XVII.
- Reichenkron 1958 — *G. Reichenkron*. Albanisch-rumänisch-armenische Gleichungen, I. Teil // *Romanistisches Jahrbuch*. 1958, 9.
- Reichenkron 1966 — *G. Reichenkron*. *Das Dakische (rekonstruiert aus dem Rumänischen)*. Heidelberg, 1966.
- RHSJ — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. I-XIX. Zagreb, 1880-1967.
- Roesler 1865 — *R. Roesler*. Die griechischen und türkischen Bestandteile im Rumänischen // *SBAW*. Philosophisch-historische Klasse. 1865, 50.
- Rohlf EWUG — *G. Rohlf*. *Etymologisches Wörterbuch der unteritalischen Gräzität*. Halle, 1930.
- Rosetti 1938 — *A. Rosetti*. *Istoria limbii române*. I-II. Buc., 1938.
- Rosetti 1947 — *A. Rosetti*. *Mélanges de linguistique et de philologie*. Copenhagen-Buc., 1947.

- Rosetti 1978 — *A. Rosetti*. Istoria limbii române de la origine pîna în sec. al XVIII-lea. Buc., 1978.
- Rosetti 1980 — *A. Rosetti*. Études de vocabulaire. (*vatră*) // RRL. 1980, XXV, 3.
- Rosetti 1983 — *A. Rosetti*. Sur la chronologie des éléments "autochtones" de l'albanais et du roumain // RRL. 1983, XXVIII, 1.
- Russu 1936 — *I. I. Russu*. Intorno al nome di Bizanzio // Studi Bizantini e Neellenici. 1936, V.
- Russu 1969 — *I. I. Russu*. Illirii (Istoria, limba și onomastica, romanizarea). Buc., 1969.
- Russu 1970 — *I. I. Russu*. Elemente autohtone în limba română. Substratul comun româno-albanez. Buc., 1970.
- Russu 1981 — *I. I. Russu*. Etnogeneza românilor. Buc., 1981.
- Sadnik-Aitzetmüller — *L. Sadnik, R. Aitzetmüller*. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1975.
- Saramandu 1987 — *N. Saramandu*. Concordanțe etimologice și lexicale româno-albanese // SCL. 1987, XXXVIII, 2.
- Sbiera 1971 — *I. G. Sbiera*. Povești și poezii populare românești. Buc., 1971.
- Scheludko 1927 — *D. Scheludko*. Lateinische und rumänische Elemente im Bulgarischen // BA. 1927, III.
- Schmidt 1875 — *J. Schmidt*. Zur Geschichte des indogermanischen Vokalismus, 2. Weimar, 1875.
- Schmidt 1929 — *M. E. Schmidt*. Untersuchungen zur albanischen Sprachgeschichte // KZ. 1929, 57, 1/2.
- Schneeweis 1925 — *E. Schneeweis*. Die Weinachtsbräuche der Serbokroaten. Wien, 1925.
- Schneeweis 1960 — *E. Schneeweis*. Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in kulturgeschichtlicher Sicht. Berlin, 1960.
- Schramm 1985-1987 — *G. Schramm*. Frühe Schicksale der Rumänen // ZB. 1985, XXI, 2; 1986, XXII/1; 1987, 23/1.
- Schuchardt 1869 — *H. Schuchardt*. Der Vokalismus der Vulgarlatein. III. Leipzig, 1869.
- Schwyzler — *E. Schwyzler*. Griechische Grammatik. I. München, 1968.
- Scriban — *A. Scriban*. Dicționarul limbii românești. Iași, 1939.
- SGP — Słownik gwar polskich. I-. Wrocław etc., 1982-.
- SJP — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki*. Słownik języka polskiego. I-VIII. Warszawa, 1952.
- Skok — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I-IV. Zagreb, 1970-1974.
- Skok 1930 — *P. Skok*. Zum Balkanlatein, 3 // ZrPh. 1930, L, 4-5.
- Skok 1950 — *P. Skok*. Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. 1-2. Zagreb, 1950.
- Sławski — *F. Sławski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. 1-. Kraków, 1952-.
- Solta 1980 — *G. R. Solta*. Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980.

- SP — Słownik prasłowiański. Pod. red. F. Sławskiego. 1-. Wrocław etc., 1974-.
- Stadtmüller 1966 — *G. Stadtmüller*. Forschungen zur albanischen Frühgeschichte. 2. erw. Aufl. Wiesbaden, 1966.
- Steinke 1976 — *K. Steinke*. Zur Frage der thrakischen Sprachreste in der bulgarischen Lexik // *Le monde thrace*. II-e Congrès International de Thracologie. Buc., 1976. Volume sélectif. Paris etc., 1982.
- Stoicescu 1980 — *N. Stoicescu*. Continuitatea Românilor. Privire historiografică. Istoricul problemei. Dovezile continuității. Buc., 1980.
- Stokes 1891 — *W. Stokes*. The Second Battle of Magtura // *Revue celtique*. 1891, XII.
- Suchier 1894 — *H. Suchier*. Chlothars des II. Sachsenkrieg und die Anfänge des Französischen Volksepos // *ZrPh*. 1894, XVIII.
- Sundwall 1950 — *J. Sundwall*. Kleinasiatische Nachträge. (Studia orientalia edita Societas orientalis Fennica XVI: 1). Helsinki, 1950.
- Sychta — *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. I-VII. 1967-1976.
- Șăineanu 1979 — *L. Șăineanu*. Basmele române. Buc., 1979.
- Șiadbei 1958 — *I. Șiadbei*. Contribuții la studiu latinei orientale (III) // *SCL*. 1958, IX, 2.
- Tagliavini 1952 — *C. Tagliavini*. Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1952.
- Teaha 1957 — *T. Teaha*. Graiul din Valea Crișul Negru. Buc., 1957.
- ThLL — *Thesaurus linguae latinae*. I-VIII. Lipsiae, 1900-1950.
- Thunmann 1774 — *J. E. Thunmann*. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. I. Leipzig, 1774.
- Tiktin — *H. Tiktin*. Dicționar român-german. I-III. Buc., 1903-1924.
- Tocilescu 1880 — *G. Tocilescu*. Dacia înainte de Romani // *Analele Academiei române*. Ser. I. 1880, X.
- Tomaschek — *W. Tomaschek*. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Unveränderter Nachdrucke aus: *SBAW*. Phil.-hist. Klasse. 128, IV; 130, II; 131, I. Wien, 1980.
- Treimer 1914 — *K. Treimer*. Albanisch und Rumänisch // *ZrPh*. 1914/17, XXXVIII.
- Vaillant 1950 — *A. Vaillant*. Grammaire comparée de langues slaves. I. Paris, 1950.
- Vasmer 1921 — *M. Vasmer*. Studien zur albanesischen Wortforschung // *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis*. 1921, I, 1.
- Velkova 1986 — *Ž. Velkova*. The Thracian Glosses. Amsterdam, 1986.
- Viciu — *A. Viciu*. Glosar de cuvinte dialectale din graiul viu al poporului român din Ardeal. Buc., 1906.
- Vilhar 1931 — *A. Vilhar*. Zur Deutung des Bellerophonmythes // *Philologische Wochenschrift*. 1931, LI.
- Vrabie 1981 — *E. Vrabie*. Linguistic Aspects of the Question of the Romanians' Continuity in Dacia. A Critical Study // *RRL*. 1981, XXVI, 3.
- Vraciu 1980 — *A. Vraciu*. Limba daco-geților. Buc., 1980.
- Vries — *J. de Vries*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
- Vuia 1964 — *R. Vuia*. Tipuri de păstorit la români. Buc., 1964.
- Vulcănescu 1985 — *R. Vulcănescu*. Mitologie română. Buc., 1985.

- WAD — Wörterbuch Albanisch-Deutsch (von O. Buchholz, W. Fiedler, G. Uhlisch). Leipzig, 1977.
- Walde-Hofmann — *A. Walde*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938–1954.
- Walde-Pokorny — *A. Walde*. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, hg. J. Pokorny. 1–3. Berlin–Leipzig, 1928–1932.
- Weigand 1927₁ — *G. Weigand*. Albanische Einwanderung in Siebenbürgen // BA. 1927, III.
- Weigand 1927₂ — *G. Weigand*. Sind die Albaner die Nachkommen der Illyrer oder der Thraker // BA. 1927, III.
- Weigand 1927₃ — *G. Weigand*. Etymologien // BA. 1927, III.
- Wellmann 1898 — *M. Wellmann*. Das älteste Kräuterbuch der Griechen. I–II. Leipzig, 1898.
- Will 1955 — *E. Will*. Korinthiaka. Paris, 1955.
- van Windekens 1986 — *A. J. van Windekens*. Dictionnaire etymologique complémentaire de la langue grecque. Leuven–Paris, 1986.
- Windisch 1982 — *R. Windisch*. Die Herkunft der Rumänen im Lichte der deutschen Forschung // Vox romanica. 1982, 41.
- Witczak 1995 — *T. Witczak*. New Findings in Thracian Etymology I–II // Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. Sofia, 1995, 5.
- Zgusta 1984 — *L. Zgusta*. Kleinasiatische Ortsnamen. (Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Bh. 21). Heidelberg, 1984.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения периодических изданий

ААС	Архив за арбанаску старину, језик и етнологију. Београд.
БД	Българска диалектология. София.
БЕ (= LB)	Балканско езикознание. София.
ВДИ	Вестник древней истории. Москва.
ВЯ	Вопросы языкознания. Москва.
ИОЛЯ	Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Москва.
ЈФ	Јужнословенски филолог. Београд.
ЈЛМ	Лимба ши литература молдовнянскэ. Кишинэу.
МЈ	Македонски јазик. Скопје.
СБНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София.
СВЯ	Славянское и балканское языкознание. Москва.
СС	Советское славяноведение. Москва.
ВА	Balkan-Archiv. Leipzig.
ВВ	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Göttingen.
BSL	Bulletin de la Société linguistique de Paris. Paris.

BUSHt	Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Tiranë.
CL	Cercetări de lingvistică. București.
DAW	Denkschriften der Akademie, Wien, Philos.-hist. Klasse. Wien.
DR	Dacoromania. Buletinul "Muzeului limbii române". Cluj.
DSh	Dialektologia shqiptare. Tiranë.
GS	Grai si suflet. București.
JIES	The Journal of Indo-European Studies. Los Angeles.
IF	Indogermanische Forschungen. Strassburg-Berlin.
JIRS	Jahresbericht der Instituts für rumänische Sprache. Leipzig.
JRIW	Jahresbericht der rumänischen Institus. Wien.
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Berlin.
LB (= BE)	Linguistique balcanique. Sofia.
LR	Limbă română. București.
MSL	Mémoires de la Société linguistique de Paris. Paris.
RESEE	Revue des études Sud-Est Européenne. București.
RRH	Revue roumaine d'histoire. București.
RRL	Revue roumaine de linguistique. București.
SBAW	Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften, Wien. Philos.-hist. Klasse.
SCL	Studii și cercetări lingvistice. București.
SF	Studime filologjike. Tiranë.
ZB	Zeitschrift für Balkanologie. Berlin.
ZrPh	Zeitschrift für romanische Philologie. Halle.
ZslPh	Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig-Heidelberg.

Языки и диалекты

авест.	авестийский	болг.	болгарский
алб.	албанский	брет.	бретонский
альп.	альпийский	брян.	брянский
англ.	английский	валл.	валлийский
англ.-сакс.	англосаксонский	венг.	венгерский
арм.	армянский	в.-луж.	верхнелужицкий
аром.	аромунский	волог.	вологодский
арх.	архангельский	ворон.	воронежский
балк.	балканский	вят.	вятский
баск.	баскский	галлором.	галлороманский
беарн.	беарнский	галльск.	галльский
беот.	беотийский	гаэльск.	гаэльский
бергам.	бергамский	гег.	гегский
блр.	белорусский	генуэз.	генуэзский
бойк.	бойковский	гепид.	гепидский

герм.	германский	лит.	литовский
голл.	голландский	ломб.	ломбардский
гом.	гомеровский	лтш.	латышский
гот.	готский	лукан.	луканский
греч.	греческий	макед.	македонский
груз.	грузинский	мегл.	мегленский
гуцул.	гуцульский	мегр.	мегрельский
дак.	дакийский	мессап.	мессапский
далм.	далматинский	милан.	миланский
др.-в.-н.	древневерхненемецкий	молд.	молдавский
диал.	диалектный	морав.	моравский
догреч.	догреческий	нар.-лат.	народнолатинский
дон.-е.	доиндоевропейский	н.-в.-н.	нововерхненемецкий
др.-берг.	древнебергамский	н.-греч.	новогреческий
др.-инд.	древнеиндийский	нем.	немецкий
др.-ирл.	древнеирландский	нидерл.	нидерландский
др.-исл.	древнеисландский	н.-луж.	нижнелужицкий
др.-макед.	древнемакедонский	норв.	норвежский
др.-перс.	древнеперсидский	олон.	олонецкий
др.-прусск.	древнепруссский	осет.	осетинский
др.-русск.	древнерусский	пенз.	пензенский
др.-сакс.	древнесаксонский	перм.	пермский
друм.	дакорумынский	перс.	персидский
закарп.	закарпатский	пехл.	пехлевийский
ибер.	иберийский	печен.	печенежский
и.-е.	индоевропейский	пирен.	пиренейский
иллир.	иллирийский	польск.	польский
иран.	иранский	праслав.	праславянский
исп.	испанский	пск.	псковский
истр.	истрорумынский	пьем.	пьемонтский
итал.	итальянский	рейн.	рейнский
ион.	ионийский	ром.	романский
картв.	картвельский	рум.	румынский
кельт.	кельтский	русск.	русский
кельтибер.	кельтиберский	сакс.	саксонский
киммер.	киммерийский	сард.	сардинский
кл.	клинописный	сев.	северный
корн.	корнский	сван.	сванский
корс.	корсиканский	скт.	санскритский
куман.	куманский	слав.	славянский
лангоб.	лангобардский	слвц.	словацкий
лид.	лидийский	словен.	словенский

совр.	современный	тюрк.	тюркский
ср.-в.-н.	средневерхненемецкий	укр.	украинский
ср.-греч.	среднегреческий	франц.	французский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий	фрак.	фракийский
ст.	старо-	фриг.	фригийский
сурсельв.	сурсельвский	фриул.	фриульский
с.-хорв.	сербскохорватский	хетт.	хеттский
татар.	татарский	чан.	чанский
твер.	тверской	чеш.	чешский
том.	томский	энгад.	энгадинский
тоск.	тоскский	ю.-слав.	южнославянский
триест.	триестский	яросл.	ярославский
тур.	турецкий		
вар.	вариант		
ГН	гидроним		
ЛИ	личное имя		
МН	местное название		
ЭН	этноним		

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
<i>Введение</i>	4
Глава I. Румыно-албанские лексические соответствия: состав и интерпретация	17
Глава II. Румыно-албанские лексические схождения и их палеобалканские параллели	51
рум. <i>abur</i> ~ алб. <i>avull</i> ~ мессап. <i>Atabulus</i>	52
рум. <i>argea</i> ~ алб. <i>ragal</i> ~ др.-макед. ἄργελλα ~ “киммер.” (~ греч.) ἄργιλλα ~ фрак. ἄργιλος	55
рум. <i>balaur, bălaur</i> ~ алб. <i>bullar</i> ~ с.-хорв. блѣворь ~ (до)греч. Βέλλερος ~ фрак. Βολουρος и пр.	71
рум. <i>baltă</i> ~ алб. <i>baltë</i> ~ иллир. * <i>balta</i> ~ фрак. <i>Di-baltum,</i> Δε-βελτός	91
рум. <i>bască</i> ~ алб. <i>bashkë</i> ~ фрак. βασσάραι ~ др.-макед. βάσκιои, βασκευταί	94
рум. <i>băl, bălan</i> etc. ~ алб. <i>balash, balosh</i> ~ фрак. (?) βάλας ~ иллир. (?) Βάλιος, βάλιος	96
рум. <i>brustur</i> ~ алб. <i>brushtull</i> ~ дак. <i>riborasta</i>	104
рум. <i>buză</i> ~ алб. <i>buzë</i> ~ болг. буза ~ с.-хорв. бѣза ~ фрак. Βύζας, Βυζάντιον ~ иллир. <i>Beuzas, Beusas, Busio</i> etc.	105
рум. <i>codru</i> ~ алб. <i>kodër</i> ~ иллир. <i>Codrione</i>	118
рум. <i>druete</i> ~ алб. <i>dru</i> ~ дак. Δρουβητίς, <i>Drubeta, Drobeta</i>	122
рум. <i>mal</i> ~ алб. <i>mal</i> ~ дак. <i>Malva, Malvensis</i> ~ иллир. <i>Malontum</i> и пр.	125
рум. <i>măzăre</i> ~ алб. <i>modhull(ë)</i> ~ дак. μίζηλα	130
рум. <i>mînz</i> ~ алб. <i>mëz</i> ~ иллир. <i>Menzanas</i> ~ фрак. MEZENAI	139
рум. <i>strungă</i> ~ алб. <i>shtrungë</i> ~ фрак. Στρογγες	142
Заключение	145
Библиография	150
Принятые сокращения	171

Научное издание

Ирина Александровна Калужская

**Палеобалканские реликты в современных балканских языках
(К проблеме румыно-албанских лексических параллелей)**

Издательство «Индрик»

Лицензия ЛР № 070644 от 19.12.97.

Подписано в печать 27.02.2001. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная № 1.

Печ. л. 11,0. Тираж 500 экз. Заказ 4445

Издательско-производственная фирма «Индрик»

113452, Москва, ул. Азовская, д. 25, корп. 2, к. 130

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86

